This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

+ *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
+ *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
+ *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
+ *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at `http://books.google.com/`

Google

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.

- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.

- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.

- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице `http://books.google.com/`

STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ОЧЕРКИ
РУССКОЙ ИСТОРІИ
ВЪ
ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ
П. Полевого.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1880

Оглавленіе и списокъ рисунковъ втораго выпуска приложены къ концу книги, но цифры страницъ обозначены такъ, что желающіе могутъ перенести и оглавленіе, и списокъ въ начало книги и поставить ихъ тотчасъ вслѣдъ за предисловіемъ.

Оглавленіе перваго выпуска.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Каменный вѣкъ.** Первыя находки до-историческихъ древностей въ Европѣ.—Понятіе о трехъ вѣкахъ: каменномъ, бронзовомъ и желѣзномъ. — Первыя открытія орудій каменнаго вѣка во Франціи.—Открытія въ пещерахъ; изслѣдованіе кухонныхъ остатковъ.—Мѣста поселеній каменнаго вѣка.—Два періода каменнаго вѣка: древнѣйшій и позднѣйшій.—Матеріалы и способы изготовленія каменныхъ орудій.—Орудія нешлифованныя и шлифованныя.—Сверленіе каменныхъ орудій.—Занятія людей въ каменномъ вѣкѣ: рыболовство и охота; гончарное дѣло.—Орнаментика глиняныхъ издѣлій и украшенія. — Могилы и способы погребенія мертвыхъ. — Черепа людей каменнаго вѣка.—Общая картина быта каменнаго вѣка.—Отношеніе каменнаго вѣка къ двумъ остальнымъ вѣкамъ.—Общіе выводы относительно каменнаго вѣка въ Западной Европѣ. Каменный вѣкъ въ Россіи.—Старѣйшая коллекція каменныхъ орудій.—Успѣхи археологической науки въ Россіи за послѣднее десятилѣтіе. — Каменный вѣкъ не былъ одновременнымъ для всѣхъ мѣстностей Россіи.—Находки г. Полякова на сѣверѣ Россіи. — Находки на югѣ Россіи.—Находки на Волыни и въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. — Общіе выводы.

ГЛАВА ВТОРАЯ. **Свайныя постройки.** Открытіе ихъ.—Остатки быта сваестроителей.—Поводы къ сооруженію свайныхъ построекъ.—Свидѣтельство Геродота.—Сваестроитель и пещерный человѣкъ.—Промыслы и ремесла сваестроителей. — Продолжительность періода свайныхъ сооруженій.—Орудія каменнаго періода и орудія сваестроителей.—Произведенія искусства сваестроителей: уборы и украшенія.—Свайныя постройки въ Польшѣ и Галиціи. — Преданіе о провалившихся городахъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Бронзовый вѣкъ.** Когда начался онъ въ Европѣ? — Значеніе финикійской торговли въ исторіи бронзоваго вѣка (гипотеза Нильсона). — Значеніе Этрусковъ въ культурѣ бронзоваго вѣка (гипотеза Линденшмидта).—Важныя замѣчанія Садовскаго о значеніи бронзы въ быту народовъ средней Европы. — Вліяніе бронзоваго вѣка на общеевропейскую культуру.—Пути и способы европейской торговли въ бронзовомъ вѣкѣ. Бронзовый вѣкъ въ Россіи.—Двѣ главныя группы находокъ бронзоваго вѣка въ Россіи.—Ананьинскій могильникъ.—Первоначальныя раскопки его.—Вторичныя раскопки.—Находки г. Невоструева.—Важнѣйшіе предметы, добытые изъ Ананьинскаго могильника.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Скиѳы.** Общій видъ южно-русской степи.—Различные роды могильныхъ насыпей, попадающихся въ степи.—Слѣды древнихъ обитателей степи.—Значеніе колоній, основанныхъ Греками на берегахъ Понта. — Посѣщеніе сѣверныхъ прибрежій Понта Геродотомъ; свѣдѣнія, сообщаемыя имъ о Скиѳіи и Скиѳахъ.—Нечаянное открытіе въ Кулъ-Обской гробницѣ.—Розыски Геродо- [illegible] въ Екатеринославской губ. — Внутреннее устройство и способъ [illegible] щѣнныя находки въ Чертомлыцкомъ курганѣ.—Значе- [illegible] ія скиѳскаго быта. — Извѣстія Геродота о Скиѳахъ, [illegible] ими изъ скиѳскихъ могилъ. — Соображенія о народ- [illegible]

[illegible] ина разселенія Славянъ. — Важныя услуги, оказанныя [illegible] айшаго быта Славянъ въ періодѣ арійскомъ и обще- [illegible] тіямъ иностранцевъ. — Жилища Славянъ. — Занятія и [illegible] йны. — Бытъ семейный и общественный.—Наружность [illegible] тва. Древнѣйшія свѣдѣнія о Руси, доставляемыя лѣто- [illegible] Два вида городовъ.—Значеніе городищъ. — Городская [illegible] и способы торговли.—Особенности семейнаго быта.— [illegible] вѣрованій.—Воззрѣніе на смерть и загробную жизнь.— [illegible] обрядахъ сожженія, подтверждаемое археологическими [illegible]

(*Продолженіе см. далѣе, на 3-й стр. обложки*).

49/ир
V 6ц

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ

ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

Polevoĭ, P. N.

ОЧЕРКИ

РУССКОЙ ИСТОРІИ

ВЪ

ПАМЯТНИКАХЪ БЫТА.

СОЧИНЕНІЕ

П. Полевого.

II.

ПЕРІОДЪ СЪ XI—XIII ВѢКЪ.

Княжество Кіевское. Княжество Владиміро-Суздальское.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1880

С.-Петербургъ. Типографія В. О. Демакова. Новый переулокъ, д. № 7.

ЭКЗО
Э63
1.2

ДЛЯ ЭТОГО ИЗДАНІЯ

Рисунки исполнены художниками: Н. С. Пановымъ, Н. А. Бруни и В. В. Маттэ.

Гравюры Паннемакеромъ (въ Парижѣ) и В. В. Маттэ.

Фотографическія работы—В. Классеномъ, фотографомъ Имп. Академіи Наукъ.

Бумага доставлена фабрикою К. П. Печаткина.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ. 9-го апрѣля 1880 г.

Pl. 11. Byzantine Icon of Mary's Scarf in gesso.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Заканчивая вторымъ выпускомъ первый томъ нашей книги, мы считаемъ неизлишнимъ подвести въ настоящемъ предисловіи нѣкоторые итоги нашему труду.

Планъ, принятый нами въ основу сочиненія, въ этомъ второмъ выпускѣ окончательно выясняется для читателя, и вполнѣ осязательно показываетъ, чего именно можно ожидать отъ «Очерковъ Русской Исторіи въ памятникахъ быта».

Въ началѣ настоящаго выпуска мы даемъ возможно-полную картину кіевскаго быта, подраздѣляя ее на шесть важнѣйшихъ отдѣловъ. Знакомя читателя съ топографіей древняго Кіева, указывая на важнѣйшія эпохи его возрастанія и распространенія, мы обращаемъ особенное вниманіе на кіевскія святыни—драгоцѣнные остатки старины XI—XII вѣка, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшія до нашего времени. Въ главѣ второй и третьей мы собираемъ всѣ подробности о бытѣ князя и дружины, какія сохранены намъ собственно кіевскими источниками. При этомъ мы обращаемъ особенное вниманіе на выясненіе отношеній князя къ дружинѣ и старшихъ членовъ дружины къ младшимъ. Затѣмъ, въ четвертой и пятой главѣ, переходя къ описанію устройства кіевской Церкви и къ монастырскому быту, мы одинаково пользуемся и драгоцѣнными вещественными памятниками, и богатою лѣтописью Печерской обители, чтобы ознакомить читателя съ высокими религіозными идеалами Кіевской Руси. Наконецъ, въ шестой главѣ, сообщая всѣ факты, сохраненные намъ письменными памятниками о бытѣ и занятіяхъ городскаго населенія Кіева, мы позволяемъ себѣ указать на распредѣленіе этого населенія по частямъ города, на участіе различныхъ слоевъ населенія въ важнѣйшихъ проявленіяхъ кіевской городской жизни и на нѣкоторыя ея особенности.

Переходя къ Владиміро-Суздальской области, мы сначала знакомимъ читателя съ тѣми географическими условіями, которыя способствовали возвышенію Владиміра, а также и съ бытомъ древнѣйшихъ обитателей далекой сѣверо-восточной окраины древней Руси, насколько этотъ бытъ доселѣ извѣстенъ по курганнымъ раскопкамъ.

Пользуясь лѣтописью и остатками владимірской старины мы даемъ понятіе о древнемъ «стольномъ Владимірѣ» и важнѣйшихъ эпохахъ жизни города, въ періодъ его процвѣтанія, отъ половины XII до конца XIII в. Собирая въ главѣ девятой все, что можно было извлечь изъ суздальской лѣтописи о князѣ и дружинѣ, мы выставляемъ на первый планъ именно тѣ черты, которыя могли и должны были отличать дружинный и княжескій бытъ во Владимірѣ отъ того же быта въ Кіевѣ и другихъ историческихъ центрахъ древней Руси. Такимъ же образомъ поступаемъ мы и при описаніи устройства Церкви во Владимірѣ. Наконецъ, второй отдѣлъ нынѣшняго выпуска мы заканчиваемъ подробнымъ обзоромъ сохранившихся во Владимірѣ памятниковъ древняго церковнаго и гражданскаго зодчества — какъ особенно важныхъ по сравненію съ памятниками кіевской церковной старины.

Въ заключеніе нашего предисловія, мы должны сообщить, что печатаніе указателей къ первому и второму выпускамъ нашей книги нѣсколько замедлилось, и мы будемъ имѣть возможность дать ихъ не ранѣе, какъ при выходѣ въ свѣтъ третьяго выпуска.

П. Полевой.

8 апрѣля 1880 г. С.-П.

КІЕВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ГОРОДЪ КІЕВЪ.

Топографія нынѣшняго Кіева и его окрестностей.—Древнее поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева.—Сравненіе нынѣшняго города съ древнимъ.—Дѣтинецъ, Гора и Подолъ. Эпохи возрастанія города.—Обзоръ важнѣйшихъ остатковъ Кіевской старины.—Окрестныя урочища, вошедшія въ составъ нынѣшняго города.

Кіевъ лежитъ на правомъ возвышенномъ берегу Днѣпра, и каждому путнику, приближающемуся со стороны противуположнаго, лѣваго берега, большею частью плоскаго и ровнаго, городъ виденъ уже верстъ за двадцать. Холмистыя возвышенности праваго берега не тянутся непрерывною цѣпью и не вездѣ одинаково близко подходятъ къ Днѣпру: напротивъ—онѣ то подступаютъ къ самому берегу рѣки (какъ напр., около Вышгорода, верстахъ въ 7 повыше Кіева), то отступаютъ отъ берега на довольно значительное разстояніе, постепенно понижаясь и округляясь, по мѣрѣ удаленія отъ рѣки. Тамъ, гдѣ эти возвышенія удаляются отъ Днѣпра, ровные, мягкіе склоны берега покрыты превосходными поемными лугами, сочными пастбищами, кудрявой зеленью садовъ и перелѣсковъ, пересѣкаемыхъ извилистыми ручьями и рѣчками. Тамъ, гдѣ холмистыя возвышенія приближаются къ берегу, они громоздятся другъ на друга, вздымаются высокими грядами и образуютъ крутые, стремнистые берега.

Нынѣшній Кіевъ занимаетъ одинъ изъ такихъ прибрежныхъ пунктовъ, гдѣ возвышенности праваго берега подходятъ къ самой рѣкѣ, достигаютъ наибо́льшей своей высоты (43 саж.) и, почти не понижаясь и не отступая отъ берега, тянутся вдоль него, внизъ по рѣкѣ, верстъ на двѣнадцать, до самой Китаевской пустыни. И только за

этою пустынью холмы снова начинаютъ отступать отъ берега и удаляться въ глубь страны. Нельзя не обратить вниманія на то, что эта гряда холмовъ (на возвышенной точкѣ которыхъ стоитъ Кіевъ) представляетъ такое прихотливое разнообразіе видовъ, такой нескончаемый рядъ уступовъ, изрѣзанныхъ извилистыми оврагами, причудливыми рытвинами и зеленѣющими ложбинами, что самый Кіевъ и ближайшія его окрестности на правомъ берегу должны быть отнесены къ числу живописнѣйшихъ мѣстностей въ Европѣ.

Чрезвычайно красивъ правый берегъ Днѣпра, если смотрѣть на него съ противоположной стороны рѣки. Но и съ высотъ праваго берега передъ зрителемъ открывается прекрасный видъ во всѣ стороны, на очень далекое пространство. Равнина, захватывающая весь лѣвый берегъ, поражаетъ своимъ необъятнымъ просторомъ и своеобразною прелестью пейзажа. По этой равнинѣ, около самаго Днѣпра, широкою трехверстною лентою тянутся богатѣйшіе поемные луга, а за ними бѣлѣютъ селенія, съ нескончаемыми полями, и синѣющая даль сливается съ горизонтомъ, на которомъ темными пятнами выступаютъ еще уцѣлѣвшіе лѣса. За при-днѣпровскими лугами, между слободами Никольскою и Воскресенскою, одиноко возвышается среди равнины прославленная въ южно-русскихъ преданіяхъ Лысая гора.

Нѣкоторыя части нынѣшняго Кіева (Печерская, Дворцовая, Звѣринская, Старо-Кіевская) расположены на холмахъ; другія (Подольская, Лыбедьская), напротивъ того, на низменномъ пространствѣ, примыкающемъ съ сѣвера и сѣверо-востока къ береговымъ возвышенностямъ. Самые холмы, на которыхъ расположены верхнія части города, потребовали большаго труда и усилій, при новѣйшихъ перестройкахъ города: не легко было приравнять площадь города, придать улицамъ ихъ нынѣшнее правильное расположеніе, уменьшить крутизну подъемовъ и спусковъ.

Почва Кіевскихъ холмовъ — песчаная и глинистая; желтые пески перемежаются съ бѣлыми, а изъ подъ ихъ слоя выступаютъ пласты глины, то синей, то желтой, самыхъ разнообразныхъ оттѣнковъ. Изъ холмовъ, по глинистому слою, бѣгутъ во множествѣ ручьи, изобилующіе желѣзистыми частицами, и потому густо-окрашивающіе русло свое въ красновато-бурый цвѣтъ. Глина кіевская представляетъ собою превосходный матеріалъ для гончарныхъ издѣлій и въ связи съ кіевскими песками даетъ отличный кирпичъ. Въ холмахъ кіевскихъ мѣстами выступаетъ залегающій въ нихъ тонкій слой лигнита *), а у подошвы холмовъ нерѣдко отрываютъ кости мамонтовъ и другихъ ископаемыхъ.

Величавъ подъ Кіевомъ и самый Днѣпръ, къ которому при-

*) Бурый уголь - остатокъ обуглившагося въ землѣ растенія.

легаютъ и возвышенныя, и низменныя части нынѣшняго города. Верстахъ въ семи выше Кіева, Днѣпръ принимаетъ въ себя Десну (съ лѣвой стороны) и потомъ, противъ самаго Подола, раздѣляется на два рукава: одинъ изъ нихъ, главный, омываетъ тотъ округлый, низменный выступъ берега, на которомъ расположенъ Кіевскій Подолъ; другой, менѣе важный, уклоняется восточнѣе и посредствомъ многихъ протоковъ вновь соединяется съ Днѣпромъ-Старикомъ (1), уже гораздо ниже, подъ стѣнами Печерской обители. Этотъ рукавъ извѣстенъ подъ названіемъ Черторыя. Между Днѣпромъ-Старикомъ и Черторыемъ издревле образовался обширный наносный островъ, называемый Трухановъ; среди него еще уцѣлѣло озеро, извѣстное въ нашихъ лѣтописяхъ подъ названіемъ Долобьскаго или Дулебскаго.

Днѣпръ подъ Кіевомъ не глубокъ: въ обыкновенное время, отъ 5—9 саж. по фарватеру. Ширина рѣки довольно значительна: отъ 170 до 250 саженъ. Во время весенняго половодья Днѣпръ нерѣдко затопляетъ не только весь лѣвый берегъ, но и всѣ низменныя части праваго берега (Плоскую, Подолъ и подгородныя слободы), подымаясь на 6, 9, даже 11 аршинъ выше своего постояннаго уровня. Вотъ почему и большая часть домовъ на прибрежныхъ низменностяхъ, прилегающихъ къ городу, строится на высокихъ сваяхъ.

Разливъ Днѣпра начинается въ мартѣ и продолжается до конца апрѣля; окончательно же рѣка входитъ въ берега свои не ранѣе половины іюня. Острова и низменныя прибрежья Днѣпра и до сихъ поръ еще изобилуютъ болотною дичью всѣхъ сортовъ, а въ лѣсахъ около Кіева водятся зайцы, волки, лисицы, дикія козы и даже вепри. Рыбою Днѣпръ подъ Кіевомъ не богатъ, и ея почти никогда не хватаетъ даже для мѣстнаго потребленія.

Плодоносная кіевская почва, обильно орошаемая влагой и согрѣваемая лучами благодатнаго южнаго солнца, производитъ весьма богатую и разнообразную растительность. Ягоды и фрукты родятся превосходно; нѣжные плоды — абрикосы и персики — созрѣваютъ на открытомъ воздухѣ, и даже виноградъ разныхъ сортовъ разводится довольно успѣшно. Грецкій орѣхъ, ай-лантъ, пирамидальный тополь, бѣлая акація и другія южныя деревья достигаютъ замѣчательнаго роста, силы и красоты.

Нынѣшній Кіевъ, губернскій городъ съ 130-тысячнымъ населеніемъ, прекрасно обстроенный, живописный, обширный и красивый, представляетъ собою важнѣйшій центръ промышленности юго-западнаго края, узелъ желѣзныхъ дорогъ, одинаково важный и въ административномъ, и въ стратегическомъ отношеніяхъ.

Новѣйшія археологическія данныя заставили убѣдиться въ томъ, что, уже и за много вѣковъ до выступленія Руси на историческую

сцену, мѣстность нынѣшняго Кіева занята была поселеніемъ осѣдлаго племени.

При земляныхъ работахъ, предпринятыхъ въ 1874 году для расчистки мѣста между улицами Прорѣзною и Фундуклеевскою, случайно наткнулись на обширное и весьма древнее кладбище. Судя по чрезвычайному множеству скелетовъ, которые уже и до этой находки въ различное время были находимы около памятника, поставленнаго на мѣстѣ бывшей церкви св. Ирины, а также близь Миниховскаго вала и на Елисаветинской улицѣ — слѣдуетъ замѣтить, что кладбище это занимаетъ весьма обширное пространство и много вѣковъ сряду служило мѣстомъ погребенія обширному и древнему поселенію, находившемуся на мѣстѣ нынѣшняго Кіева. Скелеты попадались большею частью на глубинѣ 2½ аршинъ, лежали, въ большей части случаевъ, по направленію отъ сѣвера къ югу. При нѣкоторыхъ найдены были только кругловатые, просверленные по срединѣ, камни, величиною въ кулакъ; при многихъ — бусы изъ краснаго шифера, которыя, какъ мы уже знаемъ, въ обиліи производились въ мѣстности Овручскаго уѣзда, Волынской губерніи, близь села Каменьщины. Среди могилъ попадались и такія, которыя вырыты были въ родѣ небольшихъ пещерокъ, и въ нихъ подъ низкимъ сводомъ поставлены горшки съ пепломъ и обожженными костями. Сводъ и боковыя стѣнки такихъ могилъ были начисто вымазаны глиною, и глина эта обожжена. Кромѣ этихъ могилъ, среди того же кладбища попадались круглыя, глубокія ямы (12 фут. въ поперечникѣ и 4 арш. глубины) съ остатками очаговъ, сложенныхъ изъ песчаника и другихъ камней; они носили на себѣ явные слѣды огня. Среди наполняющаго эти ямы чернозема находили множество обугленныхъ и раздробленныхъ костей домашнихъ животныхъ (лошадей, рогатаго скота и свиней). Ясно, что эти очаги были также, вмѣстѣ съ кладбищемъ, остатками какого-то весьма древняго поселенія, бывшаго на мѣстѣ Кіева въ такую отдаленную эпоху, когда мѣстное населеніе еще не успѣло завести торговыя сношенія съ цивилизованными народами.

А между тѣмъ существуютъ самыя осязательныя, несомнѣнныя доказательства того, что подобныя сношенія кіевскаго При-днѣпровья съ греческимъ Югомъ начались уже очень рано. Съ одной стороны, это подтверждается тѣми ископанными въ прибрежьяхъ Днѣпра пещерами, которыя непрерывною цѣпью тянутся отъ Кіева внизъ на цѣлыя 20—30 верстъ. Пещеры эти уже и для отшельниковъ XI вѣка представлялись чѣмъ-то весьма давнимъ. Клады, которые уже и въ Несторово время находили въ этихъ пещерахъ, ясно указываютъ на то, что торговля велась въ этой мѣстности уже за много вѣковъ до историческаго основанія Кіева, и эти пещеры служили, быть можетъ, не только убѣжи-

щемъ для смѣлыхъ купцовъ-пиратовъ, но и мѣстомъ храненія сокровищъ, накоплявшихся отъ ихъ прибыльнаго промысла.

Съ другой стороны, въ пользу рано установившихся сношеній съ греческимъ Югомъ говорятъ и тѣ замѣчательные остатки исторической древности, которые доставлены были могилами Кіевской губерніи ([2]). Въ числѣ ихъ видимъ «бронзовые шлемы и топоры благороднѣйшихъ греческихъ формъ, бронзовые наконечники стрѣлъ греческаго издѣлія, бронзовыя вазы чистѣйшей греческой работы, золотыя украшенія отъ одежды (съ точно такими же изображеніями, какія намъ извѣстны по находкамъ, сдѣланнымъ въ греческихъ колоніяхъ), обыкновенныя греческія амфоры для храненія вина и даже хорошо сохранившуюся росписную вазу III столѣтія до Р. Х.» ([3]).

Древняя лѣтопись наша, разсказывая о прибытіи въ Кіевъ Аскольда и Дира съ горстью варяжскихъ удальцовъ, сообщаетъ и преданіе объ основаніи Кіева нѣкіимъ Кіемъ, который вмѣстѣ съ братьями своими, Щекомъ и Хоривомъ и сестрою Лыбедью осѣлъ на горахъ Днѣпровскихъ и основалъ Кіевъ.

Отголоски этого преданія еще и доселѣ звучатъ въ мѣстныхъ названіяхъ Кіевскихъ урочищъ; но само преданіе, по-видимому, уже и во времена древняго лѣтописца нашего, было, въ свою очередь, отголоскомъ далекой старины, и личность Кія, основателя стольнаго города южной Руси, оказывалась темною и неопредѣленною даже для современниковъ Нестора. Важно для насъ то, что названіе Кіева не является одинокимъ; оно прилагается не только къ нашему городу Кіеву, а, напротивъ того, участвуетъ въ наименованіяхъ многихъ урочищъ, разсѣянныхъ по Дунаю и всѣмъ землямъ славянскимъ. Очевидно, что названіе города Кіева было принесено на берега Днѣпра съ юга, съ береговъ Дуная, въ эпоху движенія и разселенія славянскихъ племенъ на территоріи западной и юго-западной Руси. Слѣдовательно, и въ самомъ именованіи будущаго стольнаго города Руси Кіевомъ является отголосокъ весьма далекой славянской старины.

Изъ дальнѣйшей исторіи Кіева до начала IX вѣка древній лѣтописецъ нашъ упоминаетъ только о томъ, что Поляне, въ землѣ которыхъ городъ былъ построенъ, платили дань Хазарамъ (вѣроятно, въ VIII вѣкѣ, въ эпоху наибольшаго процвѣтанія и могущества Хазарскаго царства); и затѣмъ уже прямо переходитъ къ исторіи Кіева подъ варяжскимъ владычествомъ, внимательно и подробно слѣдя за возрастаніемъ города, который въ XI вѣкѣ уже гремѣлъ на Востокѣ и Западѣ своимъ богатствомъ и славою, а въ половинѣ XIII вѣка поразилъ полчища Батыевы своимъ величіемъ и красотою.

Для того, чтобы ознакомиться съ исторіею постепеннаго роста древней столицы нашего Юго-Запада, на сколько она сохранилась намъ

въ нашихъ памятникахъ, необходимо опредѣлить объемъ того древняго Кіева, который еще во 2-й половинѣ IX вѣка представлялся Аскольду и Диру небольшимъ «городкомъ на горѣ», а также сравнить топографію мѣстности, занимаемой нынѣшнимъ Кіевомъ, съ тою же мѣстностью, какою она была десять вѣковъ тому назадъ.

Прежде всего замѣтимъ, что мѣстность нынѣшняго Кіева—въ особенности важнѣйшихъ нагорныхъ частей его—измѣнилась чрезвычайно, не только въ періодъ времени съ X по XIX вѣкъ, но даже и съ конца XVIII в. до нашего времени, и въ особенности въ послѣднія 40—50 лѣтъ. Срыты цѣлыя горы, засыпаны старые рвы и овраги, проложены новыя улицы, расчищены площади, устроены набережныя и спуски, прорыты каналы; съ другой стороны работала и природа своимъ постояннымъ, обычнымъ, неуклоннымъ путемъ, обрушая горы, подмывая берега, нанося острова и мели, измѣняя русла многочисленныхъ днѣпровскихъ протоковъ.

Не вдаваясь въ большія подробности, отмѣтимъ только важнѣйшія изъ этихъ топографическихъ измѣненій, необходимыя для ближайшаго изученія плана древняго Кіева. Прежде всего обратимъ вниманіе на то, что нынѣшняя низменная часть Кіева, называется Подоломъ, въ прежнее время (и даже еще не весьма отдаленное), не омывалась Днѣпромъ, такъ какъ тутъ протекала рѣчка Почайна, берущая начало версты на три съ половиною сѣвернѣе Кіевскаго Подола. Въ эту рѣчку, а не въ Днѣпръ впадалъ быстрый и сильный ручей Глубочица, вытекающій изъ озера, лежащаго въ двухъ верстахъ на сѣверо-западъ отъ Кіево-Подола. Протекая глубокимъ удольемъ между горами Скавикою и Киселевкою, ручей Глубочица принималъ въ себя рѣчку Кіянку и пролагалъ себѣ путь къ Почайнѣ по болотистой низменности Подола. Самая Почайна, устье которой находилось подъ Крещатицкимъ оврагомъ, въ нижней части своего теченія, шла почти параллельно Днѣпру, отъ котораго и отдѣлялась довольно широкою полосою берега. Эта полоса берега, въ видѣ узкой косы, существовала еще въ прошломъ вѣкѣ, но впослѣдствіи, благодаря нѣкоторымъ неудачнымъ техническимъ сооруженіямъ, коса эта, въ самое короткое время, была уничтожена напоромъ Днѣпра и памятью ея остался, противъ Крещатицкаго оврага, островокъ, нѣкогда составлявшій крайнюю оконечность несуществующей болѣе косы. Вслѣдствіе этого исчезновенія цѣлой полосы берега, Почайна, въ настоящее время, впадаетъ въ Днѣпръ уже не у подошвы Кіевскихъ горъ, на которыхъ стоялъ древній городъ, а на полверсты выше Подола; а ручей Глубочица, обращенный въ правильно окопанный каналъ, пересѣкающій Подолъ, изливается не въ Почайну, а въ Днѣпръ, который продолжаетъ теперь свою разрушительную работу уже не надъ прибрежьями Почайны, а прямо надъ набережною Подола (¹).

Съ другой стороны, видъ мѣстности, лежащей противъ Кіева, довольно подробно описанный нами выше, также представляется намъ инымъ, нежели онъ долженъ былъ представляться много вѣковъ тому назадъ. Мѣстность лѣваго берега, въ настоящее время изрѣзаннаго протоками Днѣпра, образующими большіе и малые прибрежные острова и мели, между которыми въ послѣднее время прорытъ широкій, искусственный каналъ (такъ называемый Пробитецъ), была вѣроятно покрыта водою Днѣпра, который, конечно, былъ и шире, и обильнѣе водами въ тѣ времена, когда дремучіе лѣса покрывали берега его и подходили отовсюду подъ самыя стѣны Кіева.

Отчасти вслѣдстіе того, что топографическія условія были иными, отличными отъ топографическихъ условій позднѣйшаго (а тѣмъ болѣе новѣйшаго) времени, пространство, на которомъ могло основаться первоначальное поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева, является весьма необширнымъ. Пространство это ограничивалось вершиною такъ называемой Старо-Кіевской горы, гдѣ и теперь помѣщается Андреевское отдѣленіе Стараго Кіева или Старый Городъ съ Десятинной церковью; этотъ Старый городъ составляетъ только сѣверо-восточный уголъ Кіевской горы, глубокими оврагами отдѣленной ото всѣхъ остальныхъ Кіевскихъ возвышенностей и высоко поднимающейся надъ Кіевскимъ Подоломъ. Это и есть первоначальный городъ Кіевъ, который только со второй половины X вѣка сталъ быстро возростать и къ концу XI в. уже успѣлъ увеличиться въ двадцать разъ противъ своего первоначальнаго объема.

Любопытны размѣры этого древнѣйшаго русскаго *города* или *городка*, впослѣдствіи обратившагося въ дѣтинецъ города Кіева и резиденцію князей Кіевскихъ: вся площадь равняется 26,316 квадр. саж. или 10 дес. и 2316 кв. саж.; наибольшая длина отъ юга къ сѣверу:— 238 саж.; наибольшая ширина отъ сѣвера къ востоку и къ юго-западу — 148. Въ окружности своей, по валамъ, городъ Кіевъ имѣлъ всего 540 саж., а съ предмѣстьемъ могъ заключать въ себѣ не болѣе 2 верстъ.

Внимательно слѣдя за указаніями лѣтописи по отношенію къ объему этого древнѣйшаго Кіева временъ Игоря и Ольги, мы можемъ опредѣлить его предѣлы такъ: на югъ онъ граничилъ глубокимъ оврагомъ, носившимъ названіе Перевѣсища (нынѣ Крещатицкій); на востокъ— крутыми, неприступными склонами горы, спускавшейся къ Почайнѣ; на сѣверо-востокъ—Подоломъ, и на сѣверъ—оврагомъ, отдѣлявшимъ градскую гору отъ горы Уздыхальницы (нынѣшней Киселевки); на западъ— оврагомъ, отдѣляющимъ нынѣшнее Андреевское отдѣленіе Стараго города (собственно *дѣтинецъ* или Старѣйшій Кіевъ) отъ Софійскаго отдѣленія Стараго города, болѣе извѣстнаго по древней лѣтописи нашей подъ названіемъ *Горы* (въ смыслѣ нагорной, верхней части города).

На западной сторонѣ находились ворота дѣтинца, а передъ воротами древнѣйшій мостъ (упоминаемый уже подъ 1068 г.), соединявшій дѣтинецъ съ Горою. Вверху, по окраинѣ нынѣшняго Крещатицкаго оврага, шла единственная отъ устья Почайны (и съ прибрежій Днѣпра) дорога въ дѣтинецъ, носившая названіе *Боричева увоза* или *ввоза*. Далѣе на сѣверъ, по тому же оврагу (западнѣе огибая Уздыхальницу и слѣдуя теченію рѣчки Кіянки) та же дорога спускалась на Подолье и потомъ шла къ Вышгороду.

Лѣтопись не сохранила намъ названія единственныхъ воротъ дѣтинца Кіевскаго, хотя мы и знаемъ, что впослѣдствіи (гораздо позднѣе) они носили названіе Софійскихъ и Батыевыхъ.

Изъ всѣхъ зданій, находившихся въ Кіевскомъ дѣтинцѣ, въ первой половинѣ X вѣка, мы знаемъ только каменный теремъ княгини Ольги, который былъ по тому времени явленіемъ на столько замѣчательнымъ и рѣдкимъ, что память о немъ не могла не сохраниться; теремъ этотъ занималъ сѣверо-восточный уголъ дѣтинца. Внѣ предѣловъ дѣтинца, обнесеннаго валомъ и соединеннаго мостомъ съ Горою, заселеніе собственно Горы и ближайшихъ къ дѣтинцу окрестностей началось не ранѣе, какъ со временъ Владиміра; но до Владиміра, все остальное пространство Горы (нынѣшнее Софійское отдѣленіе Стараго Города) было не заселено, занято полями и огородами: а на западныхъ и южныхъ окраинахъ Горы начинались уже дебри и лѣса.

По свидѣтельству лѣтописца, «внѣ города», однакоже подъ самыми его стѣнами, на мѣстѣ нынѣшняго Крещатика, за Боричевымъ увозомъ, начинался лѣсъ и, подымаясь въ гору, тянулся далеко на югъ, до самаго Печерскаго монастыря и на юго-западъ до Клова. За Боричевымъ увозомъ, на окраинѣ лѣса, въ нижнихъ частяхъ нынѣшняго Крещатика, находились мѣста постоянныхъ княжескихъ лововъ, такъ называемое Перевѣсище (*). Этими весьма ограниченными свѣдѣніями исчерпывается все, что мы знаемъ о топографіи древнѣйшаго города Кіева до половины X вѣка.

Начиная съ этого времени, при ближайшихъ преемникахъ Владиміра, городъ начинаетъ быстро возрастать по направленію къ западу, сѣверо-западу и югу. На югѣ городъ захватываетъ часть Перевѣсища, почти достигаетъ черты нынѣшняго Крещатика и Лыбеди; на западѣ—захватываетъ всю Гору, до самыхъ Златыхъ воротъ, и даже на берегахъ ручья Глубочицы, на склонахъ горы Скавика, являются городскія поселенія.

Въ концѣ XI вѣка этотъ Старый городъ, во всемъ своемъ объемѣ, огражденъ стѣною и валомъ, сквозь который вели къ городу съ четырехъ различныхъ сторонъ ворота: съ сѣверо-востока ворота

градскія, отъ моста у Дѣтинца; съ юго-запада — Златыя, съ сѣверо-запада—Жидовскія, и съ юго-востока—Лядскія.

На сѣверо-востокѣ сталъ заселяться обширный и во многихъ отношеніяхъ удобный для торга Подолъ, на которомъ уже очень рано, быть можетъ во времена Аскольда и Дира, среди лѣса и топей, пріютилась древнѣйшая православная церковь св. Иліи. Заселеніе Подола началось при Владимірѣ I и Ярославѣ I; при Изяславѣ онъ уже является многолюднымъ, а при Святополкѣ II здѣсь находился главный центръ тяготѣнія всей Кіевской торговли. Въ XI и XII вѣкахъ Подолъ играетъ очень важную роль въ исторіи Кіева: зажиточные жители его нерѣдко собираютъ вѣча и принимаютъ участіе во всѣхъ мятежахъ.

Въ заключеніе общаго топографическаго обзора Стараго Кіева замѣтимъ, что Печерская возвышенность, лежавшая на юго-востокъ отъ Кіева, до начала XVIII вѣка не была застроена никакими частными городскими зданіями, и во весь Кіевскій періодъ нашей исторіи представляла лѣсную дичь и глушь. Среди этой глуши знаемъ только Печерскій и Николаевскій монастыри съ нѣкоторыми принадлежавшими къ нимъ селеніями. Въ сельцѣ Берестовомъ, любимомъ мѣстопребываніи Ярослава I, расположенномъ такъ близко отъ монастыря Печерскаго, лѣтопись упоминаетъ только княжескій дворецъ и церкви Преображенія Господня и св. апостоловъ Петра и Павла, да еще по дорогѣ въ Берестовое, среди глухой лѣсной чащи, монастыри: Стефанечъ (т. е. Стефановъ) и Германечъ (т. е. Германовъ) на Кловѣ.

Въ Градѣ или дѣтинцѣ Кіевскомъ, какъ древнѣйшемъ ядрѣ Кіева, лѣтопись, въ періодъ XI—XII вѣковъ, упоминаетъ слѣдующіе пункты: 1) древнѣйшій теремъ княжескій; 2) дворы и дома частныхъ лицъ (Воротислава, Гордятинъ и Деместиковъ); 3) церковь св. Василія; 4) церковь Десятинную; 5) монастырь св. Андрея или Яничь; 6) монастырь св. Ѳеодора или Вотчъ; 7) Бабинъ Торжокъ; 8) ворота градскія и 9) мостъ, перекинутый противъ этихъ воротъ черезъ оврагъ, отдѣлявшій Градъ отъ Горы. На Горѣ, примкнувшей къ Граду въ половинѣ XI вѣка, лѣтопись упоминаетъ: 1) соборъ св. Софіи; 2) Златыя ворота; 3) церковь св. Ирины; 4) церковь св. Георгія; 5) частные дома и дворы (Брячиславль и Глѣбовъ); 6) тюрьму (порубъ или погребъ); 7) врата Жидовскія и 8) врата Лядскія.

Для большаго удобства разсмотрѣнія этихъ отдѣльныхъ мѣстностей и оцѣнки значенія ихъ, каждой въ отдѣльности, укажемъ, что въ исторіи распространенія и роста древняго Кіева рѣзко замѣтны три эпохи:

1) Эпоха Владиміра, когда Кіевъ еще не переходилъ за предѣлы древняго Града, но Градъ сталъ обстраиваться и украшаться новыми замѣчательными зданіями (церковь св. Василія и церковь Пресвятыя Богородицы Десятинной).

2) Эпоха Ярослава, наиболѣе важная въ исторіи Кіева, когда Кіевъ перешелъ за предѣлы первоначальнаго Града, занялъ Гору, и эта Гора, обнесенная стѣнами и валомъ, украсилась такими величавыми сооруженіями, какъ Златыя врата съ бывшею надъ ними церковью Благовѣщенія, и какъ Софійскій соборъ. Къ тому же времени относились и церкви св. Ирины и св. Георгія.

3) Эпоха ближайшихъ преемниковъ Ярослава, при которыхъ Кіевъ разросся до крайнихъ, вышепомянутыхъ нами, предѣловъ древняго своего распространенія, а Градъ украсился двумя новыми монастырями, Андреевскимъ и Ѳеодоровскимъ, между тѣмъ какъ и на древнемъ Перевѣсищѣ, и на Подолѣ, и на всѣхъ ближайшихъ къ Кіеву урочищахъ возникли церкви, монастыри и божницы, выстроенныя усердіемъ князей, частныхъ лицъ и отдѣльныхъ сословій.

Начнемъ съ эпохи Владиміровой. Мы уже знаемъ изъ предъидущаго, какія зданія заключалъ въ себѣ древній Кіевскій дѣтинецъ до Владиміра. Къ эпохѣ Владиміровой относится построеніе въ томъ же дѣтинцѣ двухъ церквей—св. Василія и Десятинной. Первая построена была Владиміромъ тотчасъ по принятіи крещенія (въ 988) и построена на томъ самомъ холмѣ, «внѣ двора теремнаго», гдѣ стоялъ до того времени кумиръ Перуновъ. Первоначально церковь была деревянная, судя по тому, что Владиміръ, по выраженію лѣтописи, приказалъ всюду *рубить* церкви, а въ томъ числѣ и церковь св. Василія, построенную въ честь того святаго, котораго имя дано было Владиміру при крещеніи.

Чтобы понять дальнѣйшую исторію этой церкви, необходимо опредѣлить мѣсто того теремнаго двора, близъ котораго она была построена. Г. Закревскій, лучшій знатокъ древней Кіевской топографіи, говоритъ, что въ Кіевскомъ дѣтинцѣ, отъ временъ Ольги былъ одинъ и тотъ же дворъ княжій, быть можетъ подвергавшійся при послѣдующихъ князьяхъ распространенію и перестройкамъ, но не измѣнившій своего мѣста. Онъ находился на южной сторонѣ дѣтинца между нынѣшними церквами Трехсвятительскою и Андреевскою, и, переходя отъ одного князя къ другому, отъ Владиміра и Ярослава къ ихъ потомкамъ, онъ же слылъ впослѣдствіи то Ярославовымъ дворомъ (1037 г.), то Великимъ (1183), то Новымъ (1194 г.). Вотъ почему мы имѣемъ полное право предполагать, что каменная церковь св. Василія на Великомъ дворѣ и на Новомъ дворѣ, упоминаемая дважды въ XII в., была воздвигнута на томъ же мѣстѣ, на которомъ стояла древняя Владимірова деревянная церковь. Кѣмъ именно воздвигнута каменная церковь, опредѣлить трудно, тѣмъ болѣе, что различныя лѣтописи приписываютъ сооруженіе ея различнымъ князьямъ и различнымъ годамъ. Въ первой трети XIII в. при церкви св. Василія упоминается монастырь. Остатки церкви св. Василія двѣ полуразрушенныя стѣны въ 5—6 фут. выши-

ною, покрытыя греческими надписями, видны были еще въ половинѣ XVII в. Съ конца XVII в. на мѣстѣ разрушенной церкви св. Василія стоитъ нынѣшняя Трехсвятительская церковь. Въ 1838 г., въ 20 шагахъ отъ церкви, открыты были глубокія пещеры съ отдѣльными ходами въ разныя стороны; ходы эти заканчивались завалами. Пещеры вырыты были въ твердомъ глинистомъ песчанникѣ и совершенно сходны съ пещерами Лаврскими.

Церковь Десятинная, въ честь Пресвятой Богородицы (предполагаютъ: Успенья Богородицы) заложена была Владиміромъ въ 989 г., а окончена въ 996 году. Построена она была на мѣстѣ двора Варяга-

Рис. 1. Церковь Рождественская, построенная Петромъ Могилою изъ остатковъ Десятинной.

мученика, въ сѣверной сторонѣ дѣтинца. Мастера для постройки этого храма призваны «отъ Грекъ», и присмотръ за работами порученъ Анастасу Корсунянину; а потомъ приставлены къ ней на служеніе попы корсунскіе и перенесены въ нее иконы, сосуды и кресты, взятые Владиміромъ въ Корсуни.

Названіе «Десятинной» церковь получила, какъ извѣстно, отъ того, что Владиміръ, при освященіи ея, принесъ ей въ даръ $\frac{1}{10}$ десятую долю всѣхъ своихъ доходовъ, и положилъ въ церковь запись о десятинѣ на вѣчныя времена, запись, налагавшую проклятіе на каждаго, кто бы рѣшился измѣнить или осудить его завѣтъ. Въ 1007 году привезены были изъ Греціи иконы для Десятинной церкви. Въ 1017 г. страшный

пожаръ, истребившій большую часть Кіева, повредилъ и церковь Десятинную. Возобновленная Ярославомъ I, она была вновь освящена митрополитомъ Ѳеопемптомъ въ 1039 г. Въ 1044 г. туда, по желанію Ярослава, перенесены были окрещенныя кости Ярополка и Олега Святославичей. Въ 1078 г. въ Десятинной церкви погребено тѣло великаго князя Изяслава Ярославича, а въ 1093 г. Ростислава Мстиславича. Въ 1169 г. Десятинная церковь, въ числѣ прочихъ храмовъ Кіевскихъ, подверглась ограбленію отъ воиновъ Андрея Боголюбскаго, а въ 1203—отъ воиновъ Рюрика, расхитившихъ драгоцѣнности, книги и другія вещи, пожертвованныя князьями. Съ западной стороны, противъ Десятинной церкви, на торговой площади, носившей названіе «Бабина торжка», поставлены были еще отъ временъ Владиміра двѣ статуи и четыре бронзовыхъ коня, взятыхъ изъ Корсуни.

Тщательное изслѣдованіе древняго фундамента Десятинной церкви и внимательное изученіе всей окружной мѣстности привело къ возможности составить себѣ нѣкоторое, довольно правильное понятіе о размѣрахъ и внутреннемъ, великолѣпномъ, по тому времени, убранствѣ Десятинной церкви. Церковь была четыреугольная, длиною по срединѣ около 24 саж. и шириною 16 саж. Восточная или алтарная часть фундамента, подобно другимъ древнимъ церквамъ Кіевскимъ, имѣла три выступа или округлости, изъ коихъ средняя была болѣе боковыхъ. По остаткамъ, найденнымъ при отрытіи фундамента, можно догадываться, что у церкви Десятинной былъ архитравъ *), украшенный греческою надписью и большими круглыми муравленными розетами **); что карнизы состояли изъ гранита и мѣстами изъ бѣлаго мрамора, а стѣны украшены были пилястрами ***). Внутренняя отдѣлка храма была еще великолѣпнѣе: полъ мозаическій изъ тяжелыхъ плитъ, а въ алтарѣ — изъ разноцвѣтныхъ мраморовъ, яшмъ и изъ плитъ муравленныхъ на подобіе кафель ****). Колонны изъ бѣлаго мрамора съ такими же базами, капителями и карнизами поддерживали хоры (полати), о которыхъ упоминаетъ лѣтопись. Цоколь *****) состоялъ изъ полированнаго краснаго гранита; стѣны алтаря были покрыты мозаикою, а стѣны остальнаго храма, поверхъ штукатурки, расписаны фресковою живописью, весьма несовершенною по очертаніямъ рисунка, но и теперь еще изумляющею насъ живостью красокъ.

*) Архитравъ въ древней архитектурѣ такъ называлась балка, лежавшая непосредственно надъ капителями колоннъ и соединявшая колонны другъ съ другомъ.

**) *Розета* — архитектурное украшеніе въ видѣ *розы*, помѣщаемое въ у дубленіяхъ сводовъ и потолковъ или въ промежуткахъ карнизовъ.

***) *Пилястры* — колонны округлой и неполукруглой, а четвероугольной формы, непосредственно приставленныя къ стѣнамъ зданія, и составляющія какъ бы выступы ихъ.

****) *Кафели* — тоже, что изразцы.

*****) *Цоколь* — тесанный камень, которымъ обкладывается наружная часть фундамента въ зданіяхъ.

Десятинная церковь, при взятіи Кіева Батыемъ, была послѣднимъ оплотомъ Кіевлянъ противъ Татаръ, и, вѣроятно, по тому именно болѣе всѣхъ церквей пострадала. О дальнѣйшей судьбѣ ея намъ извѣстно только то, что Петръ Могила, въ 1635 г., вздумалъ поднять ее изъ развалинъ и воздвигъ на древнемъ фундаментѣ и части уцѣлѣвшей стѣны — маленькую церковь въ честь Рождества Богородицы, которая мало-по-малу пришла въ ветхость и была снесена для постройки ны-

Рис. 2. Остатки древней Десятинной церкви (до срытія).

нѣшней обширной Десятинной церкви. Новая Десятинная церковь, хотя и стоитъ на мѣстѣ древней, но ничего не имѣетъ съ ней общаго, такъ какъ не только стѣна Могилиной церкви была, при постройкѣ новой, разрушена, но и даже и самый фундаментъ древней Десятинной церкви былъ уничтоженъ, а на мѣсто его заложенъ новый.

Переходимъ къ эпохѣ Ярославовой, особенно обильной памятни-

ками замѣчательными, можно почти сказать величественными, по тому времени, и (по особенному счастью) уцѣлѣвшими до нашихъ дней, несмотря на пережитые вѣка невзгодъ, раззореній и небреженія. Ярославъ, проникнутый важнымъ значеніемъ Кіева, видимо задался извѣстнымъ планомъ, при тѣхъ важныхъ постройкахъ, которыми онъ украсилъ расширенный имъ стольный городъ. Должно предполагать, что часть Горы была уже и при отцѣ его заселена, хотя на мѣстѣ св. Софіи, еще за годъ до заложенія собора, было «поле внѣ града», на которомъ и происходила въ 1036 году, во время набѣга Печенѣговъ, отчаянная битва съ ними. И уже въ 1037 году Ярославъ начинаетъ приводить въ исполненіе свой обширный планъ обновленія стольнаго города. Прежде всего онъ обноситъ всю Гору стѣною или валомъ, въ которомъ устраиваетъ на юго-западной сторонѣ, великолѣпныя ворота, получающія названіе Золотыхъ. Затѣмъ закладываетъ «св. Софью, митрополію русскую», и два монастыря—св. Георгія (въ честь своего святого) и св. Ирины; наконецъ, надъ Золотыми воротами ставитъ церковь Благовѣщенья. Хотя всѣ эти постройки упоминаются лѣтописцемъ подъ однимъ и тѣмъ же годомъ (1037 г.), однако же, трудно предположить, чтобы такія зданія, какъ Золотыя ворота, и въ особенности какъ соборъ св. Софіи, могли быть воздвигнуты въ одинъ годъ.

Но какъ бы то ни было, заложенныя Ярославомъ въ 1037 г. Золотыя Ворота явились однимъ изъ наиболѣе видныхъ украшеній Кіева, и часто упоминаются лѣтописью. Много различныхъ мнѣній было высказано учеными для объясненія того, почему именно ворота названы были Золотыми: одни ссылались на желаніе Ярослава подражать великолѣпію Византіи, другіе указывали на позлащенный куполъ церкви Благовѣщенія, выстроенный надъ воротами, какъ на поводъ къ названію самыхъ воротъ *золотыми*. Для насъ гораздо болѣе важно замѣчаніе одного изъ современниковъ, поясняющаго, что Ярославъ построилъ церковь Благовѣщенія надъ Золотыми Воротами для того, чтобы «всегда радость граду тому была св. Благовѣщеніемъ Господнимъ и молитвою св. Богородицы и Архангела Гавріила, радости благовѣстника» (*). Должно предполагать, что образъ Пресв. Дѣвы даже повѣшенъ былъ надъ самыми воротами, на сторонѣ, обращенной къ городу, потому что подъ 1151 г. встрѣчаемъ въ лѣтописи прямое указаніе на это: князь Вячеславъ Кіевскій, передъ послами Юрія Долгорукаго, призывалъ Богородицу въ свидѣтельницы своихъ словъ, и говоря это, «смотрѣлъ на святую Богородицу, что надъ Золотыми воротами». Изъ другаго древняго свидѣтельства, знаемъ еще, что подъ церковью Благовѣщенія, повыше свода Золотыхъ Воротъ, находились коморы или кладовыя, въ которыхъ, при постройкѣ церкви св. Георгія, сло-

жена была Ярославомъ казна денежная, предназначенная для платы рабочимъ.

Со времени раззоренія Кіева Батыемъ (1240 г.), Золотыя ворота, вмѣстѣ со всѣми остальными памятниками кіевской древности, стали разрушаться; но, судя по необычайной прочности всѣхъ древнихъ кіевскихъ построекъ Ярославова времени, разрушеніе это, вѣроятно, происходило очень медленно. Заключаемъ такъ собственно потому, что остатки Благовѣщенской церкви на Золотыхъ воротахъ уцѣлѣли даже до половины XVII вѣка: въ рисункѣ, снятомъ въ 1651 г., и отысканномъ въ бумагахъ короля Станислава Августа, еще замѣтны надъ сводомъ воротъ входныя двери, окна и высокія стѣны церкви. Сохраненію остатковъ древняго зданія отчасти способствовало то, что, по весьма странному распоряженію Сената, Золотыя ворота, грозившія разрушеніемъ, въ 1750 г. были засыпаны высокимъ землянымъ валомъ, составлявшимъ часть кіевскихъ укрѣпленій, а рядомъ съ ними устроены въ валу другія ворота, подъ названіемъ Золотыхъ. Въ 1832 г., неутомимый изыскатель Кіевскихъ древностей, К. А. Лохвицкій отрылъ изъ подъ землянаго вала уцѣлѣвшіе остатки древнихъ Золотыхъ Воротъ.

Въ настоящее время это древнее зданіе представляется намъ въ видѣ двухъ обломковъ стѣны, справа и слѣва; верхняя часть свода разломана; стѣны воротъ снабжены пилястрами, на которыхъ были нѣкогда основаны арки, поддерживавшія своды *воротъ*. Лѣвая сторона (отъ выхода изъ Стараго Города) вдоль по фасаду имѣетъ въ длину 30 арш.; обломокъ правой стороны едва равняется по объему половинѣ лѣвой; ширина пролета между стѣнами $10^1/_4$ арш.; вышина стѣнъ—14 арш., толщина—около 2 арш. Кладка кирпичей древняя, точно такая же, какъ и во всѣхъ, уцѣлѣвшихъ до нашего времени, остаткахъ кіевскихъ древнихъ памятниковъ. Способъ этой кладки заключается въ слѣдующемъ: кирпичи древней формы (длиной 8, шириной 7, толщиной 1 вершокъ) переложены слоями греческаго цемента (*), толщиною въ 3 вершка; черезъ пять рядовъ кирпичей положенъ рядъ тесаныхъ камней-сѣровиковъ, толщиною 12 вершковъ и болѣе; потомъ опять ряды тонкихъ кирпичей съ толстою известковою подмазкою и т. д. По обѣимъ сторонамъ, въ стѣнахъ воротъ видны большія впадины, въ которыхъ помѣщались балки или перекладины: нижнія отъ поверхности земли на пять аршинъ, другія, повыше первыхъ, аршина на два. Ясно, что тутъ, надъ проѣздомъ въ ворота, подъ поломъ церкви, были нѣкогда кладовыя (коморы). На обѣихъ сторонахъ воротныхъ стѣнъ фальшивыя двери, а на лѣвой еще два фальшивыхъ окна, изъ которыхъ одно круглое.

(*) Цементъ этотъ состоитъ изъ раковинной извести, перемѣшанной съ толченымъ камнемъ и необычайно окрѣпшей.

Древнія ворота, послѣ разрушенія, видимо были поправляемы. Первыя стѣны ихъ, въ проѣздѣ, закладены другими, сложенными также изъ древнихъ кирпичей, большею частью ломанныхъ и перемѣшанныхъ съ крупными сѣрыми камнями; но кладка эта произведена уже не на цементѣ, а на простой известкѣ. При очищеніи земли, которою ворота были засыпаны, вторыя стѣны отъ первыхъ (древнихъ) отвалились и остатки ихъ удержались только въ немногихъ мѣстахъ. Лѣвая сторона воротъ (съ поля) подперта пристройкою изъ обломковъ древнихъ кир-

Рис. 3. Золотыя ворота (вскорѣ послѣ отрытія).

пичей и сѣраго камня, залитыхъ известью. Пристройка эта, какъ предполагаютъ, сдѣлана очень давно, быть можетъ еще въ половинѣ четырнадцатаго вѣка.

Не болѣе какъ въ 200 саженяхъ на сѣверо-востокъ отъ Золотыхъ Воротъ возвышается главная святыня кіевская — соборъ Софійскій. Въ древнихъ прологахъ показано, что соборъ св. Софіи освященъ

былъ митрополитомъ Ѳеопемптомъ 4 ноября 1037 года. За тѣмъ, судьба этого собора и находившагося при немъ монастыря служила вѣрнѣйшимъ отраженіемъ тревожной и бурной судьбы самаго Кіевскаго княжества. Нельзя не удивляться тому, что уцѣлѣли до нашего времени стѣны св. Софіи съ драгоцѣнными украшеніями, мозаиками и фресками, между тѣмъ какъ всѣ остальныя драгоцѣнности древняго собора исчезли безслѣдно и даже опись ихъ не дошла до потомства. Два раза и до тла была разграблена св. Софія ратями русскихъ князей:

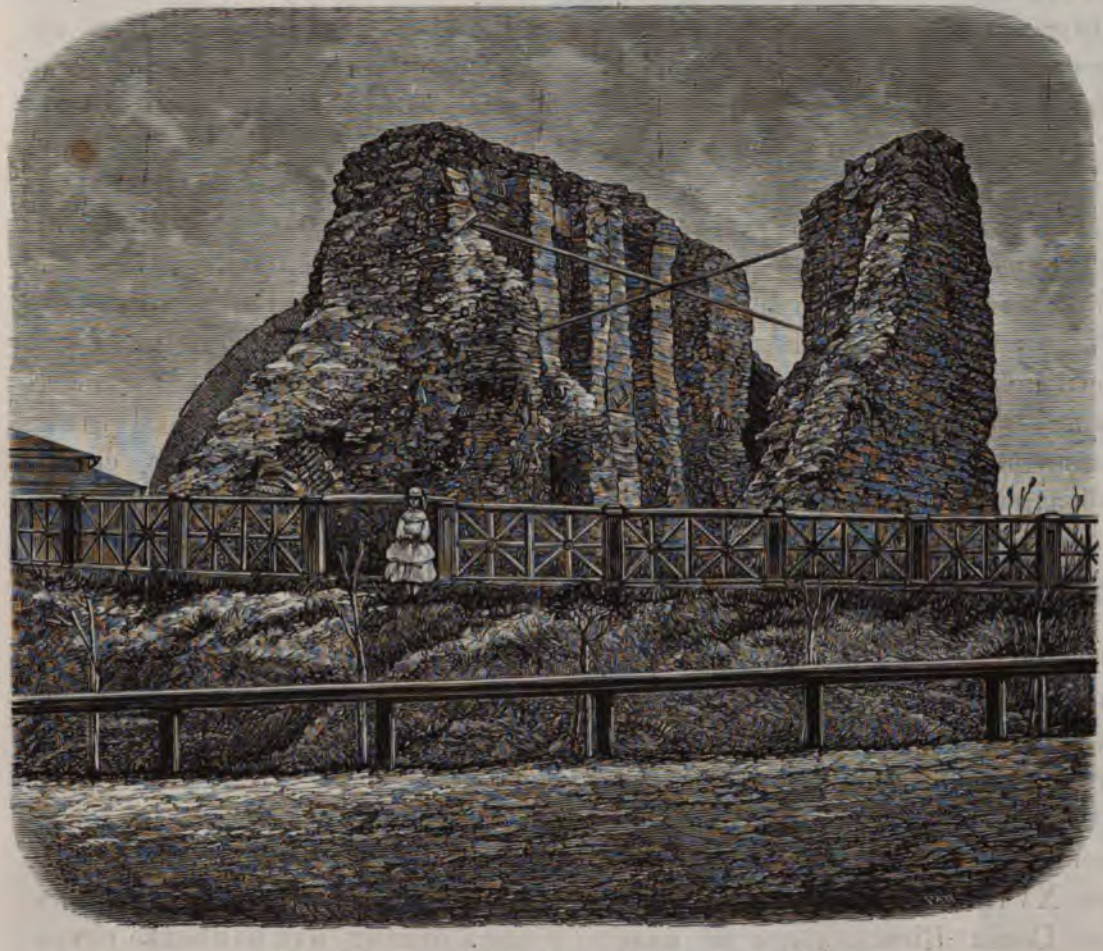


Рис. 4. Золотыя ворота (въ ихъ нынѣшнемъ видѣ).

Мстиславомъ Андреевичемъ, сыномъ Боголюбскаго, въ 1169 году, и Рюрикомъ Ростиславичемъ, въ 1204 г. Въ промежуткѣ между этими двумя погромами св. Софія сильно потерпѣла отъ пожара, въ 1180 г. Наконецъ, въ 1240—при общемъ раззореніи Кіева Батыемъ, соборъ разграбленъ окончательно, и даже кости почившихъ въ немъ князей потревожены хищностью грабителей, всюду искавшихъ сокровищъ. Въ періодъ полнаго упадка Кіевскаго княжества, отъ половины XIII

до половины XIV вѣка, соборъ св. Софіи подвергся наибольшей опасности: ему грозило полное разрушеніе. Митрополиты Кіевскіе, начиная съ Кирилла III, уже не жили въ Кіевѣ, тяготясь видомъ опустошенія и развалинъ нѣкогда славнаго стольнаго города: они только проѣздомъ и временно бывали въ Кіевѣ. Но все же не безъ основанія полагаютъ, что, до 80-хъ годовъ XIII вѣка св. Софія не была покинута окончательно, и что въ ней еще продолжали совершать богослуженіе, такъ какъ Кириллъ III, скончавшійся въ Суздалѣ, велѣлъ похоронить себя въ Софійскомъ Кіевскомъ соборѣ. Впослѣдствіи же, при наслѣдникахъ Кирилла III, въ особенности послѣ того, какъ съ 1320 г. Кіевъ перешелъ во власть Гедимина и митрополія русская (1325 г.) перенесена была въ Москву, митрополиты не заглядывали болѣе въ Кіевъ, въ которомъ паствою правили ихъ намѣстники.

Вѣроятно къ этому то времени слѣдуетъ отнести то печальное положеніе Софійскаго собора, при которомъ, конечно, и богослуженіе въ немъ должно было на время прекратиться. «Новѣйшія изслѣдованія показали, что Софійскій соборъ въ теченіи нѣкотораго времени началъ было клониться къ паденію:—лишенный кровли, въ алтарномъ сводѣ онъ получилъ длинную трещину, а въ среднемъ продольномъ сводѣ западная часть его совершенно обрушилась; одновременно съ этими разрушеніями или нѣсколько позже, и вся западная сторона собора обратилась въ развалины. Неизвѣстно при комъ эти важныя разрушенія были исправлены, и хотя до нѣкоторой степени возстановлено внѣшнее и внутреннее благолѣпіе собора. Достовѣрно можно утверждать только то, что исправленія произведены были гораздо ранѣе Петра Могилы, который отобралъ храмъ отъ уніатовъ опустошеннымъ, ограбленнымъ, но не въ развалинахъ (7)». Есть основаніе предполагать, что исправленія, произведенныя въ св. Софіи, относятся къ концу XIV вѣка, ко временамъ митрополита Кипріана.

Не смотря на то, что позднѣйшія придѣлки, надстройки и дополненія первоначальнаго зданія собора (въ особенности произведенныя въ XVII вѣкѣ) значительно измѣнили видъ древняго Ярославова храма, св. Софія Кіевская все же является намъ однимъ изъ наиболѣе сохранившихся храмовъ древнѣйшаго византійскаго типа. Этотъ отзывъ тѣмъ болѣе примѣнимъ къ св. Софіи Кіевской, что она представляетъ едва ли не единственный въ Россіи храмъ, въ которомъ древнѣйшія части могутъ быть съ полнѣйшею достовѣрностью отличены отъ позднѣйшихъ. Провѣркою въ этомъ отношеніи служатъ два условія: во первыхъ, позднѣйшая кладка стѣнъ и сводовъ явственно отличается отъ древней кладки; а во вторыхъ, на тѣхъ стѣнахъ и сводахъ собора, которые впослѣдствіи подверглись перестройкамъ и поправкамъ—мы

Рис. 5. Кіевскій Софійскій Соборъ (съ восточной стороны).

не видимъ ни мозаикъ, ни фресковой живописи, которыми сплошь были украшены стѣны древней Софіи Кіевской.

На сколько можно по настоящему виду собора заключать о его быломъ состояніи, постройка его была произведена съ такимъ тщаніемъ и употребленъ на нее матерьялъ такой высокой доброты, что зданіе, не смотря на тяжкія невзгоды, перенесенныя имъ въ теченіи восьмивѣковаго существованія, сохранилось до нашихъ дней почти въ томъ же видѣ, въ какомъ его могли видѣть ближайшіе потомки Ярослава. Кромѣ кирпича (мѣстнаго кіевскаго производства), строителями на постройку собора употребленъ былъ дикій камень, красный шиферъ, гранитъ въ плитахъ, и мѣстами, въ весьма ограниченномъ количествѣ, мраморъ. Внутри храма, на хорахъ, въ нѣкоторыхъ аркахъ, до послѣдняго времени видимы были дубовые брусья, положенные въ видѣ скрѣпъ. Полъ выстланъ былъ плитами мраморными и шиферными, въ перемежку съ кафелями, какъ въ Десятинной церкви. Перила на хорахъ и доселѣ уцѣлѣли изъ шифера, украшеннаго скульптурною работою.

Фигура плана св. Софіи—четырехсторонняя, но съ различными выступами и углубленіями, отчасти древними, отчасти позднѣйшими. Къ числу первыхъ принадлежатъ тѣ девять полукружій, которыя образуютъ запрестольную алтарную стѣну; къ числу вторыхъ, тѣ шестнадцать массивныхъ контрофорсовъ, которые извнѣ поддерживаютъ стѣны древней Софіи. Длина храма, считая по южной и сѣверной наружной сторонѣ,—17 саж. 1 арш. 14 верш. Длина наружной, какъ западной, такъ и восточной стѣны, по прямой линіи—25 саж., 2 арш., 8 верш. Длина средины храма, отъ запада къ востоку, считая со стѣнами—16 саж., 1 арш. Высота стѣнъ до кровли—6 саж., 2 арш., 9 вершк. Высота всего зданія отъ подошвы до верха креста—19 саж., 2 аршина.

Куполовъ св. Софіи Кіевской было въ прежнее время тринадцать, считая въ томъ числѣ одинъ большой надъ срединою главнаго храма и двѣнадцать меньшихъ. О древней формѣ куполовъ, по теперешней двухъ-ярусной фигурѣ ихъ главъ, судить невозможно, точно также, какъ нельзя имѣть понятія и о формѣ прежней крыши собора, которая была значительно ниже нынѣшней, вслѣдствіе чего и окна въ главахъ были больше, и внутри храма было значительно свѣтлѣе, нежели въ настоящее время.

Внутри, храмъ св. Софіи, въ большей своей части, раздѣленъ хорами на два неравные этажа или яруса, изъ которыхъ нижній гораздо ниже верхняго. Хоры эти примыкаютъ къ тремъ сторонамъ зданія: западной, сѣверной и южной; въ срединѣ, подъ главнымъ куполомъ, все зданіе совершенно открыто.

Первоначально стѣны южныя и сѣверныя выведены были только въ одномъ этажѣ и служили галлереями или (по выраженію митрополита Евгенія) *присѣнками*; а верхніе этажи этихъ стѣнъ надстроены въ гораздо болѣе позднее время Петромъ Могилою или его преемниками, дабы предохранить древнія стѣны храма отъ разрушенія. Кромѣ этихъ-то стѣнъ на южной сторонѣ выстроены три новыхъ купола и на сѣверной—столько же, такъ что теперь число всѣхъ куполовъ на Софійскомъ соборѣ доходитъ до девятнадцати, хотя изъ этого числа видны только пятнадцать: — четыре древнихъ купола скрыты позднѣйшею, впослѣдствіи возвышенною, кровлею собора.

Вообще говоря, нынѣшній фасадъ свой св. Софія получила во времена Петра Могилы или даже позже, и во внѣшности носитъ на себѣ отпечатокъ нѣмецко-польской архитектуры конца XVII вѣка (*); но за то внутренность собора, всѣми подробностями своихъ мозаическихъ и живописныхъ украшеній, переноситъ насъ вполнѣ въ древній православный храмъ XI—XII вѣка, какимъ этотъ храмъ вышелъ изъ рукъ греческихъ строителей и художниковъ, вызванныхъ въ Кіевскую Русь Владиміромъ и Ярославомъ.

Къ тому же, столь важному въ исторіи Кіева, 1037 году относится постройка приписываемыхъ Ярославу двухъ другихъ церквей: св. Георгія и св. Ирины. Церковь и монастырь св. Георгія Ярославъ заложилъ въ честь святого, котораго имя получилъ при крещеніи; монастырь и церковь св. Ирины заложены были имъ въ честь святой, имя которой носила его жена. Въ древнемъ, харатейномъ (*) прологѣ XV в. говорится о церкви св. Георгія, что она была построена *передъ вратами* св. Софіи, слѣдовательно на юго-западъ отъ Софійскаго собора, по направленію къ Золотымъ Воротамъ. Позднѣйшія разысканія даютъ нѣкоторую возможность предполагать, что нынѣшняя Георгіевская церковь фундаментомъ своимъ захватываетъ часть основанія древней церкви. Въ томъ же прологѣ приводится любопытное сказаніе о самомъ построеніи древняго Георгіевскаго храма. Когда начали строить его, то оказалось мало рабочихъ при постройкѣ; и князь, увидѣвъ это, призвалъ тіуна и сказалъ: «отчего у церкви мало трудящихся»? Тіунъ отвѣчалъ: «оттого, что это дѣло властельское, такъ и боятся люди, что имъ придется потрудиться даромъ». Тогда повелѣлъ князь на телѣгахъ свезти куны (деньги) въ коморы (кладовыя) водяныхъ вратъ и возвѣстить на торгу людямъ, что каждый изъ приходящихъ на постройку церкви св. Георгія можетъ взять себѣ по ногатѣ (**) на день. И множество явилось желающихъ работы, и вскорѣ церковь была окончена и освящена 26 ноября Ларіономъ Митропо-

(*) *Харатейный*—писанный на *харатіи* (т. е. пергаменѣ).
(**) *Ногата*—мелкая монета.

литомъ, который сотворилъ въ ней *настолованіе* новоставимымъ епископамъ.» (9)

Немного далѣе, южнѣе и западнѣе церкви и монастыря св. Георгія, почти на полупути между Золотыми и Лядскими воротами, находится монастырь и церковь Св. Ирины, котораго мѣстность вполнѣ удостовѣрена раскопками, произведенными въ 1833 г. неутомимымъ Лохвицкимъ. Этотъ изыскатель разрылъ мѣсто въ излучинѣ стараго крѣпостнаго вала, неподалеку отъ ограды Софійскаго собора, съ южной стороны, и ему дѣйствительно удалось откопать большую часть церковныхъ стѣнъ, по матерьялу, кладкѣ и свойству цемента вполнѣ тождественныхъ съ остатками Золотыхъ воротъ и Десятинной церкви. Очищенное отъ земли основаніе церки представилось въ видѣ продолговатаго прямоугольника, который одною изъ долгихъ сторонъ обращенъ былъ къ востоку, а другою—къ западу. Продольныя стѣны содержатъ по 11 саж. и 1 аршину, каждая. Южная и сѣверная стѣны—каждая по семи сажень. Входныя двери были въ южной стѣнѣ. Въ восточной стѣнѣ находился пролетъ, шириною въ пять сажень, къ которому примыкала алтарная пристройка въ видѣ трехъ выступовъ—одного большаго и двухъ малыхъ. На срединѣ храма уцѣлѣли остатки четырехъ квадратныхъ столповъ, вѣроятно поддерживавшихъ средній куполъ. Въ фундаментѣ алтарной части открытъ престольный камень, съ 4-мя углубленіями для ножекъ престола и пятымъ по срединѣ, для мощей. Ближе къ восточной, округлой стѣнѣ алтаря, гдѣ обыкновенно устраивается горнее мѣсто, найдены 12 камней, положенныхъ, какъ полагаютъ, въ честь 12 Апостоловъ; между ними и престоломъ—еще 4 камня въ честь 4 Евангелистовъ. Полъ, какъ въ алтарной части, такъ и въ самой церкви, состоялъ, судя по остаткамъ, изъ мозаики и четыреугольныхъ плитокъ, поливной горшечной работы. Въ стѣнахъ отысканы были горшечные *голосники* (10). Стѣны по штукатуркѣ росписаны были фресками.

Переходя къ эпохѣ построекъ при потомкахъ Ярославовыхъ, прежде всего встрѣчаемъ въ дѣтинцѣ кіевскомъ два монастыря—св. Андрея (Яничъ), построенный въ 1086 г. Всеволодомъ Ярославичемъ, и св. Ѳеодора (Вотчъ)—заложенный въ 1128 г. Мстиславомъ Владиміровичемъ, сыномъ Мономаха.

Монастырь св. Андрея, какъ кажется, основался при церкви св. Андрея позже, едва ли не усердіемъ княжны Янки, или Анны, дочери Всеволода, сестры Мономаховой. Въ немъ она и подстриглась, собравши около себя много черноризцевъ; въ немъ и погребена была въ 1113 году; отъ ея имени и получилъ монастырь свое отличительное названіе. Монастырь сдѣлался вскорѣ любимою усыпальницею Мономаховичей, разбогатѣлъ и пріобрѣлъ значеніе. Лѣто-

пись книги (подъ 1127 и 1231 г.) упоминаетъ объ игумнахъ Янчина монастыря. Не смотря однакоже на историческое значеніе обители, мѣстность ея всегда съ точностью не опредѣлена. Предполагаютъ, что она должна была находиться нѣсколько южнѣе Десятинной церкви, вблизи княжаго двора, но не на одной линіи, а нѣсколько западнѣе отъ нынѣшней Трехъ-Святительской церкви, построенной на мѣстѣ церкви св. Василія.

Тоже самое должно сказать и о монастырѣ св. Ѳеодора (Вотчѣ), которому суждено было играть весьма печальную роль въ исторіи Кіевскаго княжества. Несомнѣнно то, что монастырь этотъ находился также въ [illegible] отъ Десятинной церкви, но ближе къ воротамъ дѣтинца (прозвищемъ или Батыевымъ), ведшимъ на мостъ. Въ 1638 г. мѣсто [illegible] монастыря и въ немъ церкви Ѳеодора Тирона еще было извѣстно [illegible] можно только догадываться. Названіе *Вотча*, [illegible] — дано было ему, какъ предполагаютъ, ближайшимъ потомкомъ Мстислава, которые также охотно избирали его [illegible] ближнихъ, какъ и Янчь монастырь. Въ [illegible] былъ въ Ѳедоровскомъ монастырѣ тѣмъ самаго [illegible] а затѣмъ съ 1154 г. 1198 годъ лѣтопись упоминаетъ [illegible] еще восемь [illegible], погребенныхъ тамъ же.

[illegible] 1147 г. [illegible] изъ дѣтей своихъ трагическій эпизодъ убіенія [illegible] Олега [illegible] Великаго Князя, а въ [illegible] монастырь. Памятью этого грустнаго событія и [illegible] монастыря остались какъ [illegible] Пресвятой Богородицы [illegible] Игорь [illegible] изъ [illegible] своихъ.

[illegible] монастыря послѣ [illegible] Батыя, [illegible] изъ [illegible] что какъ [illegible] какъ [illegible] въ Галичъ [illegible] и [illegible] изъ Кіева.

[illegible] изъ [illegible] и [illegible] и [illegible] еще [illegible] въ [illegible] лишь [illegible] изъ [illegible] которыя [illegible] или [illegible] [illegible] на основаніи [illegible] [illegible] [illegible] Кіева.

Предполагать [illegible] выше [illegible] Кіева при [illegible] и [illegible] [illegible] [illegible]

древняго Перевѣсища; весь сѣверо-востокъ былъ занятъ Подоломъ вверхъ по берегу Днѣпра съ одной стороны и до горъ Скавики (Щековицы) и Киселевки съ другой стороны. Это пространство новаго, такъ сказать, позднѣйшаго Кіева, постепенно вводилось въ черту города и обносилось то окопомъ, то столпіемъ или тыномъ, въ которыхъ для проѣзда оставлялись немногія, крѣпко охраняемыя ворота. Такъ мы знаемъ,

Рис. 6 Игорева икона Пресвятой Богородицы.

что на сѣверѣ весь Подолъ, отъ Днѣпра до Скавики, огражденъ былъ столпіемъ, за которымъ и простиралось то открытое, незаселенное пространство, подходившее къ самымъ стѣнамъ города, которое во всѣхъ городахъ древне-русскихъ, какъ и подъ Кіевомъ, носило названіе *Оболони*; мы знаемъ также, что на сѣверо-западѣ между возвышен-

постами Скавикой и Кисилевкой существовала также ограда, въ которой упоминаются ворота Подольскія, стоявшія на мѣстѣ нынѣшняго Житнаго Торга.

Но и эти новыя границы въ началѣ XII вѣка уже оказались тѣсны для Кіева: городъ продолжалъ расширяться въ направленіи сѣверо-западномъ, и за воротами Подольскими, по направленію сходившихся здѣсь дорогъ, мало-по-малу выросло предмѣстье, получившее названіе Копырева конца. Этотъ *конецъ* игралъ не маловажную роль въ исторіи Кіева, имѣетъ съ сосѣднимъ къ нему пригороднымъ урочищемъ, извѣстнымъ въ лѣтописяхъ подъ названіемъ Дорожичей и Дорогожичей, которое занято нынѣ учебнымъ или лагернымъ полемъ: оно было особенно важно для Кіева въ военномъ отношеніи. Съ востока Кіевъ былъ неприступенъ по своимъ горамъ: съ юга подступъ къ нему тоже былъ загроможденъ горами и лѣсами: съ сѣвера не менѣе прочною защитою Кіеву служили овраги и непроходимыя болота, и только съ запада примыкалъ столичный городъ къ открытой, широкой и волнообразной равнинѣ, которая въ всѣхъ войнахъ являлась постояннымъ обычнымъ путемъ для враждебныхъ полчищъ. Хотя городъ и былъ съ этой стороны обнесенъ стѣною съ крѣпкими воротами, и защищенъ отъ внезапнаго нападенія, но все же западная сторона Кіева являлась слабѣйшею его стороною. Къ тому же, въ Дорогожичахъ находился главный узелъ трехъ важнѣйшихъ дорогъ, сходившихся въ Кіеву: Вышгородской (ведшей за Вышгородъ, въ Польшу и Галицію), Вышгородской (которая вела въ Польшу и Литву) и третьей, пролегавшей по направленію къ Юрьеву.

Въ началѣ XII вѣка, какъ и здѣсь, въ отдаленнѣйшей окраинѣ Кіевскаго [illegible], какъ [illegible] церкви и обители, [illegible] [illegible] Всеволодъ III [illegible] 1146 [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] 1171 г. [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

подъ слоемъ штукатурки довольно хорошо сохранившіяся древнія фрески.

Подвигаясь къ городу отъ его далекой Дорогожицкой окраины, мы должны упомянуть о двухъ церквахъ въ Копыревѣ концѣ:—св. Іоанна и св. Симеона съ монастыремъ; вторая была построена Святославомъ II Ярославичемъ (1073—76 г.) въ концѣ XI столѣтія, а первая неизвѣстно кѣмъ въ началѣ XII (въ 1121 г.). Г. Закревскій предполагаетъ, съ нѣкоторымъ основаніемъ, что Симеоновскій монастырь находился тамъ, гдѣ теперь стоитъ Крестовоздвиженская церковь съ придѣломъ св. Михаила на Кожемякахъ, а церковь св. Іоанна недалеко отъ монастыря Симеоновскаго, подъ горою Скавикою, вблизи Житнаго Торга.

Далѣе, подвигаясь отъ Копырева конца къ Подолу, мы можемъ опредѣленно указать лишь на одинъ важный пунктъ—ту самую Турову божницу, которая неоднократно бывала сборнымъ пунктомъ шумныхъ народныхъ вѣчъ на многолюдномъ Подолѣ. Одно изъ такихъ вѣчъ подробно описано въ лѣтописи подъ 1146 годомъ. Археологи согласно указываютъ на мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ церковь св. Бориса и Глѣба, какъ на единственное мѣсто Подола, въ которомъ можно предполагать древнюю Турову Божницу, такъ какъ на этомъ мѣстѣ, повидимому, съ древнѣйшихъ временъ существовала торговая площадь.

Намъ остается еще упомянуть о монастырѣ Златоверхо-Михайловскомъ, который, съ самаго начала XII вѣка, явился въ той части древняго Перевѣсища, которая заселилась и примкнула къ старому Кіеву, вѣроятно, уже въ половинѣ XI вѣка.

Достовѣрная исторія церкви св. Михаила, а съ нею вмѣстѣ и обители, начинается съ 1108 г., когда о заложеніи ея великимъ княземъ Святополкомъ-Михаиломъ упоминается въ лѣтописи. Этотъ древній храмъ сохранился до нашего времени и, по значенію уцѣлѣвшихъ внутри его мозаикъ, занимаетъ въ ряду кіевскихъ древностей второе мѣсто послѣ Софійскаго собора. Первоначальный храмъ Св. Михаила былъ выстроенъ по общему образцу всѣхъ древнихъ русскихъ церквей; въ немъ, какъ и во Владиміровой Десятинной церкви, видимъ съ восточной стороны три выступа: — средній, бо́льшій, для алтаря, а съ боковъ его два меньшихъ для жертвенника и діаконника. Первоначальная длина церкви со стѣнами была 14 сажень, а ширина 9 сажень и 2 аршина. Внутри — четыре массивныя подпоры поддерживали главный куполъ, имѣющій въ поперечникѣ 3 саж. 8 вершк. Новѣйшія пристройки, удачно замѣнившія собою контрфорсы для поддержки древнихъ стѣнъ, придали первоначальному храму совершенно иной видъ и значительно измѣнили его размѣры. Позднѣйшія боковыя главы храма рѣзко отличаются своею постройкою отъ пяти среднихъ куполовъ, несомнѣнно древнихъ; въ числѣ ихъ, главный ку-

полъ, кажется, былъ украшенъ мозаикою, давно осыпавшеюся. Мозаикою же украшены были и алтарь, и важнѣйшія части средняго храма, подъ главнымъ куполомъ. Есть основаніе думать, что мозаики Михайловскія были довольно близкою копіею съ Софійскихъ, тѣмъ болѣе, что и самый храмъ, и, въ особенности, алтарь, если не тождественны съ Софійскимъ храмомъ по размѣрамъ, то весьма сходны по внѣшнимъ формамъ.

Въ заключеніе общаго очерка топографіи и важнѣйшихъ памятниковъ города Кіева, намъ остается еще сказать лишь нѣсколько словъ о наиболѣе важныхъ историческихъ урочищахъ кіевскихъ, доселѣ сохранившихъ древнія названія, подъ которыми они являются и въ лѣтописи, при описаніи различныхъ событій.

Кромѣ тѣхъ пунктовъ Подола, о которыхъ мы упоминали выше, считаемъ не излишнимъ остановиться здѣсь и еще на двухъ урочищахъ, связанныхъ съ преданіями кіевской старины.

Прежде всего вспомнимъ о Щековицѣ—горѣ, возвышающейся надъ Подоломъ съ западной стороны, между горами Киселевкой (древней Уздыхальницей) и Юрковицей. Гора Щековица, имѣющая версты двѣ въ окружности, хоть и нѣсколько ниже Печерскихъ возвышенностей, однако же принадлежитъ къ числу наиболѣе возвышенныхъ пунктовъ Кіева и потому господствуетъ надъ всею сѣверною частью города. Самое названіе Щековицы (въ современномъ народномъ говорѣ передѣланное въ Скавицу и Скавику) принадлежитъ глубокой древности и тѣсно связано съ преданіемъ о построеніи Кіева тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ; извѣстное лѣтописное указаніе помѣщаетъ на Щековицѣ могилу одного изъ первыхъ варяжскихъ князей—Вѣщаго Олега. Въ настоящее время на вершинѣ горы Щековицы помѣщается кладбище (съ 1772 г.) и церковь во имя «Всѣхъ Святыхъ» (съ 1780 г.) На этомъ кладбищѣ хоронятъ покойниковъ со всего Подола.

Къ юго-западу отъ Кіево-Подола, между Кудрявскимъ возвышеніемъ и горою Куреневкою, помѣщается другое важное въ топографическомъ отношеніи урочище, въ настоящее время извѣстное подъ мѣстнымъ названіемъ *Гончари* и *Кожемяки*. Оно занимаетъ все пространство узкаго и извилистаго удолья, по которому протекаетъ ручей Кіянка, до самаго впаденія этого ручья въ ручей Глубочицу у горы Скавики (Щековицы). Крутые склоны высотъ, поднимающихся по обѣ стороны удолья, орошаемаго Кіянкою, застроены деревянными домиками, расположенными неправильно, но живописно. Улицы кривы и грязны. По этому удолью проходилъ нѣкогда единственный путь, соединявшій Гору съ Подоломъ и съ наиболѣе отдаленными окраинами сѣверныхъ предмѣстій Кіева.

Широко-раскинувшійся новый городъ давно захватилъ въ черту своихъ улицъ и застроилъ своими зданіями тѣ мѣста, на которыхъ не только въ XII и XIII вв. упоминаются лѣса, пески и дебри, но даже и въ концѣ XVII в. были одни незаселенные пустыри. Вмѣстѣ съ этими пустырями въ черту города включены были и *Кловъ*, и *Берестовое* съ *Угорскимъ*, и самый монастырь Печерскій, нѣкогда составлявшіе рядъ отдѣльныхъ поселеній среди благодатной глуши, окружавшей древній Кіевъ. Такъ напримѣръ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь, по направленію отъ Днѣпра къ Старому Кіеву и далѣе къ заставѣ, пролегаетъ лучшая изъ городскихъ улицъ— Крещатицкая или просто Крещатикъ— даже еще въ началѣ XVIII вѣка все пространство было покрыто лѣсомъ, изъ котораго вытекалъ ручей *Крещатикъ*, впадавшій нѣкогда въ Почайну, немного ниже этого мѣста сливавшуюся съ Днѣпромъ. Здѣсь происходило, по преданію, крещеніе русскаго народа Владиміромъ; здѣсь же въ началѣ нынѣшняго столѣтія (1802 г.) поставленъ кіевлянами и крещатицкій памятникъ св. Владиміру.

Подъ названіемъ Угорскаго или иначе *Аскольдовой могилы* извѣстна нѣкоторая часть высокаго и стремнистаго берега Днѣпра, составляющая одинъ изъ уступовъ Печерской горы. Урочище это лежитъ выше Кіево-Печерской лавры на одну версту и ниже Подола къ югу на двѣ версты, почти подъ самымъ Пустынно-Николаевскомъ монастыремъ. Названіе *Угорскаго* произошло, какъ можно предположить на основаніи лѣтописи, отъ того, что на этомъ мѣстѣ Угры, при передвиженіи своемъ на западъ, стояли подъ стѣнами Кіева становищемъ въ 898 г. Впослѣдствіи тутъ, повидимому, было особое поселеніе, огражденное на случай опасности, потому что въ Ипатьевской лѣтописи упоминаются въ 1151 г. *Угорскія ворота* и даже *княжій дворъ*.

Къ югу отъ Аскольдовой могилы лежало знаменитое въ кіевскихъ преданіяхъ село *Берестовое*, названное такъ по берестовому лѣсу, остатки котораго видны были, какъ говорятъ старожилы кіевскіе, еще не очень давно. Здѣсь находился загородный дворецъ Владиміровъ и здѣсь же, по весьма достовѣрному преданію, построенъ имъ былъ монастырь св. Спаса (Преображенія), отъ котораго уцѣлѣла только одна церковь Спаса-на-Берестовѣ, можетъ быть древнѣйшая изъ Кіевскихъ церквей, судя по кладкѣ ея стѣнъ и сохранившимся на нихъ древнимъ фрескамъ. «Петръ Могила поднялъ ее изъ развалинъ въ концѣ XII в., и Петръ I, желая сохранить сей древній памятникъ, включилъ ее въ крѣпостное огражденіе» ($\frac{11}{2}$). Въ настоящее время церковь Спаса на Берестовѣ — приходская и находится въ цитадели Кіево-Печерской крѣпости, на сѣверо-западъ отъ лавры, въ 150 саженяхъ. Около нея, въ чертѣ той же крѣпости находилась и упоминаемая въ лѣтописи *Тугорканова* могила.

На той же южной сторонѣ Кіева, въ черту нынѣшняго города вошло и другое, издревле (съ начала XI в.) извѣстное урочище изъ окрестностей Кіева, а именно—*Кловъ*, лежавшій прямо на югъ отъ горы. на одномъ изъ наиболѣе возвышенныхъ Кіевскихъ холмовъ. Такъ было это урочище прозвано отъ ручья Кловъ, огибающаго возвышенность и текущаго на западъ, гдѣ онъ впадаетъ въ р. Лыбедь. Здѣсь, надъ излучистымъ ручьемъ, въ тѣни густаго лѣса, стоялъ нѣкогда одинокій выселокъ и среди него уже въ самомъ началѣ XI вѣка явились два монастыря—*Стефанечь* и *Германечь*, основанные иноками-выходцами изъ Печерской обители. На Кловъ шла дорога съ Горы къ Печерскому монастырю. Впослѣдствіи монастырскія земли на Кловѣ принадлежали Печерскому монастырю и славились своими превосходнѣйшими липовыми рощами, въ память которыхъ, когда онѣ были вырублены. урочище Кловъ было переименовано въ *Липки*. Въ прошломъ столѣтіи, на мѣстѣ бывшихъ Кловскихъ монастырей, былъ выстроенъ небольшой дворецъ для временнаго пребыванія особъ Императорской Фамиліи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ зданіи бывшаго дворца, помѣщалась сначала Кіевская Первая гимназія, а теперь—училище дѣвицъ духовнаго званія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КНЯЗЬ.

Права князей на кіевскій столъ: старшинство и наслѣдованіе.—Значеніе князей въ Кіевѣ.—Вокняженіе. Рядъ съ горожанами. Отношенія князя Кіевскаго къ остальнымъ князьямъ.—Съѣзды.—Обряды крестоцѣлованія. Крестныя грамоты.—Послы.—Раздача волостей —Управленіе княжествомъ —Доходы князя. Богатство его казны.—Тіуны и свита княжеская.—Частная жизнь князей.

Князья были у восточныхъ Славянъ уже издавна и вѣроятно потомками подобныхъ отдѣльныхъ, племенныхъ княжескихъ родовъ были и полубаснословные основатели Кіева—братья Кій, Щекъ и Хоривъ,— и самые князья древлянскіе. Но объ этихъ древнѣйшихъ, первоначальныхъ князьяхъ мы ничего не знаемъ:—съ призванія Рюрика съ братіею на нашъ Сѣверъ, отъ половины IX до начала XIII вѣка вся наша исторія является тѣсно связанной съ исторіею Рюриковичей.

Мы видимъ, дѣйствительно, что во весь періодъ отъ IX до XIII вѣка, титулъ княжескій принадлежитъ исключительно князьямъ Рюрикова дома, и что только они одни имѣютъ право на столы княжескіе. Видимъ, что во всѣхъ главныхъ, выдающихся центрахъ русской жизни, въ городахъ, которые имѣли значеніе, какъ средоточія торговли или какъ укрѣпленные пункты, князья всюду являются необходимыми примирителями разнородныхъ элементовъ, какъ защитники земли, призванные ее «блюсти», т. е. охранять ея цѣлость. Видимъ также, что тамъ, гдѣ являются князья, они, пользуясь значительными правами, вмѣстѣ съ тѣмъ, несутъ на себѣ извѣстныя обязанности. Рядомъ съ значительно развитою властію княжескою, видимъ народныя собранія,—*вѣча*, рѣшеніямъ ко[illegible]ѣдко долженъ былъ подчиняться и самъ князь.

На той же южной сторонѣ Кіева, въ черту нынѣшняго города вошло и другое, издревле (съ начала XI в.) извѣстное урочище изъ окрестностей Кіева, а именно—*Кловъ*, лежавшій прямо на югъ отъ горы, на одномъ изъ наиболѣе возвышенныхъ Кіевскихъ холмовъ. Такъ было это урочище прозвано отъ ручья Кловъ, огибающаго возвышенность и текущаго на западъ, гдѣ онъ впадаетъ въ р. Лыбедь. Здѣсь, надъ излучистымъ ручьемъ, въ тѣни густаго лѣса, стоялъ нѣкогда одинокій выселокъ и среди него уже въ самомъ началѣ XI вѣка явились два монастыря—*Стефанечь* и *Германечь*, основанные иноками-выходцами изъ Печерской обители. На Кловъ шла дорога съ Горы къ Печерскому монастырю. Впослѣдствіи монастырскія земли на Кловѣ принадлежали Печерскому монастырю и славились своими превосходнѣйшими липовыми рощами, въ память которыхъ, когда онѣ были вырублены, урочище Кловъ было переименовано въ *Липки*. Въ прошломъ столѣтіи, на мѣстѣ бывшихъ Кловскихъ монастырей, былъ выстроенъ небольшой дворецъ для временнаго пребыванія особъ Императорской Фамиліи. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ зданіи бывшаго дворца, помѣщалась сначала Кіевская Первая гимназія, а теперь—училище дѣвицъ духовнаго званія.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

КНЯЗЬ.

Права князей на кіевскій столъ: старшинство и наслѣдованіе.—Значеніе князей въ Кіевѣ.—Вокняженіе. Рядъ съ горожанами. Отношенія князя Кіевскаго къ остальнымъ князьямъ.—Съѣзды.—Обряды крестоцѣлованія. Крестныя грамоты.—Послы.—Раздача волостей —Управленіе княжествомъ —Доходы князя. Богатство его казны.—Тіуны и свита княжеская.—Частная жизнь князей.

Князья были у восточныхъ Славянъ уже издавна и вѣроятно потомками подобныхъ отдѣльныхъ, племенныхъ княжескихъ родовъ были и полубаснословные основатели Кіева—братья Кій, Щекъ и Хоривъ,— и самые князья древлянскіе. Но объ этихъ древнѣйшихъ, первоначальныхъ князьяхъ мы ничего не знаемъ:—съ призванія Рюрика съ братіею на нашъ Сѣверъ, отъ половины IX до начала XIII вѣка вся наша исторія является тѣсно связанной съ исторіею Рюриковичей.

Мы видимъ, дѣйствительно, что во весь періодъ отъ IX до XIII вѣка, титулъ княжескій принадлежитъ исключительно князьямъ Рюрикова дома, и что только они одни имѣютъ право на столы княжескіе. Видимъ, что во всѣхъ главныхъ, выдающихся центрахъ русской жизни, въ городахъ, которые имѣли значеніе, какъ средоточія торговли или какъ укрѣпленные пункты, князья всюду являются необходимыми примирителями разнородныхъ элементовъ, какъ защитники земли, призванные ее «блюсти», т. е. охранять ея цѣлость. Видимъ также, что тамъ, гдѣ являются князья, они, пользуясь значительными правами, вмѣстѣ съ тѣмъ, несутъ на себѣ извѣстныя обязанности. Рядомъ съ значительно развитою властію княжескою, видимъ народныя собранія,—*вѣча*, рѣшенію которыхъ нерѣдко долженъ былъ подчиняться и самъ князь.

Эти общія начала княжеской власти и ея отношенія къ народу испытывали, сообразно мѣстнымъ условіямъ, различныя измѣненія. Принимая это въ соображеніе, мы ограничимся въ настоящемъ очеркѣ только тѣми чертами, которыя могутъ дать намъ понятіе о князѣ кіевскомъ, и постараемся какъ можно полнѣе охарактеризовать и власть его, и права, и обязанности, и положеніе въ современномъ ему обществѣ.

Въ начальномъ періодѣ исторіи Кіева мы видимъ простой переходъ стола княжескаго въ одной семьѣ отъ отца къ сыну. Со временъ Ярослава устанавливается обычай такого рода:— старшій въ родѣ Рюриковичей долженъ сидѣть на столѣ кіевскомъ, который въ глазахъ князей являлся «старѣйшимъ столомъ земли Русской». Князь, сидѣвшій на столѣ кіевскомъ, получалъ титулъ *Великаго князя*, съ которымъ соединялись нѣкоторыя почетныя преимущества, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и весьма тяжелая обязанность — «стеречь землю русскую отъ поганыхъ».

Обычай наслѣдованія кіевскаго стола по праву старшинства въ родѣ нарушается со времени вокняженія Владиміра Мономаха, который своими высокими личными качествами умѣетъ не только заставить совсѣмъ забыть о нарушенномъ обычаѣ перехода кіевскаго стола по старшинству, но даже побуждаетъ кіевлянъ съ особенною любовью и благодарностію относиться къ его памяти. Послѣ смерти Мономаха столъ кіевскій остается нѣкоторое время въ рукахъ старшихъ Мономаховичей, потому что кіевляне съ особенною любовью относятся къ «Володимерю племени». По кончинѣ Ярополка Мстиславича (1139 г.) права на кіевскій столъ становятся спорными, и изъ-за права владѣнія этимъ столомъ возникаютъ продолжительныя усобицы.

Является въ теченіе того-же самаго періода попытка передачи стола кіевскаго по праву *наслѣдованія*. Но этотъ обычай не встрѣчаетъ себѣ поддержки въ гражданахъ кіевскихъ: они находятъ для себя нѣчто постыдное въ этомъ переходѣ власти надъ Кіевомъ и надъ всею землею русскою по наслѣдованію, безъ всякаго участія воли народной. Около того же времени является попытка владѣть кіевскимъ столомъ со стороны младшаго изъ Мономаховичей, Изяслава Мстиславича, вопреки правамъ его дядьевъ. Слагается въ подтвержденіе его правъ даже извѣстная пословица: «не голова идетъ къ мѣсту, а мѣсто къ головѣ». И вслѣдъ затѣмъ, первый ударъ значенію кіевскаго князя наноситъ Андрей Боголюбскій, который, имѣя по старшинству право сѣсть на столъ кіевскій и принять титулъ великаго князя —предпочитаетъ остаться въ Суздальской области и оттуда распоряжаться судьбами Кіевской Руси. По смерти Андрея, при братѣ его Всеволодѣ, суздальское вліяніе сказывается въ Кіевѣ еще сильнѣе,

и кіевскій столъ окончательно теряетъ то значеніе, какое онъ имѣлъ въ первые три вѣка Русской государственной жизни.

Важное значеніе князя въ Кіевѣ, вполнѣ выясняется намъ многими фактами, отмѣченными древнею лѣтописью кіевскою. Припомнимъ, напримѣръ, призваніе кіевлянами Владиміра Мономаха на столъ кіевскій въ 1113 году. Вотъ какъ оно происходило.

Вскорѣ послѣ Пасхи, великій князь Святополкъ разболѣлся и умеръ. Съ великими почестями былъ онъ похороненъ въ созданной имъ церкви св. Михаила, а княгиня его роздала монастырямъ, попамъ и убогимъ, такъ много богатства, что всѣ дивились, говоря: «такой милостыни никто не можетъ подать». Кіевляне, посовѣщавшись между собою, послали къ Володимеру, говоря: «пойди, князь, на столъ отца и дѣда». Услышавъ это, Володимеръ очень плакалъ, но не пошелъ на зовъ кіевлянъ (такъ какъ дѣти Святослава Ярославича имѣли болѣе правъ на столъ кіевскій). Кіевляне же разграбили дворъ тысячскаго Путяты, потомъ пошли на Жидовъ и ихъ разграбили; и опять послали они къ Володимеру, говоря: «пойди, князь, въ Кіевъ; а если не пойдешь, то знай, что великое зло воздвигнется—тутъ ужъ не Путятинъ дворъ, и не сотскихъ, и не Жидовъ станутъ грабить, а теперь ужъ пойдутъ на ятровь (*) твою, и на бояръ, и на монастыри, и ты будешь въ отвѣтѣ (передъ Богомъ), когда монастыри разграбятъ». И услышавъ это, Володимеръ пошелъ въ Кіевъ».

Тоже самое видимъ въ Кіевѣ и въ тотъ небольшой промежутокъ времени, который кіевлянамъ пришлось сидѣть безъ князя, во время усобицъ, послѣдовавшихъ за смертью любимаго князея ихъ — Изяслава Мстиславича, въ 1154 году. Изяславъ Давыдовичъ и Глѣбъ Юрьевичъ привели Половцевъ подъ стѣны Кіева, сразились съ Ростиславомъ и Мстиславомъ, и разбили ихъ на голову. Слѣдствіемъ пораженія было общее бѣгство князей въ разныя стороны: Ростиславъ бѣжалъ на Любечъ, Мстиславъ—въ Переяславль; другихъ князей перехватали Половцы. «И тяжко тогда стало Кіевлянамъ», заключаетъ лѣтописецъ, «*потому что не осталось у нихъ никакихъ князей*. И послали они епископа Демьяна Каневскаго по Изяслава по Давыдовича, говоря: «поди къ Кіеву, чтобы не могли насъ взять Половцы». Изяславъ исполнилъ желаніе горожанъ и сѣлъ въ Кіевѣ на столѣ. Немного спустя послѣ этого, подъ стѣны Кіева подступилъ Юрій и сталъ гнать Изяслава изъ стольнаго города. Лѣтописецъ говоритъ, что «не хотѣлось Изяславу идти изъ Кіева, потому что ему въ Кіевѣ полюбилось»; но нельзя было не уступить старшему и сильному князю. И вотъ онъ посылаетъ сказать Юрію, какъ бы въ извиненіе себѣ: «да развѣ я самъ

---

*) *Ятровь*—жена шурина или деверя; иначе: невѣстка.

сѣлъ въ Кіевѣ? вѣдь меня кіевляне посадили». И потомъ уступилъ Юрію сказавъ: «не дѣлай мнѣ зла; вотъ тебѣ твой Кіевъ».

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ становится ясно, въ какой степени князь оказывался необходимъ городу, какъ главная опора порядка и благоустройства внутренняго, какъ надежная оборона противъ враговъ внѣшнихъ. Городъ Кіевъ не можетъ обойтись безъ власти князя, какъ и другой, меньшій городъ Кіевской области безъ посаженнаго княземъ мужа—посадника или дѣцкаго. И едва только умираетъ князь или по другой причинѣ покидаетъ столъ свой, порядокъ городской рушится, страсти разыгрываются, и въ городскомъ населеніи, не смотря на существованіе вѣча и такихъ представителей власти, какъ *тысяцкій* и *соцкій*—сказывается необходимость во власти центральной, выражающей собою начало государственное.

При такомъ важномъ значеніи князя, его *вокняженіе*, должно было сопровождаться извѣстною торжественностью. Князь, призванный на столъ кіевскій кіевлянами или вступавшій на столъ по праву старшинства, прежде всего ѣхалъ поклониться мѣстнымъ святынямъ—св. Софіи, Богородицѣ Десятинной и Богородицѣ Печерской—и потомъ уже садился на Ярославлѣ дворѣ и при помощи своей дружины и своей челяди принимался за управленіе княжествомъ, сажая посадниковъ по городамъ и тіуновъ по селамъ. При этомъ граждане цѣловали крестъ князю, а князь—гражданамъ, и тоже обоюдное скрѣпленіе отношеній крестоцѣлованіемъ повторялось всюду по городамъ кіевскаго княженія черезъ довѣренныхъ лицъ, посланныхъ княземъ.

Крестоцѣлованію иногда предшествовалъ *рядъ* или *порядъ*, т. е. извѣстнаго рода *уговоръ* между княземъ и горожанами кіевскими. Иногда этотъ рядъ исходилъ отъ князя, который не соглашался иначе сѣсть на столъ кіевскій, какъ заключивъ съ кіевлянами уговоръ, обезпечивавшій за нимъ извѣстныя преимущества власти ([12]); иногда, напротивъ того, рядъ шелъ отъ горожанъ, которые только подъ извѣстными условіями, ограничивающими власть князя, соглашались признать за княземъ право на кіевскій престолъ. Но мы съ полною увѣренностью можемъ сказать, что подобный уговоръ или *рядъ* не былъ явленіемъ необходимымъ; онъ могъ существовать и не существовать вовсе, и отношенія гражданъ къ князю одинаково удобно складывались и при *рядѣ*, и *безъ ряда*. Отличіе заключалось, повидимому, только въ томъ, что князь, садившійся на столъ на основаніи старшинства или права, могъ не вступать въ рядъ съ гражданами и принимался править *по всей своей волѣ*, а князь, призванный на столъ горожанами, долженъ былъ вступать съ ними въ извѣстный *рядъ*. Но многое, очевидно, зависѣло отъ личности князя, его способностей, достоинствъ и любви къ нему народа: мы видимъ, что кіевляне грудью стоятъ за князей, правившихъ ими безъ всякаго ряда,

и никакъ не могутъ ужиться съ Игоремъ Ольговичемъ, который, тотчасъ же, вслѣдъ за вокняженіемъ, заключаетъ съ кіевлянами очень выгодный для нихъ *рядъ*.

Утвердившись на столѣ кіевскомъ, князь признавался *старшимъ* между князьями русскими; но это положеніе незначительно измѣняло его отношенія къ остальнымъ князьямъ. Всѣ они считали себя другъ-другу равными и равноправными по отношенію къ владѣнію извѣстною частью земли русской. За великимъ княземъ кіевскимъ удерживалось только право созывать князей для участія въ общихъ предпріятіяхъ всей земли русской противъ поганыхъ. Но его *старшинство* надъ другими князьями являлось, въ большей части случаевъ, не болѣе, какъ идеаломъ, на основаніи котораго могли иногда слагаться междукняжескія отношенія. Идеалъ этотъ осуществлялся вполнѣ только тогда, когда старшій князь обладалъ, кромѣ матеріальной силы, достаточнымъ вліяніемъ нравственнымъ, чтобы вынудить младшихъ князей къ повиновенію. Но нерѣдко, и при подобныхъ условіяхъ, малѣйшій намекъ на какое либо насилованіе воли младшаго со стороны старшаго вызывалъ младшаго къ отпору и борьбѣ ([12]).

Для обсужденія общихъ вопросовъ, касавшихся большинства князей или вообще земли русской, князья собирались на *съѣзды* или *снемы*. На этихъ съѣздахъ князь кіевскій очевидно имѣлъ нѣкоторое особое значеніе и едва-ли не по его почину собирались подобныя собранія. Но даже и единогласному рѣшенію такого общаго собранія всей братіи одинъ изъ князей могъ не покориться и предоставить рѣшеніе своего спора съ остальными князьями *суду Божію*, т. е. открытой борьбѣ, съ оружіемъ въ рукахъ ([13]).

Для характеристики междукняжескихъ отношеній чрезвычайно любопытны тѣ обычаи, которыми обставлялись съѣзды княжескіе и всѣ договоры, приводившіе къ установленію правильныхъ отношеній между князьями. На этихъ съѣздахъ князья являлись въ сопровожденіи важнѣйшихъ представителей дружины; они собирались въ *одномъ* шатрѣ и садились на *одномъ* коврѣ ([14]). Совѣщаніе начиналъ *старшій* князь. Въ обсужденіи спорныхъ вопросовъ *снеми* наравнѣ съ князьями участвовала и дружина; но окончательное рѣшеніе зависѣло, повидимому, отъ старшаго князя, который заявлялъ объ этомъ рѣшеніи, *вставая* со своего мѣста.

Рѣшенія съѣздовъ, какъ и вообще всякіе договоры князей между собою, скрѣплялись обоюднымъ крестнымъ цѣлованіемъ, причемъ соблюдались нѣкоторыя, строго-опредѣленныя формы. Крестъ цѣловалъ *сначала* младшій, а *потомъ* старшій. При этомъ иногда приговаривали: «*кто отступитъ отъ крестнаго цѣлованія, тому пусть этотъ крестъ отмститъ*». Иногда такое крестное цѣлованіе совершалось всѣми отъ одного креста, изъ рукъ духовенства; иногда для совершенія того-же

обряда довольствовались цѣлованіемъ крестовъ, которые князья и дружина на цѣпяхъ носили на шеѣ, какъ обычную принадлежность костюма. Для цѣлованія креста князья сходили съ лошадей. Иногда присяга усиливалась тѣмъ, что приносившій ее клялся именемъ Пресвятой Богородицы или двѣнадцатью праздниками ([15]).

Если одна изъ сторонъ уже поцѣловала крестъ, а другая еще не успѣла исполнить этого обряда, то первая была связана своею клятвою, а вторая могла отступиться отъ своего слова. Мы это видимъ изъ слѣдующаго случая. Когда (въ 1140 г.) Всеволодъ Ольговичъ, вокняжившись въ Кіевѣ, задумалъ изгнать князя Андрея изъ Переяславля, и послѣ ожесточенной борьбы, дѣло дошло до примиренія, то Андрей цѣловалъ крестъ Всеволоду, а Всеволоду предстояло цѣловать крестъ на другой день. И вдругъ, въ ту же ночь, загорѣлось въ Переяславлѣ. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что Всеволодъ, «исполнившись страха Божія», *не послалъ къ городу никого*; а на утро Всеволодъ сталъ говорить Андрею: «видишь-ли, я къ тебѣ креста еще не цѣловалъ, а у васъ между тѣмъ загорѣлось, и *если бы я тебѣ хотѣлъ зла, то сдѣлалъ бы съ тобою, все, что бы мнѣ было угодно*».

Нельзя не отмѣтить, какъ черту времени, то, что преступленіе крестнаго цѣлованія было явленіемъ весьма обычнымъ. Преступали крестное цѣлованіе и князья по отношенію къ городамъ, и города по отношенію къ князьямъ, и чаще всего — князья по отношенію къ князьямъ. Хотя мы и видимъ примѣры стойкости и вѣрнаго соблюденія присяги со стороны немногихъ князей, которые не рѣшались «*играть душою*», но за то, рядомъ съ этими немногими исключеніями, видимъ безпрестанныя нарушенія присяги по самому ничтожному поводу, и даже— случаи глумленія надъ святостью присяги. Когда посланный Изяславомъ къ Владиміру Галицкому Петръ Бориславичъ (въ 1152 г.) сталъ укорять князя въ несоблюденіи договора, по которому онъ цѣловалъ крестъ—Владиміръ спросилъ его съ насмѣшкой: «вотъ не этотъ ли маленькій крестикъ?»—«Князь», отвѣчалъ Владиміру Петръ, «хотя и малъ крестъ, но велика сила его на небеси и на земли».

Когда договоры заключались князьями заочно, то они пересылались между собою мужами, и эти мужи «водили ихъ ко кресту» (приводили къ присягѣ) и закрѣпляли фактъ крестоцѣлованія особыми *крестными грамотами*, въ которыхъ подробно были прописаны всѣ условія договора. Съ такими крестными грамотами шелъ сначала мужъ отъ старшаго къ младшему князю, и потомъ отъ младшаго къ старшему. Если двое или нѣсколько князей заключали общій договоръ съ однимъ княземъ, то отъ каждаго изъ нихъ шелъ особый мужъ, и всѣ эти мужи должны были идти вмѣстѣ и присутствовать при крестномъ

цѣлованіи. Если же договоръ, скрѣпленный крестнымъ цѣлованіемъ, не соблюдался которою нибудь изъ сторонъ, то другая сторона посылала того же самаго мужа, который присутствовалъ при заключеніи договора, и поручала ему, укоривши вѣроломнаго князя, «повергнуть ему крестныя грамоты». И посланный мужъ буквально исполнялъ этотъ обычай, либо «полагая» крестныя грамоты передъ княземъ, преступившимъ крестное цѣлованіе, либо *бросая эти грамоты на землю у ногъ князя*. Послѣ этого акта, договоръ считался уже несуществующимъ болѣе.

Когда князьямъ приходилось сноситься между собою по поводу какихъ-нибудь частныхъ вопросовъ или вступать въ такія сдѣлки, которыя необходимо было хранить въ тайнѣ, то они пересылались *послами* или *посольниками*, избираемыми большею частью изъ числа младшей дружины, иногда изъ духовенства. Такой посолъ везъ съ собою письмо или словесный запросъ, сопровождаемый привѣтствіями и поклонами. Если посольство имѣло благопріятный исходъ, то его награждали и отпускали обратно съ отвѣтомъ, и также съ привѣтствіями и поклонами. Если же князь, къ которому посолъ былъ отправленъ, хотѣлъ явно выразить свою непріязнь къ тому, отъ кого посольство шло— то отпускалъ посла, не давши ему «ни повоза, ни корма».

Случалось, что, въ послѣднемъ случаѣ, посла даже просто задерживали и не отпускали въ обратный путь, пока все «нелюбье» между князьями не улаживалось какимъ-нибудь инымъ образомъ. Такъ, въ 1149 г. Изяславъ Мстиславичъ и Владиміръ Давыдовичъ отправили своихъ пословъ къ Святославу Ольговичу; Святославъ, выслушавъ рѣчи присланныхъ къ нему мужей, ничего не отвѣчалъ на нихъ, и только сказалъ: «пойдите въ свой обозъ, я васъ опять позову»,—и такъ держалъ пословъ цѣлую недѣлю и «сторожей поставилъ къ ихъ обозу, чтобы никто не могъ къ нимъ прійти». Нельзя, впрочемъ, не замѣтить здѣсь, что подобное отношеніе къ посламъ иногда вызывалось необходимостью, такъ какъ случалось, что послы являлись нерѣдко во вражій станъ или городъ только для того, чтобы «*розирати нарядъ*», т. е. высмотрѣть положеніе противника, ознакомиться съ численностью его рати и съ существующими порядками ([16]).

Волости, розданныя старшимъ княземъ въ удѣлъ младшему, налагали на послѣдняго различныя обязанности, въ исполненіи которыхъ онъ также цѣловалъ крестъ старшему князю. Обязанности эти заключались въ томъ, что младшій князь долженъ былъ «*ѣздить подлѣ старшаго князя*» или «*у стремени его*», «*приходить на зовъ его*» и «*ходить въ его рукѣ*», т. е. другими словами—являясь по первому призыву князя, пре-
доставляя въ ворженіе и дружину свою, и полкъ свой,
воевать съ кить съ его друзьями и безпрекословно

исполнять его волю. Къ числу обязанностей каждаго князя, получившаго часть въ кіевскомъ княженіи, принадлежала и обязанность «*стеречь русскую землю*», т. е. нести сторожевую службу въ пограничныхъ со степью мѣстахъ, для охраненія интересовъ русской торговли. Въ воздаяніе за все это, старшій или великій князь обязывался соблюдать интересы младшихъ князей, не давать ихъ никому въ обиду «и быть имъ въ отца мѣсто».

Въ вознагражденіе за все то, что князь принималъ на себя и считалъ своею обязанностью по отношенію къ своимъ поданнымъ, онъ пользовался правомъ собирать съ нихъ *дань* опредѣленнаго размѣра. Первоначально собираніе дани производилось князьями лично. Отправляясь въ объѣздъ по своимъ владѣніямъ, въ опредѣленное время года, князь одновременно и собиралъ дань съ народа, и входилъ въ его насущныя нужды, «творя судъ и правду», и получая за это особые дары отъ мѣстнаго населенія. Такіе издревле установившіеся объѣзды получили названіе *полюдья*, которое переносилось и на самые дары, получаемые при этомъ княземъ. Впослѣдствіи князья не всегда пускались лично въ подобные объѣзды, а поручали за себя собираніе дани избраннымъ, довѣреннымъ лицамъ. Выборъ такихъ лицъ вполнѣ зависѣлъ отъ князя; онъ сажалъ *посадниковъ* и *дѣтскихъ* по городамъ и разсылалъ *тіуновъ* по селамъ. Какъ посадники, такъ и дѣтскіе избирались изъ младшихъ членовъ дружины, а тіуны—изъ *челяди*, т. е. изъ числа рабовъ княжескихъ.

«Творя судъ и правду» и являясь такимъ образомъ представителемъ *власти исполнительной*, князь въ тоже время являлся и *законодателемъ*: онъ не только исполнялъ законъ и наблюдалъ за его исполненіемъ другими лицами, но и самъ участвовалъ въ изданіи *новыхъ законовъ* и дополнялъ старые *примѣненіемъ* къ извѣстному данному случаю. Вслѣдствіе этого значенія князя, въ его пользу поступали, кромѣ дани, и другіе доходы съ волости: *пошлины съ суда*, *съ торговли*, *съ путей и съ промысловъ*. Хотя эти доходы, получаемые съ волости, и самая дань имѣли значеніе суммъ, назначаемыхъ на потребности общественныя, однакоже это не мѣшало князю смотрѣть на нихъ, какъ на частную собственность, которою онъ могъ распоряжаться, какъ ему было угодно. И дѣйствительно, мы видимъ, что князья иногда добровольно отказывались отъ собиранія дани и прочихъ доходовъ съ волости своей, предоставляя ихъ то въ пользу женъ своихъ, то въ пользу дѣтей, даже бояръ, и, еще чаще, принося ихъ въ даръ церквамъ и монастырямъ.

Вслѣдствіе такого взгляда на доходы съ волости, князья смотрѣли на волость какъ на извѣстную, опредѣленную цѣнность. Такъ, подъ 1195 г. читаемъ въ лѣтописи, что Романъ Юрьевичъ, на предложеніе

тестя своего Рюрика Ростиславича о передачѣ его волости Всеволоду Юрьевичу, говоритъ: «дай мнѣ, вмѣсто этой волости, либо иную, либо *кунами* (т. е. деньгами) вознагради меня, по стоимости ея».

Но и кромѣ этихъ источниковъ богатства, были у князей еще другаго рода доходы съ земель, которыми князь владѣлъ на правахъ полной собственности. Заселяя пустопорожнія мѣстности своими *холопами* или *рабами* (челядью), или *изгоями* ([17]), князья рубили на нихъ новые городки, ставили *сели* и *дворы* (усадьбы) свои. Къ этимъ новозаселеннымъ пунктамъ примыкали и тянули *рыбныя ловли*, *пчелиныя борти*, лѣса, полные дичи и всякаго звѣря, и роскошные поемные луга.

Въ какой степени велики были богатства въ дворахъ и селахъ княжескихъ, можно видѣть изъ того мѣста лѣтописи, въ которомъ подъ 1147 годомъ повѣствуется о разграбленіи Изяславомъ Мстиславичемъ и Владиміромъ Давидовичемъ *Игорева сельца*, въ которомъ «Игорь хорошо устроилъ себѣ дворъ; много тутъ было готовизны (запасовъ) въ бретьяницахъ (кладовыхъ), а въ погребахъ вина и меды, и столько всякаго тяжелаго товара, такого, какъ желѣзо и мѣдь, что (князья) отъ множества даже и не смогли вывезти всего». Сверхъ этого оказывалось, что на гумнѣ въ томъ сельцѣ было 900 стоговъ хлѣба, а въ другомъ 4,000 коней, принадлежавшихъ Игорю и Святославу—всѣ въ одномъ стадѣ. А у Святослава въ селѣ нашли въ погребахъ 500 берковцевъ меду и 80 корчагъ вина, да сверхъ того много всякихъ богатствъ и «тяжкаго товара» (металловъ) въ «скотницахъ и бретьяницахъ», и однихъ рабовъ семьсотъ!

При такомъ разнообразномъ и постоянномъ притокѣ богатствъ изъ разныхъ источниковъ, казна княжеская являлась неистощимо-полною чашею, изъ которой князь могъ почерпать средства для жизни роскошной, по тогдашнему времени, совмѣстно съ дружиною и для поддержанія огромной свиты, постоянно его окружавшей и отъ него получавшей содержаніе. Большія богатства, скоплявшіяся въ казнѣ княжеской, рѣдко развивали въ нашихъ южно-русскихъ князьяхъ скопидомство или страсть къ стяжанію: такихъ примѣровъ южно-русская лѣтопись до начала XIII вѣка представляетъ намъ очень немного. Но за то у многихъ изъ числа князей развивалось желаніе жить шумно, разгульно, весело, привлекая и всѣхъ окружающихъ къ своему веселью, втягивая въ очарованный кругъ своей пестрой жизни и духовенство, и толпу народа. Являлось нерѣдко даже и тщеславное желаніе похвалиться своимъ богатствомъ передъ заѣзжимъ гостемъ—показать ему, какова казна княжеская. Такъ, въ 1075 г., когда пришли къ Святославу кіевскому послы «изъ нѣмецъ», то Святославъ, по выраженію лѣтописца, «сталъ передъ ними величаться и показалъ имъ богатство свое; они же, увидѣвъ *безчисленное множество злата, серебра и паволокъ*, сказали: «все

это никакого значенія не имѣетъ— это лежитъ мертво; *кметье* (т. е. воины, удальцы) лучше всего этого—съ мужами доищешься и бо́льшей казны».

Суровые Нѣмцы, давая князю Святославу этотъ рѣзкій отзывъ, были несовсѣмъ справедливы, когда называли княжескую казну *мертвымъ* скопленіемъ богатствъ. Казна княжеская была постоянно открыта дружинѣ и много способствовала поддержанію достинства и значенія князя кіевскаго между остальными князьями. Эта казна состояла изъ денегъ (кунъ), изъ серебра и золота (въ издѣліяхъ и украшеніяхъ), изъ дорогихъ матерій (па́волокъ), изъ одеждъ, шитыхъ золотомъ и жемчугомъ, изъ дорогихъ мѣховъ и шкуръ рѣдкихъ звѣрей, изъ златокованныхъ сѣделъ, сбруи и драгоцѣннаго оружія. Отсюда-то и почерпалъ князь всѣ дары, которые были столь обычны и необходимы въ то время при пирахъ и съѣздахъ княжескихъ. Въ той же казнѣ накоплялись мало-по-малу богатства книжныя, составлявшія въ XI и XII вв. такую рѣдкую и дорогую диковинку. Но даже и при такомъ значеніи казны, многіе князья относились къ мертвымъ сокровищамъ своимъ съ великимъ пренебреженіемъ и употребляли значительную долю своихъ богатствъ на помощь сирымъ и убогимъ, на щедрые вклады въ монастыри и церкви, на содержаніе духовенства и монашества, этимъ путемъ стремясь «уготовать себѣ сокровища на небеси».

Любопытный примѣръ равнодушія къ богатству, видимъ въ извѣстномъ раздѣленіи Вячеславова имущества княземъ кіевскимъ Ростиславомъ Мстиславичемъ. Узнавъ о смерти дяди своего Вячеслава, Ростиславъ, вышедшій изъ Кіева съ войскомъ противъ Юрія (въ 1154 г.), вернулся въ Кіевъ, похоронилъ Вячеслава съ великою честью и, послѣ того, «пріѣхавъ на Ярославль дворъ и созвавъ мужей отца своего (Вячеслава) ([18]), и тіуновъ, и ключниковъ, приказалъ принести и сложить предъ собою имѣніе покойнаго— и порты, и золото, и серебро; и когда снесли все, то Ростиславъ сталъ раздавать имѣніе по монастырямъ, и по церквамъ, и по затворамъ, и нищимъ, и такъ все роздалъ, а себѣ не взялъ ничего, кромѣ одного честнаго креста на благословеніе, да еще небольшой остатокъ имѣнія назначилъ на то, чтобы было чѣмъ помянуть его въ послѣдніе дни его жизни».

Богатство казны княжеской и большое количество движимаго имущества, какъ въ городскихъ, такъ и въ загородныхъ княжескихъ дворахъ, и селахъ—вынуждало князя имѣть большое количество прислуги и различныхъ должностныхъ лицъ, составлявшихъ постоянную свиту князя. Изъ лѣтописи знаемъ, напримѣръ, что въ личномъ распоряженіи великаго князя Святополка Изяславича (въ 1093 г.) находилось 800 слугъ, составлявшихъ его свиту. Но кромѣ личныхъ слугъ входи-

шихъ въ составъ его дворни, ему необходимы были лица, которыя бы могли управлять въ его отсутствіе недвижимыми имѣніями, завѣдывать угодьями, хранить запасы. Лѣтопись и другіе источники упоминаютъ о такихъ лицахъ, давая имъ наименованія: *тіуновъ*, *ключниковъ* и *рядовичей*. Не подлежитъ сомнѣнію, что эти лица избирались изъ сословія несвободнаго — изъ холопей или изъ челяди. Есть основаніе предполагать, что собственно казною княжескою завѣдывало особое должностное лицо, такъ называемое *милостникъ* (нѣчто въ родѣ *казначея*), который хотя и могъ быть иногда весьма близокъ къ князю, однако же къ дружинѣ не принадлежалъ ([19]). Въ его же распоряженіи находилось и оружіе княжеское, и кони, которыми, какъ извѣстно, князь снабжалъ воевъ въ случаѣ войны.

Понятно, что при такомъ большомъ количествѣ прислуги, при той постоянной свитѣ, которая всюду сопровождала князя, — князь не могъ обойтись безъ большаго обоза (такъ называемаго *товара*), который слѣдовалъ за нимъ постоянно во всѣхъ его передвиженіяхъ съ мѣста на мѣсто. Выѣзжалъ-ли князь на ловы, собирался-ли на полюдье, спѣшилъ-ли на войну, шелъ-ли на богомолье— за нимъ постоянно тянулись повозки съ запасами, съ шатрами, съ коврами и одеждами, съ дарами, оружіемъ и, можетъ быть, даже съ казною; за повозками и около нихъ шла многочисленная прислуга, ведя поводныхъ и вьючныхъ коней. Гдѣ бы ни вздумалъ князь, его семейство или дружина расположиться станомъ, всюду можно было тотчасъ же разбить шатры или *полстинцы*, разостлать ковры, вскрыть дорожные запасы и не только имѣть все необходимое для себя, но даже еще и гостя угостить, и нищую братью надѣлить, чѣмъ Богъ послалъ. Отсюда понятно, почему, при враждебныхъ столкновеніяхъ— обозъ княжескій всегда составлялъ одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ нападенія, почему его такъ тщательно старались оберечь, поставить куда-нибудь подальше отъ мѣста битвы, почему, наконецъ, нерѣдко забывали и о битвѣ, набрасываясь грабить «*товары*»...

Многочисленная свита князя и обозъ, всюду слѣдовавшій за нимъ, порождали, въ свою очередь, нѣкоторыя любопытныя черты быта. Такъ напримѣръ, мы видимъ, что заѣзжіе князья, пріѣзжавшіе въ Кіевъ на богомолье или въ гости, не входили въ Кіевъ, а раскидывали таборъ въ окрестностяхъ города, и въ этомъ временномъ помѣщеніи, среди своего обоза и дружины, оставались все время своего гощенья. Самое мѣсто становища заранѣе опредѣлялось княземъ кіевскимъ: заѣзжій гость, приближаясь къ Кіеву, останавливался въ нѣкоторомъ отъ него разстояніи, и посылалъ къ князю кіевскому съ запросомъ: «братъ! гдѣ велишь мнѣ стать!» И только тогда, когда получался отвѣтъ, пріѣзжій гость рѣшался раскинуть свой таборъ на указанномъ ему урочищѣ.

Письменные памятники кіевскаго періода настолько богаты отдѣльными чертами быта княжескаго, что при сопоставленіи этихъ отдѣльныхъ чертъ, оказывается возможность набросать довольно полную картину частной жизни кіевскихъ *князей* до половины XIII вѣка.

Каждый изъ князей получалъ, при рожденіи, *мірское* или *княжое* имя, а при крещеніи другое, христіанское. Большею частью, въ міру былъ онъ извѣстенъ подъ первымъ именемъ, а второе упоминается рѣдко, въ немногихъ особенныхъ случаяхъ. Такъ именами мірскими являлись княжія имена: Брячиславъ, Володарь, Володимеръ, Всеволодъ, Всеславъ, Вячеславъ, Игорь, Изяславъ, Мстиславъ, Олегъ, Ростиславъ, Рюрикъ, Святополкъ, Святославъ, Ярополкъ, Ярославъ. И рядомъ съ этими именами, Владиміръ (Равноапостольный) носилъ имя Василія; сынъ его Ярославъ Мудрый — имя Георгія; Владиміръ Мономахъ — также Василія; Святополкъ Изяславичъ назвался Михаиломъ, а первоначальники Борисъ и Глѣбъ — Романомъ и Давыдомъ. Обычай такихъ двойныхъ именъ очевидно явился со времени введенія христіанства.

Тоже самое видимъ и по отношенію къ княжнамъ и княгинямъ: у каждой изъ нихъ, въ томъ же самомъ смыслѣ, бывало по два имени. Мірскія или княжія ихъ имена даже замѣчательно сближались съ именами мужскими: такъ между женскими именами встрѣчаемъ: Брячислву, Объславу, Ярославу, Всеславу, Сбыву, Ростиславу, Мстиславу, Переславу, Верхуславу; такъ и въ. Сбыва, при крещеніи, получила имя Елены.

Такъ какъ былъ обычай давать имена въ честь дѣдъ и отцовъ, то вполнѣ, въ извѣстномъ княжескомъ родѣ должны были являться имена любимыя, часто повторявшіяся. Любопытною чертою времени представляется то, что княжіе имена составляли какъ бы исключительную принадлежность княжескаго достоинства: они не только не являются въ народѣ, но не упоминаются и среди дружины княжеской. Весьма обыкновенно было, вѣроятно, употребленіе *отчества*, быть можетъ, не въ ихъ полной формѣ — сынъ Володимеръ, сынъ Ярославль, сынъ Всеволожь, тѣмъ болѣе, что форма современная намъ отчества на *ичъ*, въ первоначальномъ періодѣ нашей исторіи является болѣе въ значеніи нарицательнаго имени цѣлаго рода, напр. Олеговичи, Святославичи, Ярославичи. По отношенію къ княжнамъ, отчества (въ современной ихъ формѣ на *-овна*, *-евна*, напр. Ростиславна, Всеволожна, Мстиславна), являлись весьма обыкновенной замѣной ихъ именъ, точно такъ какъ для княгинь являлись подобной же замѣной имена ихъ мужей: говорилось: княгиня Мстиславляя, Ярославляя и т. п.

Важною чертою времени, отчасти указывающею на [illegible] [illegible] въ современномъ русскомъ обществѣ XI—XII вѣка, [illegible] и любопытный обычай называть иногда князей [illegible]

материнскими для отличія отъ другихъ князей той же семьи, но отъ другой матери, напр. Олегъ *Настасьичъ* (1187 г.), Василько *Мариничъ* (1136 г.).

Родины въ княжескомъ быту праздновались какъ великое семейное торжество, и такъ какъ княгини нерѣдко сопровождали своихъ мужей въ ихъ частыхъ путяхъ и походахъ, то случалось, что князь, на радостяхъ, давалъ обѣтъ построить церковь на томъ мѣстѣ, на которомъ родился у него сынъ, или даже отдавалъ ему во владѣніе тотъ городъ, въ которомъ онъ родился.

Воспріемниками при крещеніи бывали родственники, и тотчасъ послѣ крещенія было въ обычаѣ отдавать княжаго сына на попеченіе особымъ *дядькамъ* или *кормильцамъ* изъ близкихъ князю-отцу бояръ, которые и заботились о своихъ питомцахъ до вступленія ихъ въ отрочество, и находились при нихъ безотлучно.

Такому обычаю способствовало въ значительной степени не только то, что князь велъ жизнь безпокойную и подвижную, но и то, что браки совершались между князьями въ очень раннемъ возрастѣ, и родители, вѣроятно, не всегда могли надѣяться на свою опытность въ дѣлѣ воспитанія. На томъ же основаніи, княжны воспитывались иногда въ домѣ дѣда и бабки; такое свѣдѣніе сохранилось намъ отъ конца XII вѣка объ Евфросиніи, дочери Ростислава Рюриковича и Всеславы Всеволодовны, которую взяли къ себѣ на воспитаніе ея «дѣдъ и баба» (съ материной стороны). «И такъ была она воспитана въ Кіевѣ на горахъ», замѣчаетъ лѣтописецъ (1198 г.).

На третьемъ или четвертомъ году отъ роду надъ малолѣтнимъ княземъ совершался особый обрядъ *постригъ* или *всажденія на конь* — какъ бы посвященіе младенца въ его будущій княжескій санъ. Постриги заключались въ томъ, что ребенка приносили въ соборъ, гдѣ мѣстный епископъ обрѣзывалъ княжичу волосы, а потомъ его сажали въ первый разъ на коня. *Всажденіе на конь*, повидимому, не всегда происходило въ одинъ и тотъ-же день съ *постригами*, тѣмъ болѣе, что это семейное празднество длилось не одинъ день; легко можетъ быть, впрочемъ, что церковная часть этого торжества отдѣлялась отъ свѣтской только тогда, когда къ тому представлялась возможность. Какъ родины, такъ и постриги, судя по свидѣтельствамъ лѣтописнымъ, принадлежали къ числу семейныхъ праздниковъ, которые сопровождались весельемъ, съѣздами родни и пирами.

Вслѣдъ за этимъ формальнымъ, обрядовымъ вступленіемъ въ жизнь, княжича вѣроятно вскорѣ начинали учить грамотѣ и упражненіямъ воинскимъ, такъ какъ настоящее вступленіе въ жизнь и въ кругъ дѣйствительныхъ обязанностей княжескихъ, какъ властительскихъ, такъ и воинскихъ, происходило уже въ отроческомъ возрастѣ. Четырнад-

цати, много пятнадцати лѣтъ князья уже садились на столы княжескіе, а 17—20 принимали уже дѣятельное участіе въ историческихъ событіяхъ.

Замѣтимъ, что въ походахъ и даже въ битвахъ князья принимали участіе еще въ младенчествѣ, 8—10 лѣтъ, оберегаемые дядьками своими и ближайшею дружиною.

Сообразно такому раннему вступленію въ жизнь политическую, военную и общественную, князья и въ семейную жизнь вступали также рано. Весьма многіе изъ нихъ женились между 14—17 годами, а извѣстны отдѣльные случаи браковъ и въ десятилѣтнемъ возрастѣ: такъ Святославъ Игоревичъ десяти лѣтъ женился на дочери Рюрика Ростиславича (1181 г.). Княжны выходили замужъ еще ранѣе, и замужество въ 8-лѣтнемъ возрастѣ не представляло собою исключительнаго или даже рѣдкаго случая.

Само собою разумѣется, что такъ какъ браки совершались въ такомъ юномъ возрастѣ, то зависѣли вполнѣ отъ родителей, которые, по взаимному соглашенію, озабочивались о подысканіи невѣсты сыну и жениха дочери. Въ выборѣ жениховъ и невѣстъ не замѣчаемъ еще никакой исключительности, ни племенной, ни религіозной. Князья женились на княжнахъ русскихъ и дочеряхъ половецкихъ хановъ, избирали себѣ женъ и на далекомъ Кавказѣ, изъ Обезъ и Яссовъ; точно также княжны выходили замужъ и за русскихъ князей, и за царей греческихъ, за королей венгерскихъ и польскихъ, и за хановъ половецкихъ. Свадьбы справлялись роскошно, сопровождались пышными пиршествами, къ которымъ готовились заблаговременно, варили меды и издалека созывали родственниковъ и союзныхъ князей, съ женами, и ближайшихъ мужей дружины ихъ, также съ женами. За невѣстами отправлялись нерѣдко многочисленные поѣзды, и въ числѣ поѣзжанъ видимъ важнѣйшихъ представителей дружины со стороны отца жениха.

Едва доходила до отца невѣсты вѣсть о приближеніи сватовъ жениха, какъ онъ спѣшилъ выслать для привѣтствія ихъ почетную встрѣчу изъ мужей своей дружины. Отецъ невѣсты дарилъ сватовъ и поѣзжанъ жениха, а отецъ жениха отдаривалъ сватовъ и поѣзжанъ невѣсты. За невѣстами, смотря по состоянію князя, давалось приданое.

Положеніе княгини, судя по сохранившимся свидѣтельствамъ, было почетнымъ и самостоятельнымъ. Княгини имѣли независимыя отъ мужей средства, удѣлы съ городами и села, которыми распоряжались на полной своей волѣ. Княгини иногда являлись примирительницами въ распряхъ: имъ поручали князья въ отсутствіи своемъ исполненіе важныхъ распоряженій; имъ, какъ вѣрнымъ и преданнымъ совѣтницамъ, довѣряли мужья свои затаенные помыслы, иногда скрываемые отъ

ближайшей и старѣйшей дружины; къ нимъ обращались на смертномъ одрѣ съ послѣднею ласкою и завѣтомъ. Сохранились свидѣтельства, указывающія на то, что и къ сестрамъ, и къ невѣсткамъ своимъ князья относились чрезвычайно нѣжно и почтительно, заботились о нихъ и не стѣсняли ихъ свободы дѣйствій. И женщины, съ своей стороны, пользовались этой свободой вполнѣ, то принимая участіе въ дѣлахъ политическихъ, то посвящая себя заботамъ о своемъ образованіи, то вступаясь въ дѣла церковныя. Путешествія княженъ и княгинь въ Царьградъ и Іерусалимъ не были въ эту эпоху явленіемъ необычайнымъ, и благодѣтельное ихъ вліяніе на современные нравы, вліяніе просвѣщенное и проникнутое глубокою, живою религіозностью—едва ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Кромѣ родинъ, крестинъ, свадебъ и пóстригъ, изъ празднествъ семейныхъ справлялись еще *именины*. Всѣ эти семейныя празднества сопровождались весьма обычными съѣздами родни и гостей, на пріемъ которыхъ радушный хозяинъ не жалѣлъ ничего. Отмѣтимъ кстати нѣкоторыя черты быта, относящіяся къ *гостепріимству*.

Князья, при встрѣчахъ, обнимались и цѣловались. Если встрѣча эта происходила на пути, и князья съѣзжались верхами, то для взаимнаго привѣтствованія они сходили съ коней. Когда гость пріѣзжалъ на княжій дворъ, на встрѣчу ему сходили съ сѣней слуги княжіе и вели его передъ князя. Тамъ ставили они ему стулъ и сажали его. Если пріѣзжій гость былъ княжескаго рода, то нерѣдко и самъ князь сходилъ къ нему съ сѣней на встрѣчу и самъ велъ его въ гридницу. Но молодые князья иногда и не допускали до этого князей старшихъ: они всходили на сѣни, не ожидая встрѣчи, и входя въ горницу, кланялись хозяину. Хозяинъ вставалъ имъ на встрѣчу съ своего мѣста, цѣловался съ ними и сажалъ ихъ рядомъ съ собою.

Общіе княжескіе съѣзды и частныя свиданія князей между собою сопровождались весельемъ и *пирами*. При этихъ пирахъ было въ обычаѣ—хозяину дарить гостя, и гостю отдаривать хозяина дарами очень цѣнными. Случалось даже, что щедрость хозяевъ-князей, позвавшихъ къ себѣ гостей на пиръ, принимала очень широкіе размѣры, и дары распространялись не только на дружину княжескую, и на всѣхъ принимавшихъ участіе въ пиршествѣ. Любопытно, въ этомъ отношеніи, свидѣтельство лѣтописи подъ 1160 г., о *снемѣ* Ростислава съ Святославомъ Ольговичемъ въ Моравійскѣ, «мѣсяца мая въ 4-й день». «Съѣздъ ихъ», замѣчаетъ лѣтописецъ, «былъ на великую любовь. Тогда Ростиславъ позвалъ къ себѣ Святослава на обѣдъ. Святославъ поѣхалъ къ нему, и была великая между ними радость въ тотъ день и (обмѣнялись они) дарами многими: — Ростиславъ подарилъ Святослава соболями и горностаями и черными кунами, и

песцами, и бѣлыми волками, и рыбьими зубами. На другой день позвалъ Святославъ Ростислава къ себѣ на обѣдъ... и подарилъ Святославъ Ростиславу (шкуру) пардуса и двухъ коней борзыхъ съ коваными сѣдлами» ([20]).

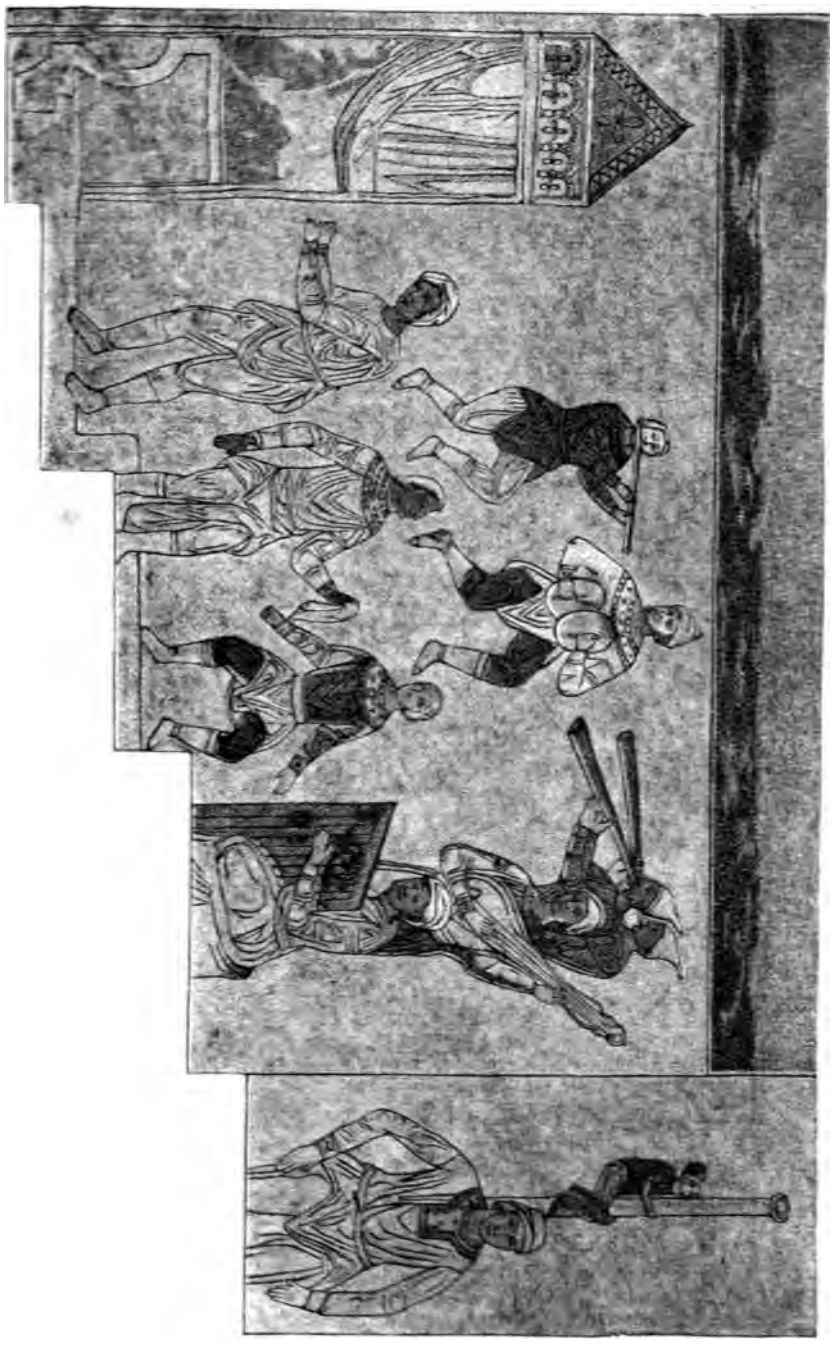


Рис. 7. Княжескія забавы (фреска Кіево-Софійскаго собора).

Судя по тому, что слово *нити* является въ современныхъ памятникахъ XI—XII вв., равносильнымъ со словомъ *нировать*, судя и по

многимъ другимъ фактамъ, отмѣченнымъ лѣтописью, бражничанье было однимъ изъ наиболѣе выдающихся пороковъ времени въ княжеской и дружинной средѣ XI—XII вѣка, тѣмъ болѣе, что, при общеславянской склонности нашихъ князей къ гостепріимству и удалому разгулью, было много и поводовъ къ развитію этого порока. Къ тому же, кромѣ охоты и пировъ, кромѣ удалыхъ упражненій въ наѣздничествѣ и умѣньи владѣть оружіемъ, потѣхъ для досуга было немного.

Въ житіи Ѳеодосія сохранилось любопытное свидѣтельство объ увеселеніяхъ, которыя названы тамъ даже *обычными* увеселеніями княжескими. Преподобный Ѳеодосій разсказываетъ, что однажды, прійдя къ Святославу (Ярославичу), онъ засталъ его потѣшающимся въ хоромахъ, гдѣ передъ нимъ музыканты играли на гусляхъ, а иные пѣли, и всѣ веселились, забавляя князя разными играми.

Наиболѣе древнія изъ нашихъ былинъ, въ которыхъ несомнѣнно отразились отголоски кіевскаго періода, описывая «почестные пиры и столованья княжескія», также упоминаютъ о пѣніи и *гуселкахъ яворчатыхъ*, какъ о весьма обычной забавѣ; но былины большею частью приписываютъ эти пѣсни скоморохамъ, *скоморошинамъ*, и, даже влагая пѣсню въ уста и гусли въ руки богатырю—заставляютъ его не даромъ *окручиваться въ платье скоморошеское»*. Современные памятники упоминаютъ о какихъ-то *гудцахъ и шпилерахъ*, потѣшавшихъ своею игрою на пирахъ, о «нѣмцахъ, венедицахъ, грекахъ и моравѣ, поющихъ славу Святославу, князю кіевскому». Есть даже основаніе думать, что существовали особые *пѣвцы княжескіе*, но они не составляли особаго привиллегированнаго класса придворныхъ поэтовъ, а принадлежали къ числу вдохновенныхъ народныхъ пѣвцовъ и сказателей, слагавшихъ пѣснь свою во славу князю и *«пѣвшихъ про старыя времена и про нынѣшнія, и про всѣ времена досюлешнія»*.

Поученіе Мономаха даетъ намъ довольно ясное понятіе о томъ, какъ проходилъ день князя и въ чемъ состояли его ежедневныя занятія. Вставали князья до восхода солнечнаго, и тотчасъ послѣ того, если не шли на службу въ церковь, то садились *заутрокать* и послѣ того принимались *думу* думать съ дружиною или *людей оправливать* (т. е. судить, разбирать). По окончаніи думы и суда ѣзжали на охоту или занимались наѣздничествомъ и воинскими упражненіями. Около полудня обѣдали и въ полдень ложились спать. Существовало даже повѣрье, что «спанье самимъ Богомъ присуждено полудню: отъ начала почиваетъ въ полдень и звѣрь, и птица, и человѣкъ». День заканчивали ввечеру ужиномъ. Таковъ былъ порядокъ дня княжескаго, если ничто не нарушало его теченія, и князю не приходилось быть ни въ пути, во время своихъ обычныхъ и обязательныхъ объѣздовъ, ни на дальней охотѣ.

Охота принадлежала не только къ числу любимыхъ удовольствій, но вызываемая настоятельною необходимостью — необычайнымъ обиліемъ звѣрей въ дремучихъ лѣсахъ и въ степяхъ при-днѣпровскихъ— она являлась отчасти и подвигомъ. Охотились князья съ собаками, соколами и ястребами; окидывали часть лѣса тенетами и загоняли въ нихъ звѣрей загономъ; ѣзжали на охоту и въ лодьяхъ по Днѣпру. Судя по разсказу Мономаха, охота сопряжена была съ немалыми опасностями и нерѣдко принимала видъ ожесточенной борьбы человѣка съ дикими звѣрями,—борьбы, при которой требовалось много мужества и увѣренности въ своихъ силахъ. «Два тура метали меня на рогахъ и съ конемъ», разсказываетъ Мономахъ:—«одинъ олень меня бодалъ, и два лося — одинъ ногами топталъ, а другой рогами бодалъ; вепрь у меня мечъ съ бедра сорвалъ, медвѣдь укусилъ у меня подкладъ подъ колѣномъ, лютый звѣрь (волкъ?) вскочилъ ко мнѣ на бедры и коня со мною повергъ». Въ виду подобныхъ эпизодовъ охоты, мы не удивляемся, когда въ числѣ другихъ похвалъ умершему князю читаемъ, въ лѣтописи, что *«онъ былъ храбръ на ловахъ»*.

Но ни пиры, ни дѣла, ни охоты не заставляли князей забывать объ ихъ обязанностяхъ по отношенію къ церкви. Мономахъ говоритъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ: «съ любовью принимайте благословеніе отъ епископовъ, поповъ и игумновъ, любите ихъ и по силѣ снабжайте: пусть молятся о васъ Богу». И мы видимъ, что многіе князья посѣщаютъ богослуженія ежедневно, охотно строютъ монастыри и церкви и значительную долю своего состоянія употребляютъ на поддержаніе храмовъ и обителей, выстроенныхъ отцами и дѣдами ихъ (такъ называемыхъ *отчихъ* или *вотчихъ* монастырей). О нѣкоторыхъ князьяхъ имѣемъ свѣдѣнія, что они не пропускали ни одной службы церковной и любили бесѣды съ духовными лицами. Многіе князья искали спасенія и избавленія отъ мірскихъ соблазновъ въ стѣнахъ монастырей; многіе принимали схиму, чувствуя приближеніе смерти. Жены, конечно, были еще гораздо болѣе мужей усердны, болѣе преданы церкви: вдовы князей постригались вскорѣ по смерти мужей своихъ и завѣщали хоронить себя рядомъ съ мужьями.

Погребали князей очень немного времени спустя послѣ кончины, обыкновенно на другой день; хоронили ихъ при церквахъ и внутри церквей; надъ могилами ихъ ставили голубцы или воздвигали боженки (часовенки). Если князь умиралъ гдѣ нибудь далеко, тѣло его все же привозилось въ стольный Кіевъ, и всегда хоронилось вблизи или рядомъ съ могилами его родныхъ (отца, брата, сестры). Тотчасъ по смерти князя, всѣ родные, близкіе и домашніе люди надѣвали *скорбное* (черное) платье; за гробомъ князя несли стягъ княжескій и вели его коня. У гроба ставили копье. По поводу кончины князя раздавалась

щедрая милостыня нищимъ и убогимъ и дѣлались вклады въ церковь на поминовеніе души усопшаго. Иногда раздача милостыни, по волѣ князя, начиналась еще при жизни. Надъ гробомъ князя, кромѣ обычныхъ пѣсенъ, произносились еще и *причитанія*, отрывки которыхъ сохранены намъ лѣтописью. Такъ, напр., при описаніи похоронъ Изяслава, подъ 1078 годомъ, лѣтописецъ подробно описываетъ намъ, какъ весь городъ Кіевъ вышелъ на встрѣчу тѣла Изяславова къ Городцу. Тѣло положили на сани и сначала повезли, а потомъ понесли на рукахъ къ городу, и «нельзя было слышать пѣнья въ великомъ плачѣ и воплѣ: плакалъ по князѣ весь городъ Кіевъ. Ярополкъ же шелъ за

Рис. 8. Погребеніе князя (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ).

нимъ и оплакивалъ его вмѣстѣ съ дружиною (говоря): «отче, отче мой! много ли безъ печали пожилъ ты на семъ свѣтѣ, и сколько напасти принялъ ты отъ людей и отъ братьи своей? И вотъ теперь не отъ брата погибъ ты, но за брата своего положилъ главу свою!»

Въ памятникахъ находимъ упоминанія о томъ, что въ церквахъ сохранились одежды умершихъ князей, вѣроятно на память о нихъ положенныя вкладомъ въ церковную казну. Одежды эти представляли собою нѣкоторую довольно значительную цѣнность, потому что онѣ упоминаются въ числѣ церковныхъ сокровищъ — окладовъ, иконъ, крес-

товъ и сосудовъ: онѣ нигдѣ не уцѣлѣли до нашего времени. Однакоже объ одеждѣ князей кіевскихъ мы можемъ составить себѣ довольно вѣрное понятіе на основаніи уцѣлѣвшихъ древнихъ изображеній и рукописныхъ миніатюръ.

Важнѣйшимъ указаніемъ въ этомъ отношеніи должно конечно служить изображеніе семейства князя Святослава Ярославича, находящееся въ знаменитомъ «Изборникѣ» 1073 г., написанномъ для этого князя. На одномъ изъ листовъ этого «Изборника» изображенъ князь Святославъ съ супругою и пятью сыновьями. Надъ изображеніемъ, составляющимъ величайшую драгоцѣнность, въ смыслѣ произведенія искусства XI вѣка, надписаны золотомъ имена изображенныхъ лицъ въ томъ порядкѣ (т. е. отъ лѣвой руки къ правой) въ какомъ они поставлены были художникомъ — *Глѣбъ*, *Ольгъ*, *Дѣд* (*Давыдъ*), *Романъ*, *Ярославъ*, *княгыни*, *Стославъ* (*Святославъ*). Повыше, надъ этими именами, другая надпись: «желанія сердца моего, Господи, не презри, но прими насъ всѣхъ и помилуй насъ». Фигуры на рисункѣ поставлены такъ, что четыре сына (Глѣбъ, Олегъ, Давидъ, Романъ) стоятъ врядъ сзади, а княгиня, князь и маленькій сынъ ихъ Ярославъ занимаютъ передній планъ картины; маленькій Ярославъ поставленъ передъ матерью и, по неясности изображенія, почти сливается съ ея фигурою, а изображеніе княгини, въ свою очередь, въ такой степени закрываетъ собою фигуру князя Давида, что видна только одна оконечность его шапки, которая, съ перваго взгляда, кажется принадлежностью головнаго убора княгини. Князь Святославъ стоитъ нѣсколько правѣе отъ всей группы, отдѣльно ([21]).

Одежда князя Святослава такая: на головѣ шапка съ мѣховымъ опольнемъ, съ наушниками, съ широкимъ (плоскимъ?) круглымъ верхомъ; на плечахъ надѣтъ плащъ синяго цвѣта съ золотою оторочкою и съ красным подбоемъ; онъ застегнутъ у праваго плеча красною пряжкою и прикрываетъ правую руку почти до локтя, а черезъ лѣвую перекинутъ такъ, что прикрываетъ большую часть переда; изъ-подъ плаща видна исподь зеленаго цвѣта съ красною каймою по подолу и съ [illegible] нарукавниками; изъ-подъ исподи видны зеленые сапоги. Борода подстрижена; усы большіе. На князьяхъ Ярославѣ и Глѣбѣ шапка такая же, но съ верхомъ синяго цвѣта, значительно выше, чѣмъ у Святослава, плаща на плечахъ нѣтъ; мѣсто исподи замѣняетъ что-то на рукахъ [illegible], какъ будто коричневаго цвѣта съ золотымъ отложнымъ [illegible], которого кругловатые концы сходятся немного ниже шеи, [illegible] до пояса и съ тремя петлями, переложенными [illegible] на груди; поясъ золотой; двойные концы его [illegible] въ длину кисти руки; на ногахъ красные [illegible], судя по верхнимъ частямъ, которыя

Рис. 8 Князь Святославъ и его семейство (по рисунку Святославова изборника 1073 г.).

нарисованъ плащъ на князѣ Борисѣ, стоящемъ передъ Владиміромъ въ минуту отправленія своего въ походъ на Половцевъ.

Относительно верхней одежды, плаща или *корзна*—мы должны замѣтить, что она составляла какъ бы признакъ извѣстнаго достоинства, можетъ быть даже принадлежность только извѣстнаго, одного сословія. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что князья раздавали дружинѣ *корзна* въ видѣ награды. Съ другой стороны, мы видимъ, что на миніатюрахъ «Сказанія о Борисѣ и Глѣбѣ» всѣ бояре изображены въ *плащахъ*, а *не бояре* безъ плащей. Отсюда, вѣроятно, и получалось понятіе о корзнѣ, какъ о необходимой принадлежности полнаго княжескаго убора. Быть *безъ корзна* значило быть не въ полномъ убранствѣ—по-*домашнему* ([23]). Дѣти при отцѣ, какъ младшіе, могли быть безъ плаща ([24]).

На головѣ князья носили *клобукъ*, т. е. шапку, то съ плоскимъ, округлымъ верхомъ, какъ у Святослава на рисункѣ «Изборника», то съ высокимъ, какъ у дѣтей его. Верхъ клобука дѣлался изъ цвѣтной ткани, а края его, прилегавшіе къ головѣ, опушались мѣхомъ. Иногда прибавлялись къ клобуку и мѣховые наушники. Клобука не снимали князья и въ церкви: въ клобукахъ ихъ и во гробъ полагали.

Въ дополненіе сказаннаго уже нами о княжеской одеждѣ, замѣтимъ, что бороду и усы было въ обычаѣ не брить. Вотъ почему на рисункахъ только молодые князья изображены безъ бороды, а старые даже и съ очень длинными бородами. Нѣкоторые князья, однакоже, подстригали бороду и носили ее короче усовъ. Такъ изображенъ на рисункѣ «Изборника» князь Святославъ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

ДРУЖИНА.

Значеніе дружины, какъ особаго сословія. Раздѣленіе дружины на два главныхъ разряда: старшую и младшую. Отношенія дружины къ князю кіевскому.- Матерьяльное положеніе дружины. - Военное ремесло.—Полкъ и дружина.—Вооруженіе.—Способъ веденія войны и боевой порядокъ.—Участіе князей и дружины въ битвѣ.—Военная добыча и дѣлежъ ея.—Борьба съ кочевниками.

Ближайшимъ къ князю сословіемъ, главною опорою его власти, являлась *дружина*. Дружина всюду за княземъ слѣдовала, постоянно при немъ находилась, думала съ нимъ думу крѣпкую, раздѣляла труды управленія, пока онъ сидѣлъ дома, и опасности воинскія, когда онъ выступалъ въ походъ. Дѣля съ княземъ труды и опасности, дружина дѣлила съ нимъ и досугъ, посвященный шумнымъ пирамъ и охотамъ.

Опираясь на князя, находясь съ нимъ въ самыхъ близкихъ отношеніяхъ, дружина сознавала себя вполнѣ свободною и, неся усердно службу при князѣ, не подчинялась однакоже ему какъ владыкѣ, а скорѣе—какъ главному представителю своихъ интересовъ.

Кіевская дружина въ XI—XII вв. является раздѣленною на два отдѣла: на *старѣйшую*, *первую*, *лучшую* (*лѣпшую*) или *бояръ* и *мужей*; и на *младшую* (молодшую, меньшую) или *отроковъ* и *дѣтскихъ*.

Младшая часть дружины, *отроки*, повидимому, дѣлилась также на нѣсколько разрядовъ; по крайней мѣрѣ о *дѣтскихъ* мы достовѣрно знаемъ, что они подраздѣлялись на *старшихъ* и *меньшихъ*. Сверхъ того, среди младшей дружины упоминаются (съ совершенно неопредѣленнымъ значеніемъ) *гридьба* или *гридь* и *пасынки* ([25]). Есть основаніе думать, что къ той же младшей дружинѣ принадлежали и *мечники*, которые

какъ видно изъ «Русской Правды» несли на себѣ довольно опредѣленныя юридическія обязанности ([26]).

Около бояръ и мужей, въ тѣсномъ общеніи съ ними, видимъ особую свиту или *чадь*, нѣчто въ родѣ дворни.

Боярамъ и мужамъ поручались главныя должности военныя и гражданскія: посадника, тысячскаго, воеводы. Должность тысячскаго, какъ можно предполагать преимущественно принадлежала лицамъ извѣстныхъ родовъ ([27]).

Съ дружиною старѣйшею, съ мужами и боярами, князь постоянно совѣщается, придавая особое значеніе мнѣнію, которое высказываютъ эти старые, опытные думцы, эти «мужи отецъ нашихъ» (какъ ихъ называетъ Мономахъ), весь свой вѣкъ проводившіе на службѣ князя, пока могли «усидѣть на конѣ». Даже и затаенные помыслы князя извѣстны были старѣйшей дружинѣ, такъ какъ ни одинъ изъ нихъ не могъ быть приведенъ въ исполненіе безъ помощи дружины. «Ты правъ предъ Богомъ и предъ человѣками», — говоритъ Мстиславу Изяславовичу его дружина (подъ 1170 г.), «и мы всѣ вѣдаемъ твою истинную любовь ко всей братіи; безъ насъ ты не можешь ни сдѣлать ей зла, ни даже замыслить». Лѣтопись тщательно отмѣчаетъ всѣ тѣ случаи, когда князь поступалъ, не посовѣтовавшись съ дружиною, или же отдавалъ предпочтеніе младшей дружинѣ предъ старѣйшею. По отношенію къ Кіеву нельзя не отмѣтить одного важнаго факта: въ Кіевѣ старѣйшею была мѣстная дружина, всякая пришлая въ Кіевъ дружина являлась *младшей* дружиной.

Князю кіевскому Святополку (подъ 1093 г.) лѣтописецъ ставитъ въ большой укоръ то, что онъ рѣшился посадить половецкихъ пословъ въ порубъ и началъ войну съ Половцами, не посовѣтовавшись «съ бо́льшею дружиною отца и стрыя своего» (т. е. мѣстною кіевскою), а только съ тою, «которая вмѣстѣ съ нимъ пришла въ Кіевъ», и которая, слѣдовательно, составляла *меньшую* (молодшую) дружину.

Очевидно ту же мѣстную, старѣйшую дружину старался закупить, переманить на свою сторону Святополкъ Окаянный, когда, вокняжившись въ Кіевѣ (въ 1015 г.), сталъ раздаривать однимъ изъ мужей *корзна*, другимъ *куны*.

Понятно, что при такомъ положеніи старѣйшей дружины и при томъ вліяніи, которое она могла оказывать на князя, въ мужахъ и боярахъ княжескихъ нерѣдко должны были заискивать сами князья; и мы дѣйствисельно видимъ, что менѣе сильные и значительные между ними нерѣдко заискиваютъ покровительства или союза князя кіевскаго, задаривая его мужей и бояръ и прося ихъ о ходатайствѣ за себя (1128 г.).

Мирныя, дружескія отношенія между князьями въ значительной степени зависѣли отъ того, въ какихъ отношеніяхъ находились ста-

рѣйшіе представители ихъ старѣйшей дружины, которые даже и на съѣздахъ княжескихъ принимали участіе въ совѣщаніяхъ князей и могли, наравнѣ съ ними, высказывать свое мнѣніе. Отсюда понятно, почему было въ обычаѣ между князьями, чтобы, при заключеніи договоровъ и скрѣпленіи этихъ договоровъ крестнымъ цѣлованіемъ—дружина также цѣловала крестъ въ томъ, «что они будутъ обоюдно князьямъ своимъ добра хотѣть, и честь ихъ стеречь, и князей своихъ между собою не ссорить» (1150).

Высокое положеніе старшей дружины по отношенію къ князю выражалось въ томъ, что и въ его домашнемъ, семейномъ быту бояре

Рис. 10. Князь и дружина. (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ.

и мужи пользовались великимъ почетомъ. Изъ нихъ избирались *дядьки* или *кормильцы* для руководствованія молодыми князьями, при которыхъ они находились безотлучно до зрѣлаго возраста, а при свадьбахъ княжескихъ бояре и жены боярскія имѣли важное значеніе въ качествѣ сватовъ и поѣзжанъ молодого князя и молодой княгини. Старѣйшая дружина присутствуетъ и при кончинѣ князя, а при похоронахъ его тѣ же мужи и бояре ведутъ за гробомъ коня княжескаго и несутъ его стягъ. Послѣ смерти князя на дружинѣ старѣйшей лежала обязанность озаботиться о княгинѣ, о малолѣтнихъ дѣтяхъ князя и его имуществѣ (1171)

Членамъ старѣйшей дружины принадлежали и двѣ единственныя извѣстныя намъ, повидимому, весьма почетныя должности при дворѣ князя кіевскаго: *покладника* ([28]) и *меченоши* ([29]).

Почетное положеніе старшей дружины сопряжено было и съ весьма хорошимъ положеніемъ матеріальнымъ. Бояре и мужи являются владѣльцами богатыхъ селъ, обширныхъ земель и многочистенныхъ стадъ. У нихъ не только въ Кіевѣ, но и подъ Кіевомъ, точно также, какъ и у князей, свои дворы (усадьбы), на которыхъ есть что пограбить. Они даже не правятъ сами своими имѣніями и угодьями: у нихъ для этого есть свои тіуны ([30]). И самъ князь, постоянно нуждаясь въ поддержкѣ со стороны дружины, заботится о томъ, чтобы ей жилось хорошо и богато. Изяславъ Мстиславичъ не даромъ говоритъ дружинѣ своей: «вы изъ-за меня лишились своихъ селъ и своихъ *жизней*» (т. е. движимаго имущества и преимущественно стадъ),... «и я либо голову свою сложу, либо верну свою отчину и *всю вашу жизнь*» ([31]). Не даромъ и дружина въ похвалу и въ особенное достоинство любимымъ князьямъ своимъ ставитъ именно то, что «они имѣнія своего не щадили, не сбирали ни злата, ни сребра, а все отдавали дружинѣ своей».

Изъ этихъ извѣстій мы можемъ вывести то заключеніе, что дружина дѣйствительно получала имѣніе отъ щедротъ князя, который ничего для нея не жалѣлъ и любилъ дѣлиться съ нею своимъ избыткомъ; но щедроты княжескія, конечно, составляли не все достояніе дружины. Дружина, вѣроятно, была богата сама по себѣ и, сверхъ того, имѣла право на опредѣленную часть въ доходахъ княжескихъ. Эта сторона отношеній князя къ дружинѣ, какъ надобно предполагать, и составляла главную суть того *ряда* (уговора, условія), который, при вступленіи на кіевскій столъ, заключилъ съ дружиною князь Мстиславъ (въ 1169). Если бы не существовало такого ряда, опредѣляющаго матерьяльное положеніе старшей дружины, если бы, кромѣ того, члены дружины и сами по себѣ не владѣли значительными богатствами, то едва-ли бояре и мужи могли бы занимать при князѣ то положеніе, въ какомъ мы ихъ видимъ при князѣ кіевскомъ въ періодъ XI—XII вв. ([32]).

Важнымъ свидѣтельствомъ въ пользу значительныхъ богатствъ, которыми обладали старшіе члены дружины, служатъ, съ одной стороны, большія пожертвованія, наравнѣ съ князьями приносимыя дружиною церквамъ и монастырямъ, и за которыя духовенство отплачиваетъ имъ равнымъ съ князьями почетомъ, давая мѣсто ихъ праху и праху ихъ женъ внутри церквей, рядомъ съ гробами князей и княгинь; съ другой стороны немаловажнымъ свидѣтельствомъ въ пользу весьма завиднаго матерьяльнаго положенія, какимъ пользовались бояре и мужи, служитъ то, что когда они попадались въ плѣнъ, то побѣдитель отпускалъ ихъ, взявъ съ нихъ *выкупъ* (1146).

Гораздо менѣе свѣдѣній имѣемъ мы о дружинѣ младшей — *отрокахъ*, *дѣтскихъ* и *пасынкахъ*. Не подлежитъ сомнѣнію только то, что ихъ положеніе не имѣло ничего общаго съ положеніемъ старшихъ дружинниковъ, какъ со стороны матерьяльной, такъ и со стороны ихъ отношенія къ князю, которое являлось преимущественно подчиненнымъ и во всякомъ случаю совершенно второстепеннымъ. Члены младшей дружины, отроки и дѣтскіе, никогда не принимаютъ участія въ думѣ княжеской и только въ военномъ совѣтѣ имѣютъ они право голоса; но не слѣдуетъ забывать, что въ военный совѣтъ допускались даже и Черные Клобуки, и Берендеи. Князь, который, оттолкнувъ отъ себя старшую дружину, окружалъ себя одними дѣтскими, возбуждалъ недовѣріе къ себѣ даже и между *погаными* ([33]).

Въ противуположность старшей дружинѣ, младшая постоянно несетъ на себѣ только весьма незначительныя и мало почетныя должности. Члены младшей дружины посылаются князьями въ посольства, съ порученіями и грамотами; отроки, дѣтскіе и мечники сопровождаютъ князя въ мирное время во всѣхъ путяхъ его по волости, въ качествѣ постоянной свиты, а въ битвѣ составляютъ охранную стражу князя. Главное значеніе младшей дружины, кажется, было исключительно военное, вслѣдствіе чего мы и видимъ, что, по окончаніи войны, наибольшая часть ея распускается на житье и кормленье по городамъ и селамъ княжескимъ, и только незначительная часть младшей дружины остается въ стольномъ городѣ, при особѣ самого князя. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что младшая дружина жила насчетъ князя и кормилась его доходами съ волостей; есть основаніе думать, что члены младшей дружины даже участвовали въ собираніи нѣкоторыхъ доходовъ.

При частыхъ междоусобіяхъ, при постоянной опасности, угрожавшей Кіеву со стороны степи, военное ремесло являлось однимъ изъ существенно-необходимыхъ, и служба военная требовала лучшихъ силъ, какъ для защиты частныхъ интересовъ княжескихъ, такъ и для охраненія общей безопасности. Чѣмъ многочисленнѣе была у князя дружина, чѣмъ искуснѣе она была въ дѣлѣ ратномъ, чѣмъ болѣе привязана къ своему князю, тѣмъ сильнѣе былъ князь, тѣмъ прочнѣе его могущество.

Слѣдуетъ, однако же, отличать дружину отъ *воевъ* или простыхъ воиновъ, которые, принимая участіе въ войнахъ княжескихъ, въ сущности, не принадлежали къ военному сословію. Существенное отличіе дружины отъ воевъ заключалось, прежде всего, въ томъ, что дружина постоянно носила оружіе, а воямъ оно раздавалось изъ казны княжеской передъ началомъ похода и, вѣроятно, вновь отбиралось отъ нихъ по окончаніи войны. Другимъ отличіемъ дружины отъ *воевъ* было то, что дружина княжеская являлась на войнѣ постоянно на коняхъ, между тѣмъ какъ во [illegible]льшею частію пѣшіе, и каждый изъ

нихъ могъ идти на войну или пѣшимъ, или коннымъ, смотря по тому, была ли у него лошадь, или нѣтъ. Всѣ вои, собранные съ опредѣленной волости, составляли *полкъ* князя, владѣвшаго тою волостью.

Князь кіевскій заявлялъ о началѣ войны на вѣчѣ, и горожане могли совершенно свободно—идти или не идти съ нимъ воевать. Если не выказывалось общей рѣшимости воевать, князь вызывалъ охотниковъ и собиралъ ихъ, приказывая трубить въ трубы. Затѣмъ посылалъ онъ нарочныхъ къ братіи и къ ротникамъ (*) своимъ, и къ союзникамъ, призывая ихъ въ походъ съ собою. Особенностью Кіева является въ военномъ отношеніи и то, что рати кіевскія отправлялись иногда въ походъ двумя путями: дружина конная и часть пѣшихъ воиновъ шли берегомъ, а другая часть пѣшаго войска поднималась или спускалась по рѣкѣ въ насадахъ (*).

Князь являлся главнымъ начальникомъ своей дружины и своего полка. Въ томъ случаѣ, если онъ не могъ лично принять начальство надъ войскомъ, онъ поручалъ его особому воеводѣ, который, чаще всего, избирался изъ *тысяцкихъ*. Дружина распредѣлялась по ровну между отдѣльными полками, составлявшими рать. Но князь долженъ былъ самъ за всѣмъ слѣдить и всюду поспѣвать, потому что, по многократнымъ замѣчаніямъ лѣтописца, «боярина не всѣ слушаются» да и дружина неохотно бьется безъ князя».

Вооруженіе воевъ оборонительное состояло изъ брони — кольчатой и чешуйчатой- шлема съ прилбицею и наносникомъ, и большого щита, который привязывался или прикрѣплялся къ доспѣхамъ. Въ «Словѣ о полку Игоревѣ» упоминаютъ *червленные* щиты русскихъ воиновъ.

Къ оружію наступательному относились мечи, сабли, ножи, копья, рогатины и сулицы (нѣчто въ родѣ дротиковъ), луки, стрѣлы, топоры и оскѣпы.

По установившемуся обычаю, а можетъ быть и просто ради легкости и быстроты въ передвиженіи воевъ, они въ походѣ не носили при себѣ оружія: оно возилось за войскомъ на возахъ, и даже, при стояніи войска на мѣстѣ, въ виду непріятеля—отлагалось на ночь.

Мономахъ совѣтуетъ сыновьямъ своимъ на войнѣ не снимать съ съ себя оружія, напоминая имъ, что изъ этого «послабленія своей лѣности, человѣку не трудно бываетъ погибнуть во время внезапнаго ночнаго нападенія». Въ тѣхъ же видахъ безопасности Мономахъ напоминаетъ дѣтямъ и о томъ, что они *сторожа* (т. е. часовыхъ) около стана воинскаго должны разставлять сами, ни на кого не полагаясь. Не слѣдуетъ *сторожа* въ этомъ смыслѣ смѣшивать съ тѣми *сторожами* или передовыми отрядами, которые обыкновенно шли впереди войска и *ловили языки*, т. е. старались собрать свѣдѣнія о положеніи непріятеля, захватывая въ плѣнъ людей. Съ войскомъ шелъ

изъѣздомъ, т. е. нечаянное, внезапное; захожденіе въ *тылъ* или во флангъ для *пересѣченія* дороги. Съ этою цѣлью и во время самаго сраженія и передъ сраженіемъ дѣлались различныя передвиженія полковъ. Но всему этому предпочиталась болѣе легкая и болѣе свойственная русской удали рукопашная битва въ открытомъ полѣ.

Участь всякой битвы въ значительной степени зависѣла отъ личнаго мужества князя, многочисленности и преданности его дружины и единодушія дѣйствія; рѣдко удача выпадала на долю того войска, во главѣ котораго являлось нѣсколько князей, и слѣдовательно нѣсколько дружинъ, хотя бы то войско и было многочисленно. И нельзя не отдать справедливости князьямъ: большая часть ихъ отличалась замѣчательнымъ мужествомъ, и, въ молодости, съ увлеченіемъ предавалась подвигамъ воинскимъ. Нѣкоторые князья пользовались даже особою славою удальства и храбрости, не щадили себя въ битвахъ и, устремляясь въ самую середину сѣчи, подвергали себя страшнымъ опасностямъ. Такъ, напримѣръ, въ битвѣ при Лучскѣ (1149 г.), Андрей Юрьевичъ, увлеченный преслѣдованіемъ бѣжавшаго къ городу непріятеля, подъѣхалъ подъ самыя стѣны Лучска и былъ отовсюду окруженъ врагами; конь подъ нимъ подхваченъ былъ на копья, камни сыпались на него какъ дождь съ городской стѣны, а одинъ Нѣмчичъ, узнавъ его, хотѣлъ уже проколоть его рогатиной... Но князь отбивался мечемъ, пока на выручку его не подоспѣли двое меньшихъ дѣтскихъ изъ его дружины. Опасность была велика на столько, что самъ князь уже не надѣялся остаться въ живыхъ и подумалъ: «видно и меня постигнетъ такая же смерть, какая постигла Ярослава Изяславича». Но лѣтописецъ замѣчаетъ при этомъ, что, обнажая мечъ, князь призвалъ къ себѣ на помощь св. Ѳеодора, такъ какъ въ тотъ день была память св. Ѳеодору, и по вѣрѣ его былъ онъ избавленъ Богомъ и св. Ѳеодоромъ, между тѣмъ какъ одинъ изъ дѣтскихъ его былъ убитъ». Къ описанію этого подвига князя Андрея лѣтописецъ добавляетъ ту любопытную черту, что когда конь Андреевъ, жестоко израненный, вынесъ князя изъ битвы, и потомъ палъ, то господинъ, «жалуя его за *комоньство*», велѣлъ погрести его надъ р. Стыремъ.

Еще болѣе живую и любопытную картину удальства княжескаго въ началѣ боя видимъ мы въ битвѣ на Рутѣ (1151). Въ то время, какъ полки кіевскіе еще только сходились съ полками суздальскими, Андрей Юрьевичъ взялъ копье и, устремившись впереди всѣхъ на ряды непріятельскіе, изломалъ копье о вражій строй. Кіевляне приняли его также въ копья; коня его ранили въ ноздри и онъ началъ метаться во всѣ стороны, такъ что съ князя Андрея и шеломъ упалъ, и щитъ съ него сорвали. Съ другой стороны, точно также и князь Изяславъ Мстиславичъ въѣхалъ въ полки суздальскіе, также изломалъ копье

свое и сталъ первый рубиться съ врагами: тутъ получилъ онъ рану мечемъ въ руку и копьемъ въ стегно и былъ сброшенъ съ коня врагами. Только уже тогда, когда поле битвы осталось за кіевлянами, тяжело раненнаго князя, истекавшаго кровью, отыскали его же воины на полѣ битвы, и видя, что онъ приподнимается, хотѣли его прикончить. «Я—князь!» закричалъ имъ Изяславъ. «Тебя-то намъ и надобно», закричалъ въ отвѣтъ ему одинъ изъ кіевскихъ пѣшцевъ и, выхвативъ мечъ, сталъ рубить его по шелому (а на томъ шеломѣ золотомъ былъ написанъ св. мучникъ Пантелеймонъ), такъ что разсѣкъ ему шеломъ до самаго лба. Но Изяславъ успѣлъ снять съ себя шлемъ и сказать: «Я Изяславъ, князь вашъ!» И тогда многіе, услышавъ это, возрадовались, подняли его на руки, какъ царя и князя своего, и всѣ полки возгласили *киріелейсонъ* ([34]), радуясь побѣдѣ и тому, что видятъ князя своего въ живыхъ» (1151).

Нельзя не отмѣтить и того факта, что нѣкоторые изъ князей кіевскихъ отличались замѣчательными воинскими способностями, умѣньемъ пользоваться своимъ положеніемъ, употреблять во время разныя военныя хитрости, устраивать засады, нападать на непріятеля врасплохъ и примѣняться къ различнымъ условіямъ, въ которыхъ имъ приходилось воевать. Такъ, напримѣръ, защищая въ 1151 г. переправу черезъ Днѣпръ противъ Юрія и суздальцевъ, Изяславъ Мстиславичъ, по выраженію лѣтописца, «дивно исхитрилъ лодьи: гребцовъ въ нихъ было не видно, и наружу выступали только одни весла, такъ какъ лодьи были прикрыты досками, а на верху ихъ стояли воины въ броняхъ и стрѣляли; а *кормниковъ* (рулевыхъ) было на каждой ладьѣ по два—одинъ на носу, а другай на кормѣ—такъ что лодьи могли двигаться куда угодно, не поворачиваясь».

Внося раззореніе въ волость, уничтожая запасы и достатокъ мирнаго сельскаго населенія, война однако же немало служила къ обогащенію князя и дружины и всего войска побѣдителей. Прежде всего, въ руки побѣдителей доставались кони, доспѣхи и оружіе побѣжденныхъ, которые и считались вмѣстѣ съ обозомъ непріятельскимъ главною военною добычею. Затѣмъ, вступивъ въ непріятельскую волость, князь прежде всего захватывалъ все, что могло принадлежать воюющему съ нимъ князю: его села, его стада, его запасы, его челядь. То, чего нельзя было увезти съ собою и подѣлить тотчасъ же,—сжигалось и уничтожалось на мѣстѣ. При этомъ не оказывалось пощады и церковному имуществу, которое также поступало въ общій составъ военной добычи и подлежало дѣлежу. Такъ мы видимъ, что, ограбивъ богатый дворъ Святослава Ольговича въ Путивлѣ, Изяславъ Мстиславичъ не щадитъ ничего княжаго: воины его «обдираютъ и церковь св. Вознесенія (бывшую на Святославовомъ дворѣ), захватываютъ изъ

нея серебряные церковные сосуды, и *индитьи* (*), и платы служебные, шитые золотомъ, и кадильницы двѣ, и *кацеи* (**), и евангеліе кованное (т. е. окованное серебромъ и золотомъ), и книги, и колокола»—и все это раздѣляютъ между собою побѣдители. При этомъ чрезвычайно любопытнымъ оказывается то условіе, на основаніи котораго производится самый дѣлежъ военной добычи. Изяславъ Мстиславичъ дѣлитъ ее такъ: волости Ольговичей онъ передаетъ Давыдовичамъ, и при этомъ выговариваетъ: *что окажется въ той волости принадлежащимъ Игорю—челядь-ли, товаръ-ли (въ смыслѣ движимости вообще), то слѣдуетъ получить ему, Изяславу; а что въ той волости окажется принадлежащимъ Святославу, челядь или товары, то раздѣлимъ на части»*. И мы дѣйствительно видимъ, что Святославово имущество дѣлится по-ровну между князьями: въ походѣ противъ Ольговичей ихъ участвовало четверо—два Давыдовича и Изяславъ съ сыномъ—и все Святославово имущество раздѣляется на четыре доли. Изъ этого можно вывести то заключеніе, что великій князь кіевскій могъ имѣть нѣкоторыя преимущеста при дѣлежѣ военной добычи, если только тутъ не преобладало право сильнаго.

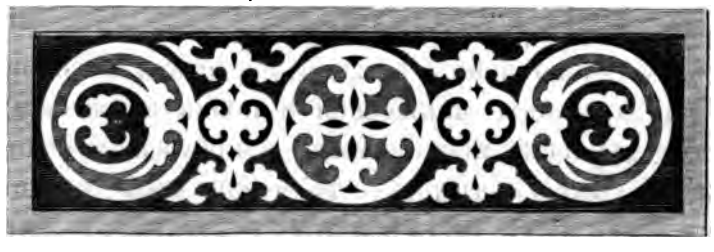
Несомнѣнно, что въ той долѣ, которая доставалась каждому князю въ военной добычѣ, дружинѣ его принадлежала весьма видная часть. Есть указанія на то, что въ дѣлежѣ добычи участвовали даже и простые воины. Такъ мы видимъ, что Давыдовичи, расхищая богатства Игоря Ольговича въ его сельцѣ, приказали грузить найденную ими движимость и *на свои возы*, и *на возы, принадлежавшіе ихъ воинамъ*—и все таки не успѣли всего вывезти. Въ 1152 г., городъ Перемышль только потому и не захваченъ былъ кіевлянами, что подъ самымъ городомъ на лугу, надъ р. Саномъ, былъ дворъ князя Галицкаго, *а въ немъ много было всякаго товара, и на этотъ дворъ набросились всѣ воины»*. На участіе воиновъ въ дѣлежѣ добычи указываетъ и самое выраженіе: *взять городъ на щитъ* ([35]).

Кромѣ «товара», оружія и коней — важную долю добычи составляли и плѣнники, которымъ предстояло поступить въ число челяди побѣдителей. Когда побѣдители брали городъ приступомъ, то всѣ жители города считались военно-плѣнными и съ ними поступали, какъ съ военной добычей, раздѣляя ихъ по-ровну между собою. Отъ этой горькой участи, впрочемъ, можно было откупиться, заплативъ непріятелю извѣстнаго рода окупъ. Такъ мы видимъ, что въ 1150 году *Мьчане* (жители города Мичьска) и многіе другіе города откупаются отъ галицкаго полона тѣмъ, что даютъ серебро Володимеру Галицкому, сливая въ одинъ общій слитокъ свои *серебряныя гривны и серьги*.

(*) *Индитьи, индитьѣ (отъ греч. эндютіонъ)*— покровъ на престолъ.
(**) *Кацеи*— кадильницы съ ручками.

кіевскіе и дружина ихъ, неся тяжкую сторожевую службу на границѣ степи и то направляя въ глубь ея смѣлые свои наѣзды, то отбивая набѣги поганыхъ, отнимая захваченный ими полонъ и награбленное имущество. По этому поводу сложился даже въ кіевской Руси цѣлый рядъ былинъ, воспѣвавшихъ подвиги дружинниковъ; пѣсни эти, несмотря на самыя разнообразныя наслоенія, измѣненія и всякаго рода искаженія, сохранились и до нашего времени. Главными героями этихъ кіевскихъ былинъ являются богатыри-витязи, окружающіе Владиміра-Красное Солнышко, въ которомъ олицетворяется типъ древне-русскаго князя. Витязи эти въ былинахъ представляются либо шумно пирующими въ княжихъ палатахъ, либо несущими тягостную сторожевую службу противъ иноплеменныхъ.

Дружина въ былинахъ не представляется намъ важнымъ элементомъ общественной жизни, какимъ она была въ Кіевской Руси. Значеніе дружины, какъ совѣтниковъ и думцевъ княжескихъ, исчезло изъ памяти народной; значеніе ихъ, какъ воиновъ и борцевъ за Русь православную противъ всякихъ степныхъ ордъ и посельниковъ еще болѣе усилилось въ народномъ сознаніи послѣдующей, тяжкой эпохой татарщины.



ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

МОНАШЕСТВО И МОНАСТЫРИ.

Первые монастыри кіевскіе.—Монастыри княжескіе. Пещера Антоніева.—Возрастаніе братіи.—Ѳеодосій и его труды.—Введеніе Студійскаго устава.—Распредѣленіе занятій между братіею.—Построеніе великой печерской церкви и легенда о построеніи ея.—Отношеніе Печерянъ къ печерской обители.—Общій духъ, оживлявшій всѣхъ печерскихъ подвижниковъ.—Выдержки изъ Патерика Печерскаго.—Нынѣшнее состояніе обители.

Сохранилось преданіе, что древнѣйшимъ изъ монастырей кіевскихъ былъ монастырь Михайловскій, основанный будто бы первымъ нашимъ митрополитомъ изъ грековъ, Михаиломъ.

Тоже преданіе упоминаетъ еще, что прибывшіе съ митрополитомъ иноки основали другой монастырь Спасскій, близъ Вышгорода. Другое преданіе указываетъ на то, что и при первопостроенныхъ церквахъ кіевскихъ—Десятинной и Софійской—строителями ихъ основаны были монастыри. Въ княженіе Ярослава Мудраго были несомнѣнно основаны два монастыря: мужской (св. Георгія) и женскій (св. Ирины), и это, по замѣчанію архіепископа Макарія, были первые *собственно княжескіе* монастыри, которые у насъ впослѣдствіи такъ умножились.

И дѣйствительно, князья, непрерывно другъ передъ другомъ усердствуя въ построеніи церквей и монастырей, настроили ихъ въ Кіевѣ и въ окрестностяхъ очень много, такъ что почти у каждаго изъ важнѣйшихъ княжескихъ родовъ былъ свой родовой монастырь или своя родовая церковь, на поддержаніе и украшеніе которыхъ князья такъ много и охотно жертвовали при жизни, а по смерти находили въ нихъ послѣднее пристанище, какъ въ родовыхъ своихъ усыпальницахъ.

Въ первой четверти XI вѣка монастырей въ Кіевѣ было уже нѣсколько, какъ мы можемъ видѣть изъ древняго житія Ѳеодосія, въ которомъ упоминается [illegible] ду прочимъ о томъ, что по прибытіи въ

Кіевъ Ѳеодосій пытался поступить въ одинъ изъ монастырей кіевскихъ, но ни въ одинъ изъ нихъ не былъ принятъ.

Но всѣ эти монастыри были еще очевидно чуждыми явленіями на почвѣ новопросвѣщенной Руси; нужны были иныя обители, иные иноки. И они явились вскорѣ, какъ живое свидѣтельство того, что христіанство пустило глубокіе корни на Русской почвѣ. Идеаломъ такого русскаго монастыря явился монастырь Кіево-Печерскій: его знаменитые основатели и та братія, которая собралась около нихъ— осуществили собою идеалъ русскаго монашества. Для того, чтобы ближе вникнуть въ сущность этихъ идеаловъ, необходимо, прежде всего, обозрѣть вкратцѣ исторію монастыря Печерскаго отъ самаго его основанія и до татарскаго погрома.

Рѣзкимъ отличіемъ монастыря Печерскаго отъ всѣхъ современныхъ монастырей русскихъ было уже то, что онъ не былъ монастыремъ *княжескимъ*, не создался ни отъ чьей прихоти, не обогатился ни отъ чьихъ избытковъ: — онъ явился самъ собою, поднялся изъ подъ земли, выросъ изъ тѣсныхъ пещеръ, въ которыхъ укрывалась первоначальная братья, и мало-по-малу, возрастая и украшаясь, достигъ такой высоты, такого значенія и вліянія на современную русскую жизнь, какихъ не достигалъ до конца XII в. ни одинъ изъ монастырей русскихъ, да и впослѣдствіи достигали немногіе. Несторъ очень тонко и справедливо отмѣтилъ эту отличительную черту исторіи Кіево-Печерскаго монастыря, сказавъ: «много есть монастырей, поставленныхъ и отъ царей, и отъ бояръ, и отъ богатства, но они не таковы, какъ поставленные слезами, пощеньемъ, молитвою, бдѣніемъ».

И дѣйствительно, ни въ чемъ не подобенъ былъ другимъ монастырямъ при своемъ основаніи монастырь Печерскій. Основателемъ его явился св. Антоній, міряниномъ, родомъ изъ Любеча. Возвратясь изъ странствованія по обителямъ горы Аѳонской и страстно любя уединеніе, Антоній удалился на одну изъ горъ около Кіева, и поселился въ «пещерѣ двусаженной». Пещеру эту, еще до Антоніева прихода, ископалъ себѣ среди дремучихъ лѣсовъ Иларіонъ, до избранія въ митрополиты бывшій священникомъ на Берестовѣ и любившій уединяться въ эту глушь для молитвы. Слухъ о благочестивомъ отшельникѣ вскорѣ разнесся не только въ Кіевѣ, но и далѣе, до предѣловъ Кіевской области, и къ Антонію стала мало по малу стекаться братія. Когда онъ собралъ 12 человѣкъ, они выкопали великую пещеру и устроили въ ней и церковь, и келіи. Все это было въ той части нынѣшней Лавры, которая извѣстна подъ названіемъ «Дальнихъ Пещеръ».

Положивъ основаніе обители, Антоній поспѣшилъ сложить съ себя обязанности настоятеля, передавъ управленіе братіею въ руки инока

Варлаама, а самъ ископалъ себѣ пещеру, близъ нынѣшняго Лаврскаго собора, и туда удалился въ уединеніе.

Между тѣмъ число братіи въ *великой* пещерѣ все продолжало возрастать; вскорѣ и *великая* пещера уже не могла вмѣстить ихъ въ себѣ, и они, по совѣту Антонія, выстроили себѣ надъ пещерою «*церквицу малую*» во имя святой Богородицы Успенія, хотя келіи все еще оставались въ пещерѣ. Спустя немного времени, когда число иноковъ все продолжало увеличиваться, они вмѣстѣ съ игумномъ положили на совѣтѣ построить *открыто* цѣлый монастырь и обратились за благословеніемъ къ преподобному Антонію. Антоній

Рис. 11. Перенесеніе мощей (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ)

далъ имъ свое благословеніе, а самъ послалъ сказать великому князю Изяславу: «Князь мой! Богъ умножаетъ братію, а мѣста у нея мало: отдай намъ всю гору, находящуюся надъ пещерами». Великій князь съ радостію согласился. И тогда братія съ игумномъ заложили великую церковь, обнесли монастырь тыномъ, поставили много келій, и потомъ окончили церковь и украсили ее иконами. «И отъ того времени собственно начался монастырь Печерскій»,—такъ замѣчаетъ современный историкъ обители, преподобный Несторъ: «Печерскимъ же прозвался отъ того, что прежде чернецы жили въ пещерѣ.» Это случилось, по свидѣтельству преподобнаго Нестора, въ 1062 г., когда игу-

меномъ Печерской обители былъ уже не Варлаамъ, а знаменитый Ѳеодосій.

Но расширеніе обители, вызванное необходимостью, еще не свидѣтельствовало о томъ, чтобы монастырь Антонія и Ѳеодосія пользовался благосостояніемъ. Напротивъ того, по свидѣтельству того же Нестора, подробно описавшаго полное житіе Ѳеодосія: «иноки выносили въ то время столько скорби и печали, что человѣческими устами даже и высказать невозможно. Пищею для братіи служили только хлѣбъ да вода. Въ субботу и воскресенье вкушали сочиво (*); но часто и въ эти дни сочива не обрѣталось, и они ѣли одно свареное зѣліе». Слѣдовательно бѣдность братіи была велика, и существованіе обители являлось далеко не обезпеченнымъ. Но на стражѣ обители стоялъ Ѳеодосій, неутомимый въ трудахъ и въ подвигахъ благочестія. Онъ всѣмъ подавалъ примѣръ трудолюбія, работая болѣе всѣхъ, и въ тоже время для всѣхъ служилъ образцомъ смиренія, успѣвая каждому оказать услугу во́-время, къ каждому приходя на помощь въ его трудѣ. Подъ его то руководствомъ иноки работали непрестанно и тяжелымъ трудомъ добывали себѣ пропитаніе: они плели изъ волны клобуки и занимались другими рукодѣліями; всѣ издѣлія рукъ своихъ носили они въ городъ, на торжище, и продавали, а на вырученныя деньги покупали жита, которое и раздѣляли между собою, чтобы каждый, во время ночнаго бдѣнія, могъ измолоть свою часть на ручныхъ жерновахъ и приготовить достаточное количество муки для печенія хлѣбовъ на всю братію. Едва окончены были эти ночные труды, братія шла къ утреннему богослуженію. Послѣ утрени—опять принимались за рукодѣліе, рылись въ огородѣ монастырскомъ и занимались разведеніемъ сада, пока не наступалъ часъ божественной литургіи. По окончаніи службы вкушали немного хлѣба и снова принимались за труды».

Строгое распредѣленіе труда между возрастающими членами маленькой общины, при тѣсной сплоченности и единствѣ усилій, при постоянномъ побужденіи со стороны разумнаго руководителя — должны были наконецъ привести къ тому, что жизнь въ Печерской обители стала принимать все болѣе и болѣе ровное, спокойное, опредѣленное теченіе, все становилась болѣе и болѣе привлекательною для братіи. Съ другой стороны, неутомимое трудолюбіе и суровое воздержаніе иноковъ, не совсѣмъ обычное въ болѣе обезпеченныхъ монастыряхъ *княжескихъ*,—наконецъ обратили на себя общее вниманіе современниковъ, и слава Печерской обители стала распространяться всюду, до крайнихъ предѣловъ земли русской. Князья и бояре шли въ обитель Ѳеодосія за благословеніемъ и напутствіемъ при началѣ своихъ походовъ

(*) *Сочиво*—каша или всякая другая растительная пища, политая постнымъ масломъ.

и дѣлъ, и въ ней же приносили Богу благодареніе за избавленіе отъ опасностей и за побѣды, одержанныя надъ врагомъ; простые люди — за совѣтомъ, за утѣшеніемъ въ горѣ, за исцѣленіемъ недуговъ тѣлесныхъ и душевныхъ.

Мало-по-малу, по мѣрѣ возрастанія славы Кіево-Печерской обители, стало возрастать и ея благосостояніе. Многіе «отъ князей и бояръ», духовныхъ дѣтей Ѳеодосія, приносили къ нему часть отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи, на устроеніе монастыря и церкви; а другіе жертвовали села на «церковную потребу». Возрастаніе внутренняго благосостоянія обители тотчасъ выразилось и во внѣшнемъ ея благолѣпіи. Неутомимый Ѳеодосій, видя постоянное умноженіи братіи, озаботился о постройкѣ новыхъ для нея помѣщеній, и для этого расши-

Рис. 12. Угощеніе митрополита и причта его княземъ (по сказанію о Борисѣ и лѣбѣ)

рилъ самую площадь, занимаемую монастырскими постройками, и обнесъ дворъ монастырскій новою оградою: «самъ городилъ городьбу двора монастырскаго, работая за одно съ братіею». Но и тутъ еще средства монастыря, значительно улучшившіяся, не всегда оказывались вполнѣ достаточными; изъ житія Ѳеодосія видимъ, что въ церкви монастырской не хватало то масла для лампадъ, то церковнаго вина; иногда келарь докладывалъ игумну, что у братіи нéчего подать за трапезою, иногда не было и муки для хлѣбовъ. И только неутомимое трудолюбіе и неистощимая находчивость Ѳеодосія спасали обитель отъ

гнета тяжкой нужды. Только уже подъ конецъ житія Ѳеодосія благосостояніе обители очевидно упрочилось окончательно, судя по тому, что онъ рѣшился исполнить давно-лелѣянную мысль—построить каменную церковь во имя Успенія Пресвятой Богородицы, на мѣстѣ великой деревянной, которая уже оказывалась тѣсною. Преподобный Антоній, у котораго Ѳеодосій просилъ разрѣшенія на это построеніе, далъ свое согласіе, и — дѣло закипѣло.

Явились и средства для выполненія благаго намѣренія. Великій князь Святославъ подарилъ монастырю мѣсто для новой церкви (неподалеку отъ монастыря, на Берестовомъ полѣ), пожертвовалъ Ѳеодосію на сооруженіе храма сто гривенъ золота, и даже лично принималъ въ немъ участіе, самъ первый начавъ копать ровъ для основанія его. Значительныя пожертвованія для этой же цѣли сдѣлалъ Варягъ Шимонъ, принявшій православіе по убѣжденіямъ Ѳеодосія. И наконецъ церковь, при разныхъ чудесныхъ знаменіяхъ, торжественно была заложена въ 1073 году юрьевскимъ епископомъ Михаиломъ, такъ какъ митрополитъ кіевскій Георгій въ то время находился въ Константинополѣ. Но великимъ основателямъ обители Печерской не суждено было видѣть завершеніе главной красы ея, знаменитаго каменнаго храма, ихъ усердіемъ и усиліями созданнаго. Антоній скончался вскорѣ послѣ заложенія этого храма, а Ѳеодосій, принимавшій самое живое и непосредственное участіе въ работахъ по новой постройкѣ, едва успѣвъ вывести основаніе церкви Успенія, скончался 3 мая 1074 г., ровно черезъ годъ послѣ смерти Антонія.

Смертью Ѳеодосія заканчивается первый періодъ исторіи Кіевопечерской обители, періодъ тяжкой борьбы за существованіе, за новыя начала, внесенныя въ современную жизнь русскую, за самостоятельность и значеніе обители, которой предстояла великая будущность. Но излагая факты внѣшней дѣятельности Ѳеодосія, на пользу, на процвѣтаніе и украшеніе обители Печерской, мы не должны забывать его дѣятельности внутренней, какъ устроителя и главы новой монастырской общины, такъ самостоятельно возникнувшей подъ стѣнами стольнаго города Кіева.

Когда число братіи достигло ста, Ѳеодосій озаботился о введеніи въ обители своей общаго для всѣхъ *чернечьскаго* правила. Съ этою цѣлью даже отправленъ имъ былъ въ Царьградъ инокъ для списанія подлиннаго устава Студійскаго монастыря, а другой списокъ того же устава полученъ отъ чернеца Студійскаго монастыря, прибывшаго съ митрополитомъ Георгіемъ изъ Константинополя. Ѳеодосій повелѣлъ прочитать его передъ братіею и ввелъ въ своей обители. Въ чемъ собственно состояли подробности студійскаго устава, введеннаго въ Печерской обители Ѳеодосіемъ—это остается до настоящаго времени

совершенно неизвѣстнымъ, тѣмъ болѣе, что, судя по одному современному свидѣтельству, въ XI в. обращалось много списковъ монастырскаго устава, составленнаго преподобнымъ Ѳеодоромъ Студитомъ, и всѣ эти списки, какъ составленные уже послѣ него и больше «по памяти»—были весьма не сходны между собою. Достовѣрно только то, что уставъ, введенный Ѳеодосіемъ въ обитель Печерскую, былъ *общежительный*.

Изъ написаннаго Несторомъ житія Ѳеодосіева узнаемъ нѣкоторыя бытовыя подробности, касающіяся внутренняго устройства Печерскаго монастыря во время игуменства Ѳеодосія.

Изъ числа братіи, вѣроятно по назначенію игумна, въ ту пору уже избирались въ помощь ему нѣкоторыя должностныя лица: *доместикъ*, *церковный строитель*, *экономъ*, *келарь*, *ключникъ*, *начальникъ хлѣбопековъ*, *вратарь*. *Доместикъ* распоряжался чтеніемъ и пѣніемъ въ церкви и, вѣроятно, обучалъ братію стройному пѣнію. *Церковные строители* завѣдывали церковнымъ виномъ, масломъ для освѣщенія церкви и церковнымъ звономъ; *экономъ* — монастырскою казною и монастырскимъ имуществомъ; *келарь* — братскою трапезою, просфорною и съѣстными припасами. Помощникомъ келаря являлся *ключникъ*. Въ его же вѣдѣніи состоялъ и *начальникъ хлѣбопековъ*, распоряжавшійся въ кухнѣ. Отъ него же вѣроятяо зависѣли и тѣ «тивуны, приставники и слуги», которые жили въ монастырскихъ селахъ, заботясь о содержаніи монастырскаго скота и заготовленіи для обители разныхъ припасовъ. Важное мѣсто въ числѣ этихъ монастырскихъ должностныхъ лицъ долженъ былъ занимать *вратарь*, неотлучно находившійся при вратахъ обители и отлучавшійся отъ нихъ только на время богослуженія.

Ѳеодосій радушно принималъ каждаго приходившаго въ монастырь, никому не-отказывая въ убѣжищѣ, но постригалъ не сразу, а по нѣкоторомъ испытаніи. Вотъ почему братія Печерскаго монастыря подраздѣлялась на четыре разряда: одни, находившіеся на испытаніи и непостриженные, ходили въ мірской одеждѣ; другіе, также еще не постриженные, уже получали право носить монашескую одежду; третьи, постриженные, носили мантію, четвертые наконецъ были облечены въ великую схиму.

Строгое подчиненіе всей братіи игумну было одною изъ главныхъ основъ всего монастырскаго порядка: все въ обители могло совершаться не иначе, какъ по благословенію игумна, и каждый совершившій что-либо безъ его благословенія, подвергался епитеміи. Эта строгость не исключала однакоже той мягкости и братолюбія, о которомъ такъ много заботился Ѳеодосій, всѣмъ подавая къ тому примѣръ. Покорности и смиренія требовалъ Ѳеодосій отъ иноковъ и во взаимныхъ

все еще не знаетъ, о какой церкви было ему видѣніе, и на какой храмъ долженъ онъ отдать свое золото?»

Только уже послѣ свиданія съ Антоніемъ, Шимонъ понялъ указанія своихъ видѣній, и чудомъ избавленный отъ смерти и плѣна въ битвѣ при Альтѣ, онъ принесъ св. Антонію свой дивный золотой поясъ и драгоцѣнный вѣнецъ, разсказалъ о своихъ видѣніяхъ и прибавилъ, указывая на поясъ: «вотъ мѣра и основа вашей будущей церкви! А вѣнецъ повѣсьте надъ святою трапезою». И восхвалилъ старецъ Бога и передалъ Ѳеодосію богатое приношеніе Шимоново».

Но этого мало. Пресвятая Богородица не только сама дала размѣры своего будущаго храма: — Она озаботилась и о присылкѣ изъ Византіи мастеровъ для построенія его.

«Однажды» — такъ гласитъ преданіе — «являются къ Антонію и Ѳеодосію четыре мужа знатныхъ и спрашиваютъ: — «гдѣ хотите вы строить церковъ?» — Тѣ отвѣчаютъ: «Господь самъ укажетъ мѣсто». Незнакомцы и говорятъ имъ: «насъ къ вамъ послали, дали намъ столько золота, а вы и мѣста не знаете, гдѣ строить церковь?!» Изумились ихъ рѣчамъ преподобные, созвали братію и спросили Грековъ: «скажите намъ истину, кѣмъ вы посланы?» И отвѣчали имъ незнакомцы: «Мы спали по домамъ (въ Византіи). Рано, чуть стало всходить солнце, пришли къ намъ благообразные мужи, и сказали: «царица зоветъ васъ въ Влахерну». Прійдя въ Влахерну, мы увидѣли Царицу съ множествомъ воевъ и поклонились ей. И сказала она: «хочу воздвигнуть себѣ церковь въ Русской землѣ, въ Кіевѣ; ступайте туда и вотъ возьмите себѣ злата на четыре года». Мы поклонились Царицѣ и сказали: «о госпожа Царица! Отсылаешь насъ въ чужую страну, велишь строить церковь; но къ кому же намъ тамъ прійти?» Отвѣчала царица: «я посылаю передъ вами Антонія и Ѳеодосія». И показала она намъ на воздухѣ церковь великую и прекрасную, какую намъ надлежало строить. И опять мы Царицу спросили: «въ чье имя будетъ церковь?» — «Въ свое имя хочу нарещи церковь» — отвѣчала царица; а мы и спросить ее не посмѣли объ имени... Но она сама сказала намъ: «Богородицына будетъ церковь» — и дала намъ икону намѣстную и мощи святыхъ мучениковъ, чтобы положить въ основаніе».

Древняя икона Божіей матери, нынѣ хранимая надъ царскими вратами въ главномъ храмѣ Печерской обители, по преданію и есть именно та, которая была принесена строителями великой Печерской церкви изъ Византіи.

Но легенда о созданіи церкви Печерской, слагавшаяся постепенно въ связи съ развитіемъ мѣстныхъ печерскихъ преданій, мѣстнаго житейника, не останавливается на построеніи дома Богородицы византійскими мастерами, присланными самою Пресвятою Дѣвою. Желаніе

возвеличить, прославить знаменитыхъ основателей обители, удостоенныхъ нетлѣнія и уже причтенныхъ къ лику святыхъ, побудило составителей Патерика Печерскаго и ихъ имена неразрывно связать съ легендой о построеніи Печерскаго храма Богородицы.

Вотъ поэтическія подробности, которыми съ теченіемъ времени дополнилось любопытное сказаніе:

«Когда выведены были стѣны храма, къ игумну Никону явились писцы изъ Грековъ и сказали, что они наняты были въ Греціи расписывать Печерскую церковь, что нанимали ихъ Антоній и Ѳеодосій и впередъ заплатили имъ за работу. Греки хотѣли видѣть тѣхъ, съ кѣмъ они рядились. «О, дѣти мои!» сказалъ имъ игуменъ Никонъ: «не можемъ вамъ ихъ показать—уже десять лѣтъ минуло съ тѣхъ поръ, какъ они скончались и молятся о насъ на небесахъ». Тогда Греки просили показать имъ изображенія Антонія и Ѳеодосія, и когда ихъ желаніе было исполнено, они узнали въ этихъ изображеніяхъ тѣхъ самыхъ старцевъ, которые съ ними рядились. И разсказали они игумну Никону, какъ, пріѣхавъ въ Каневъ изъ Олешья, они было собирались бѣжать назадъ въ Грецію. Но на Днѣпрѣ поднялась страшная буря и погнала ихъ судно вверхъ по рѣкѣ. На слѣдующую ночь явилась имъ во снѣ икона Божіей Матери и сказала: «зачѣмъ мятетесь вы всуе, не покоряясь волѣ Моей и Моего Сына?» Поутру опять понесло ихъ вверхъ по Днѣпру. Они предались волѣ Божіей, и ладья ихъ сама собою пристала къ подошвѣ горы монастырской».

Мастера, строившіе церковь Печерскую, и тѣ, что расписывали ея стѣны, покончивъ свою долгую и трудную работу, не захотѣли болѣе возвращаться въ отечество, приняли иноческій образъ и остались до самой смерти въ обители Печерской; они и погребены были въ особомъ притворѣ. Современный историкъ обители замѣчаетъ, что «свиты ихъ и книги греческія и доселѣ еще хранятся у насъ на полатяхъ» ([37]).

Вскорѣ послѣ освященія храма Богородицы, въ 1096 г., обитель Печерская, впервые со времени своего основанія, подверглась нападенію иноплеменныхъ враговъ. «20 іюня, въ пятницу, въ 1 часъ дня» — такъ разсказываетъ намъ монастырскій лѣтописецъ—«пришли Половцы на монастырь Печерскій, въ то время какъ мы спали по кельямъ, послѣ заутрени, и подняли крикъ около монастыря, и поставили два стяга передъ воротами монастырскими; между тѣмъ какъ мы побѣжали отъ нихъ и попрятались — одни за домомъ монастыря, другіе на полатяхъ (церковныхъ)—безбожные сыны Измаиловы вырубили ворота монастырскія и бросились (грабить) по кельямъ, выламывая двери, и вынося все то, что они въ нихъ находили; и послѣ того зажгли они домъ св. Владычицы Богородицы, и пришли къ церкви, и зажгли двери,

устроенныя къ югу, и другія, что на сѣверѣ, и влѣзли въ притворъ у гроба Ѳеодосіева, и взяли иконы, и укоряли Бога и законъ нашъ». Но въ эту пору монастырь Печерскій былъ уже на столько богатъ и великъ, пользовался такимъ почетомъ, любовью и значеніемъ среди современниковъ, что постигнувшее его бѣдствіе прошло почти незамѣченнымъ: «Въ то же лѣто», замѣчаетъ лѣтописецъ монастырскій, «молитвами блаженнаго отца нашего Ѳеодосія умножилось всѣхъ благихъ въ монастырѣ томъ»... Слѣды половецкаго набѣга вскорѣ изгладились; не только воздвигнуты были всѣ прежнія зданія, погорѣвшія или разрушенныя, но явились еще и новыя. Такъ въ 1108 г.. при игумнѣ Ѳеоктистѣ, окончена была каменная трапеза вмѣстѣ съ церковью, построенною по повелѣнію и на иждивеніи кн. Глѣба Всеславича Минскаго. Около того же времени построена больница и при ней церковь во имя св. Троицы, на средства черниговскаго князя Николая Святоши, постригшагося въ 1106 г. въ Печерской обители. Есть основаніе предполагать, что даже и при извѣстныхъ нашествіяхъ и ограбленіяхъ, постигнувшихъ Кіевъ въ 1171 г., и въ 1203 гг. Печерскій монастырь пострадалъ менѣе всѣхъ другихъ обителей Кіевскихъ. Подъ 1171 г. лѣтописецъ говоритъ даже прямо, что «зажженъ былъ и монастырь Печерскій святой Богородицы отъ поганыхъ (Берендѣевъ и Половцевъ), но Богъ сохранилъ его отъ бѣдствія».

Подъ 1203 г., описывая ограбленіе Кіева Борисомъ и Ольговичами, лѣтописецъ, перечисляя кіевскія церкви, въ общей картинѣ раззоренія упоминаетъ о томъ, что разграблены были и всѣ монастыри, но ни единымъ словомъ не упоминаетъ о монастырѣ Печерскомъ.

Изъ остальныхъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ можемъ заключить, что преобладающее, первостепенное значеніе Печерской обители, до самаго Татарскаго нашествія, и даже послѣ него, нимало не ослабѣвало и не уменьшалось. Въ нее по прежнему стекались пожертвованія со всей земли Русской, къ ней по прежнему съ величайшимъ уваженіемъ относились представители княжескихъ родовъ, нетолько правившихъ Кіевомъ, но и совершенно враждебныхъ ему. Кіево-печерскій игуменъ занималъ всегда первое мѣсто въ ряду прочихъ игумновъ, когда они присутствовали на общихъ церковныхъ торжествахъ въ Софійскомъ соборѣ. При поставленіи епископа ростовскаго Кирилла (въ 1231 г.) лѣтописецъ, описывая это торжество, происходившее въ Софійскомъ соборѣ, прибавляетъ въ концѣ своего описанія, что весь сонмъ съѣхавшихся въ Кіевъ окрестныхъ епископовъ, игумновъ и прочаго духовенства «въ тотъ день угощаемъ былъ въ монастырѣ св. Богородицы Печерской».

Упоминаніе это важно, какъ свидѣтельство лѣтописца объ одной изъ весьма любопытныхъ чертъ современнаго быта: — о мона-

стырскихъ пирахъ, которые иногда устраивались монастырями, по поводу церковныхъ торжествъ и мѣстныхъ праздниковъ, но еще чаще учреждались князьями или даже просто частными лицами, которыя, «думая сотворить добро нищелюбія и любви къ инокамъ, безмездно учреждали пиршества въ обителяхъ», собирая на нихъ чернецовъ и черницъ, угощая при этомъ и нищую братію. Замѣтимъ кстати, что пиршества эти уже очень рано пріобрѣли совершенно мірской характеръ, почему уже въ концѣ XI вѣка вызвали энергическіе протесты со стороны высшаго духовенства. Митрополитъ Іоаннъ II, въ посланіи своемъ къ Іакову Черноризцу, говоритъ прямо: «что касается тѣхъ людей, которые учреждаютъ въ монастыряхъ трапезы, созывая на нихъ мужей и женъ вмѣстѣ, и стараются превзойти такими пирами другъ друга, то это ревность не по Бозѣ, а отъ лукаваго».

Что сталось съ монастыремъ Печерскимъ во время нашествія Татаръ — остается до сихъ поръ совершенно неизвѣстнымъ. Вѣроятно раззоренный и ограбленный вмѣстѣ съ Кіевомъ, онъ повидимому не былъ, однако же, разрушенъ до основанія и продолжалъ существовать, потому что (какъ намъ извѣстно изъ лѣтописи) въ 1274 г., митрополитъ Кириллъ пришелъ изъ Кіева во Владиміръ и, приведя съ собою «архимандрита печерскаго Серапіона», поставилъ его епископомъ Владиміру; а подъ 1288 г., при извѣстіи о кончинѣ Владиміра Васильевича Волынскаго, упоминается и о томъ, что на погребеніи его присутствовалъ Агапитъ, игуменъ печерскій.

Историкъ Русской Церкви замѣчаетъ, по отношенію къ изложенному нами второму періоду существованія Кіево-Печерской лавры, что преемникамъ Ѳеодосія предстояло два дѣла: первое—«докончить и благоустроить церковь, имъ начатую, и второе—сохранить монастырь Печерскій на той степени внутренняго благоустройства и процвѣтанія, на какой онъ оставленъ преподобнымъ Ѳеодосіемъ» ([38]). Намъ кажется, что эта вторая половина задачи была въ значительной степени облегчена преемникамъ Ѳеодосія именно тѣмъ, что, благодаря неутомимой энергіи Ѳеодосія, въ обители Печерской установился такой духъ, укоренились такія преданія, которыя поколебать оказывалось не по силамъ не только отдѣльному лицу изъ братіи, но даже и могущественному представителю современной свѣтской или духовной власти. Этотъ духъ и эти преданія олицетворялись въ строгомъ, но прекрасномъ образѣ св. Антонія и Ѳеодосія, великихъ основателей великой обители и, по мѣрѣ того, какъ память о нихъ, какъ живыхъ и энергическихъ дѣятеляхъ, вымирала и забывалась, на мѣсто ея выступала, облеченная ореоломъ святости, поэтическая легенда, пе[illegible]омству восторженными учениками и почитателями

этихъ подвижниковъ. Не прошло и десяти лѣтъ послѣ кончины Антонія и Ѳеодосія, какъ эта легенда сложилась уже на столько, что ихъ имена стали неразлучны со всякимъ упоминаніемъ обители Печерской. Антоній и Ѳеодосій представлялись вѣчно-молящимися передъ престоломъ Всевышняго «за здѣсущую братію, и за мірскую братію, и за приносящія въ монастырь», и не только представителями и пособниками на все доброе, не только избавителями отъ всякаго зла, но и постоянно озабоченными, добрыми хозяевами своей обители, какими они были при жизни. Къ нимъ посылаетъ Царица Небесная иконописцевъ изъ Влахерны; они нанимаютъ въ Византіи каменоздателей для довершенія Печерской церкви; они стоятъ постоянно на стражѣ у вратъ своей обители. Безъ ихъ воли, безъ ихъ благословенія никто не можетъ ни войти въ обитель, ни выйти изъ нея, «оставивъ святый честный монастырь и святыхъ отцевъ Антонія и Ѳеодосія и святыхъ черноризцевъ, иже съ ними». И эти живыя, всѣмъ дорогія преданія связывали всѣхъ неразрывною связью и обращали Печерскій монастырь (по выраженію одного изъ печерскихъ иноковъ, писателя XIII в.) въ такое «море, которое не держитъ въ себѣ ничего гнилаго, но выбрасываетъ вонъ» ([39]).

И дѣйствительно,—въ стѣнахъ обители Печерской собирались тѣ дѣятели, которые не удовлетворялись современной дѣйствительностью и проникнувшись высшими идеалами христіанства, стремились къ иной, высшей, духовной дѣятельности, къ иной высшей цѣли. На это прямо указываютъ намъ краснорѣчивыя страницы живой монастырской хроники, изъ которой мы позволимъ себѣ привести здѣсь нѣкоторыя отрывки.

Въ свѣтлой и славной одеждѣ боярской, на борзомъ конѣ, окруженный толпою отроковъ, подъѣзжаетъ къ вратамъ Печерской обители молодой и статный витязь; за нимъ ведутъ множество коней, навьюченныхъ его богатствомъ. Изъ-за плохой деревянной ограды вышли къ нему на встрѣчу иноки, и во главѣ ихъ Антоній. Въ страхѣ и смиреніи поклонились иноки боярину до земли. А онъ слѣзаетъ съ коня, скидаетъ съ себя богатое убранство, полагаетъ его къ ногамъ Антоніевымъ и самъ падаетъ передъ нимъ ницъ: «вотъ прелести міра сего»,—говоритъ онъ,—дѣлай съ ними, что тебѣ угодно! Дозволь мнѣ только жить съ тобою въ уединеніи и въ бѣдности!» И Антоній принимаетъ его въ число «воиновъ Христовыхъ».

А вотъ рядомъ съ нимъ и другой воинъ той же рати. Въ тяжкой неволѣ, окованный желѣзомъ, сидитъ молодой красавецъ-юноша. Приглянулся онъ знатной Ляхинѣ, молодой и прекрасной; выкупаетъ его Ляхиня, окружаетъ богатствомъ и почестями, ласкаетъ его и прочитъ себѣ въ супруги. Но недавній плѣнникъ отвергаетъ

ея ласки и вздыхаетъ о тягостяхъ прежней неволи Возмущенная красавица предаетъ его злымъ мукамъ! Ея слуги проникаются жалостью къ юношѣ и дивятся его упорству: «какъ это ты, простой плѣнникъ, и не хочешь быть нашей госпожи господиномъ? Изъ чего же ты мучишься? И Авраамъ былъ женатъ, и Исаакъ, и Іаковъ. Самъ Іосифъ, отказавшись отъ жены Пентефрія, также женился и получилъ царство». — «Не надо мнѣ чести въ Ляшской землѣ: я ищу небеснаго царства и хочу удалиться въ обитель». Пораженная его твердостью Ляхиня, въ припадкѣ страсти къ юношѣ, опять переходитъ къ лести и соблазнамъ. По ея повелѣнію, облекаютъ его въ многоцвѣтныя ризы, сажаютъ на коня и возятъ по всѣмъ ея владѣніямъ. «Это все твое», шепчетъ она, готовая сама служить ему: «все твое!» «Кланяйтесь ему всѣ!» восклицаетъ она, обращаясь къ встрѣчнымъ,—«это вашъ господинъ, а мнѣ мужъ!» Но юноша глухъ и нѣмъ къ ея исканіямъ. «Исполни мое желаніе!» твердитъ ему женщина, попеременно волнуемая то любовью, то ненавистью,—«исполни мое желаніе, или я велю терзать, казнить тебя». — «Не боюсь ничего, отвѣчаетъ юноша, и ничего мнѣ не нужно: я ищу небеснаго царства...» И черезъ тысячи мученій, опасностей и препятствій, онъ достигаетъ «тихаго пристанища»— обители Печерской.

Но и этого мало: вотъ, наконецъ, приходитъ и князь, сынъ князя черниговскаго, слагаетъ съ себя вѣнецъ княжескій и (въ 1106 г.) добровольно постригается въ обители Печерской ([40]). Три года сряду работаетъ онъ на поварнѣ, самъ рубитъ дрова, самъ носитъ воду на плечахъ своихъ, потомъ три года стоитъ онъ неотлучно, какъ простой стражъ, на стужѣ и зноѣ у вратъ монастырскихъ; потомъ служитъ братіи при трапезѣ, и наконецъ, по совѣту игумна и всей братіи, поселяется въ келліи. Здѣсь насаждаетъ онъ своими руками садъ, и если не стоитъ на молитвѣ, то занятъ какимъ-нибудь рукодѣліемъ, между тѣмъ какъ уста его непрестанно шепчутъ молитву Іисусову. Онъ отрекся отъ «міра и отъ всего, что въ мірѣ»: у него нѣтъ ничего своего. Все, что имѣлъ онъ, то принесъ въ даръ обители. Живя въ мірѣ, прилежалъ онъ книгамъ, любилъ собирать и читать ихъ; но и эти «многія книги свои» тоже принесъ въ даръ обители. Тѣ, которыхъ оставилъ онъ въ мірѣ, о немъ вспоминаютъ, о немъ жалѣютъ, ему присылаютъ дары щедрые... А онъ одѣляетъ ими нищую братію, онъ отдаетъ ихъ на устроеніе церкви: ему тоже ничего не нужно, онъ твердо идетъ по пути къ «иному, лучшему царству».

И, рядомъ съ подобными избранниками, видимъ ряды другихъ, одинаково страстно стремившихся въ обитель. Тутъ и любимые тіуны княжескіе, бѣжавшіе соблазновъ міра, и простые селяне, и священники, и богатые купцы, и бѣдняки, привыкнувшіе питаться одною ле-

бедою... Тутъ и Кіевляне, и Новгородцы, и Полочане, и Торопчане, и Смольняне, и Варяги, и Угры. Тутъ и цвѣтущіе юноши, и маститые старцы, живые свидѣтели первыхъ временъ распространенія христіанства на Руси, и высокопросвѣщенные представители лучшихъ силъ современной образованности, и вдохновенные творцы духовныхъ пѣснопѣній, и талантливые живописцы — и люди, совершенно не грамотные, не вкусившіе никакой науки... И всѣ они дѣти одной матери—обители Печерской; всѣ они одинаково «воины рати Христовой», готовые во всѣ концы земли Русской идти на муку и на проповѣдь, готовые страдать и трудиться во славу Божію, въ честь и прославленіе своей обители и ея святыхъ основателей, Антонія и Ѳеодосія.

Отсюда-то идутъ миссіонеры — и въ дремучіе лѣса Вятичей, и въ Половецкія степи, и въ далекую Тмутаракань. Отсюда же выходитъ потомъ цѣлый рядъ епископовъ, которыхъ наперерывъ ищутъ и желаютъ всѣ области русскія.

И въ то время, когда по всей землѣ Русской распространялась слава обители Печерской, когда другія обители заимствовали отъ нея свой уставъ, и цѣлыя области являлись поприщемъ дѣятельности для смиренныхъ иноковъ Печерскихъ,—въ монастырѣ Печерскомъ болѣе и болѣе возрастала и укрѣплялась горячая любовь, нѣжная сыновняя привязанность къ родной обители, гордая увѣренность въ томъ, что рядомъ съ ней не можетъ быть поставлена никакая обитель не только въ Россіи, но даже и гдѣ бы то ни было.

Епископъ владимірскій Симонъ, въ своемъ посланіи къ иноку Поликарпу, прославляя обитель Печерскую, прямо называетъ въ ней церковь св. Богородицы «архимандритіей всей земли Русской», а сообщивъ всѣ сказанія о чудесахъ, сопровождавшихъ ея построеніе, восклицаетъ въ заключеніе разсказа: «какая церковь въ *Ветхомъ и Новомъ Завѣтѣ* ознаменовалась такими чудесами! Пройди *всѣ* книги и *нигдѣ* не найдешь подобныхъ чудесъ!» Мудрено-ли, послѣ всего этого, слышать изъ устъ того-же епископа Симона, въ заключеніе его посланія къ Поликарпу: «Передъ Богомъ скажу тебѣ: всю мою славу и власть (епископскую) вмѣнилъ-бы я за ничто, если бы могъ хотя хворостиною торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ, и быть попираему людьми. Одинъ день въ дому Божіей Матери лучше тысячи лѣтъ временной чести!» Не удивятъ насъ, послѣ этого, и заботы, прилагаемыя иноками печерскими о томъ, чтобы тѣло ихъ, по смерти, непремѣнно было возвращено въ стѣны ихъ родной обители и покоилось «въ блаженной той персти».

Переходя отъ далекаго прошлаго къ настоящему Кіево-Печерской лавры, мы должны признать за несомнѣнный фактъ то, что эта древняя обитель, въ своемъ нынѣшнемъ видѣ, представляетъ намъ очень немного остатковъ своей старины. Стѣны, башни, колокольни, соборъ, церкви, часовни, кельи, ризница,—все ново, ново отъ основанія и до крестовъ; нигдѣ никакихъ слѣдовъ древняго зданія и древняго великолѣпія.

Нынѣшняя Кіево-Печерская лавра состоитъ изъ четырехъ частей: въ первой, возвышенной и ближайшей къ городу, находится сама *Лавра*; во-второй, внутренней же, при Святыхъ воротахъ—*Больничный* монастырь; въ третьей, нѣсколько восточнѣе лаврской Великой церкви,

Рис. 13. Пещера преподобнаго Нестора-лѣтописца въ Кіево-Печерской лаврѣ.

на долу, монастырь *Ближнихъ Пещеръ*; въ четвертой, еще далѣе къ юго-востоку, на холмѣ, монастырь *Дальнихъ Пещеръ*, отдѣляющійся отъ Ближнихъ Пещеръ глубокимъ оврагомъ. Въ нынѣшнемъ фасадѣ и всей архитектурѣ главнаго лаврскаго собора нѣтъ и слѣдовъ его древней Византійской постройки. На старинномъ барельефѣ, вдѣланномъ въ наружную стѣну лаврской колокольни, сохранилась, подъ изсѣченными на немъ иконами Божіей Матери и преподобныхъ Антонія и Ѳеодосія, слѣдующая надпись: «*Основана была церьковь Пресвятыя Богородицы Печерскія на старомъ основаніи при великомъ королѣ Казимірѣ благовѣрнымъ игуменомъ Семеономъ Александровичемъ отчичемъ Кіевскимъ при архимандритѣ Іоаннѣ*».

Симеонъ Александровичъ, *отчичъ* (послѣдній удѣльный князь кіевскій), правилъ Кіевомъ съ 1455—1471. Возведеніе церкви изъ развалинъ, *на старомъ основаніи*, о которомъ упоминаетъ надпись на барельефѣ, какъ предполагаютъ, произведена около 1470 года. Но и эта возобновленная древняя церковь не дошла до насъ. Пожаръ, опустошившій въ 1718 году всю Печерскую обитель, обратилъ въ развалины и Великую ея церковь. Нынѣшній фасадъ церкви и главы на куполахъ ея никакъ не могутъ восходить позже временъ Петра Великаго и сильно отзываются тѣмъ нѣмецко-польскимъ стилемъ архитектуры, который былъ такъ сильно распространенъ при Августѣ II.

Главную святыню богатаго храма составляетъ икона Успенія Божіей Матери, по преданію, принесенная изъ Византіи храмоздателями. Живопись иконы—древняя византійская; писана она на кипарисной доскѣ, длиною въ 9, а шириною въ $6^1/_2$ вершковъ. Митрополитъ Евгеній описываетъ ее такъ: «на иконѣ изображена почившая на одрѣ Божія Матерь; передъ одромъ стоящее Евангеліе; при главѣ и ногахъ по пяти апостоловъ, изъ коихъ Петръ, при главѣ, съ кадиломъ, а Павелъ, особо, съ лѣвой стороны. При срединѣ одра, съ лѣвой же стороны, Спаситель, держащій въ пеленахъ душу Пресвятой Дѣвы и около главы его приникающіе крылатые два ангела, держащіе въ рукахъ убрусы». Святая икона эта, покрытая ризою изъ чистаго золота, вставлена въ серебряный кругъ, помѣщенный надъ Царскими вратами храма, въ центрѣ сіянія изъ серебряныхъ и позлащенныхъ лучей. Передъ нею горитъ неугасимая лампада.

Другая замѣчательная древность того же храма — икона Божіей Матери, предъ которою молился несчастный князь Игорь Ольговичъ, незадолго до прихода убійцъ. Рисунокъ ея выше былъ приложенъ къ нашему сочиненію (см. стр. 27).

Въ ризницѣ лаврской сохраняется еще одинъ замѣчательный обломокъ старины: мѣдный крестъ, приписываемый преподобному Марку Печернику или Гробокопателю (жившему около 1090 г.). Крестъ этотъ, четырехъ-конечный, сдѣланный изъ довольно тонкаго мѣднаго листа, длиною въ $5^1/_4$ верш., а въ поперечникѣ $3^1/_3$ верш. Работа креста признается нашими археологами византійскою. Особенность креста заключается въ томъ, что къ нему, съ одной стороны, придѣланъ, огибающій всѣ края креста, вертикальный ободокъ, въ $^2/_3$ вершка шириною. Вслѣдствіе этого крестъ, съ внутренней своей стороны представляетъ пустоту, родъ плоскаго сосуда, что и подало, вѣроятно, поводъ къ преданію, будто этотъ крестъ служилъ преподобному Марку вмѣсто сосуда для питія. На продольной перекладинѣ креста, вверху, къ ободку (съ внѣшней стороны) придѣлана выпуклость, въ видѣ украшенія; а внизу, также на внѣшней сторонѣ, находится часть металла, въ видѣ толстаго крючка.

На внутренней сторонѣ креста, между огибающими его ободками, незамѣтно никакихъ изображеній. На другой, внѣшней сторонѣ креста, въ срединѣ, углубленно представленъ Спаситель, по сторонамъ коего, на поперечной перекладинѣ, по шести апостоловъ; вверху св. Ѳеодоръ, а подъ ногами Спасителя, какъ можно догадываться, было изображеніе св. Георгія. Надписи сдѣланы отвѣсно по гречески, какъ и на кіево-софійскихъ мозаикахъ.

Кромѣ вышеуказаннаго, въ лаврѣ находятся еще два древнихъ барельефа, изсѣченныхъ изъ краснаго шифера, и нынѣ вставленныхъ въ наружную стѣну лаврской типографіи. Одинъ изъ этихъ барельефовъ представляетъ ветхозавѣтнаго Самсона, раздирающаго пасть льва; другой—какого-то царя, спящаго въ колесницѣ, везомой двумя львами. Къ этой же стѣнѣ типографіи прикрѣплено нѣсколько круглыхъ кафельныхъ, муравленыхъ украшеній, въ видѣ розетокъ, около 8 вершковъ въ поперечникѣ каждое; они напоминаютъ собою подобныя-же украшенія, находимыя въ развалинахъ древнихъ кіевскихъ церквей. Есть основаніе думать, что эти розетки составляютъ остатки отъ *прилѣпъ* или внѣшнихъ украшеній древняго храма. Что касается до барельефовъ, то по характеру своему, и по стилю работы, ихъ можно считать очень древними, быть можетъ даже восходящими до эпохи первоначальнаго построенія лаврской Великой церкви.

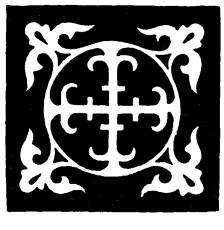
Въ заключеніе этого отдѣла, намъ остается сказать еще два слова о лаврскихъ пещерахъ, Ближнихъ и Дальнихъ. «Пещеръ Кіево-Печерской лавры», пишетъ митрополитъ Евгеній, «извѣстныхъ донынѣ, двѣ: Дальняя и Ближняя. Но въ разныя времена открывались еще многія внизъ по горѣ, вырытыя, вѣроятно, въ несчастныя времена отшельниками монастырскими для уединенія, а нынѣ завалившіяся и неизвѣстныя. Дальняя пещера была началомъ Печерскаго монастыря; по перенесеніи онаго на нынѣшнее мѣсто, въ прежнемъ оставлено только нѣсколько братіи для погребенія и поминовенія усопшихъ, коихъ полагали въ пещерахъ, вырывая для нихъ по бокамъ улицъ внутрь могилы; а для мирянъ было особое кладбище. Но оставались въ сей пещерѣ по боковымъ келліямъ и затворники. Другая пещера, Ближняя, Антоніева, ископана имъ уже послѣ первой, и послѣ обращена также въ кладбище и въ жительство нѣкоторыхъ затворниковъ. Намъ неизвѣстенъ первоначальный планъ обѣихъ этихъ пещеръ, кромѣ главныхъ улицъ, доводящихъ до келлій преподобнаго Антонія и Ѳеодосія и до ихъ братской трапезы, а также до Варяжской пещеры. По плану Кальнофойскаго 1638 г., онѣ значатся и меньше, и простѣе нынѣшнихъ ([41]). По временамъ и нужно было распространять ихъ для удобнѣйшаго размѣщенія св. мощей. Неизвѣстно также, какія св. мощи въ нихъ открыты были до Батыева нашествія и опустошенія, ибо при ономъ

всѣ онѣ были сокрыты братіею и келліи закладены, а по прошествіи уже опасностей вынуты по оставшимся извѣстіямъ и памятованію. Но Кальнофойскій утверждаетъ, что много еще осталось сокрытыхъ. Дѣйствительно, по сторонамъ пещерныхъ улицъ замѣтны многія закладенныя келліи и склепы» ([42]).

Замѣтимъ кстати, что кіевопечерскій архимандритъ Инокентій Гизель, въ письмѣ своемъ отъ 2 марта 1674 г., сообщаетъ, что даже и неизвѣстно, «до какихъ мѣстъ простираются кіевскія пещеры; ибо лѣтъ около 60 тому назадъ (слѣдовательно около 1614 г.) онѣ, отъ бывшаго въ то время землетрясенія, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ завалились».

Свѣдѣнія, сообщаемыя о пещерахъ митрополитомъ Евгеніемъ и архимандритомъ Гизелемъ, тѣмъ болѣе важны для опредѣленія древности кіевскихъ пещеръ, что обвалы Печерскихъ горъ, по особому свойству почвы, неминуемо должны были происходить много разъ въ теченіе времени отъ XI и по XVII столѣтіе, а вмѣстѣ съ ними должны были обрушаться ископанныя въ нихъ пещеры отшельниковъ.

Въ этомъ убѣждаетъ насъ та упорная борьба съ природою, которую вотъ уже около 150 лѣтъ непрерывно ведутъ иноки печерскіе. Не смотря на огромныя затраты, въ разное время произведенныя за этотъ періодъ, какъ изъ монастырской казны, такъ и изъ суммъ, отпущенныхъ правительствомъ на укрѣпленіе печерскихъ горъ,—опасность дальнѣйшаго обрушенія ихъ еще нельзя считать устраненною. «Гора, въ которой выкопаны Ближнія пещеры, кажется, укрѣплена довольно надежно. Но Днѣпръ постоянно продолжаетъ подмывать берега у пещерныхъ горъ; его подземные источники разрушаютъ горную почву, тающій снѣгъ и лѣтніе дожди, стекающіе ручьями, производятъ рытвины, углубленія и обвалы—и все это періодически угрожаетъ опасностью всей горѣ, особливо подъ Дальними пещерами лавры» ([43]).



ГЛАВА ПЯТАЯ.

ЦЕРКОВЬ.

Устройство Церкви.—Митрополитъ кіевскій и епископы.—Права и обязанности Церкви.—Доходы митрополита и епископовъ.—Отношеніе Церкви къ князьямъ кіевскимъ.—Празднества и обряды.—Внутреннее устройство и благолѣпіе храмовъ.—Кіевскія мозаики и фрески.—Утварь и облаченія.—Гробницы въ кіевскихъ храмахъ.

Кіевъ, какъ главное средоточіе княжеской свѣтской власти въ южной Россіи, долженъ былъ рано сдѣлаться и средоточіемъ власти духовной. Здѣсь жили и отсюда управляли русскою паствою кіевскіе митрополиты, сначала Греки, присылаемые изъ Константинополя, потомъ, попеременно, то Греки, то Русскіе.

Помощниками митрополита кіевскаго были епископы, которые, въ теченіе всего до-татарскаго періода, были рукополагаемы въ Кіевѣ. Митрополиту принадлежало право суда и расправы надъ епископами, при чемъ онъ руководствовался изначала греческою кормчею или сборникомъ церковныхъ законовъ (номоканонъ) въ русскомъ переводѣ, а также и уставами Владиміра и Ярослава, ближе опредѣлявшими положеніе Церкви въ обществѣ и отношеніе духовной власти къ свѣтской. Не смотря на эту обширную власть, по которой митрополиту подчинены были всѣ епископы, а черезъ нихъ и все остальное духовенство, не видимъ, въ теченіе всего кіевскаго періода, преобладанія власти духовной надъ свѣтской. Отношенія той и другой, вообще говоря, оказываются почти равными и притомъ чрезвычайно благодушными. Князья и княгини, сильно преданные Церкви, горячо интересуются дѣлами церковными, принимаютъ участіе въ назначеніи игуменовъ и даже епископовъ, и не смотря на то, что право утвержденія ихъ принадлежитъ митрополиту, онъ большею частью утверждаетъ избранныхъ

князьями епископовъ. Мало того: князья нерѣдко даже злоупотребляютъ своею матеріальною силою, лишая епископовъ каѳедры и даже изгоняя ихъ прежде суда церковнаго.

Въ князьяхъ кіевскихъ, стоявшихъ постоянно во главѣ интересовъ Русской земли, замѣтно даже очень рано стремленіе избавить митрополію русскую отъ зависимаго положенія по отношенію къ Византіи. Но Греки пользовались очень ловко своимъ положеніемъ на Руси и не упускали возможности поддержать свое значеніе, тѣмъ болѣе, что митрополитамъ кіевскимъ, въ затруднительныхъ случаяхъ, приходилось нерѣдко прибѣгать за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній къ патріарху константинопольскому, такъ какъ мѣстные соборы изъ епископовъ, собираемые въ Кіевѣ, не всегда могли прійти къ соглашенію по нѣкоторымъ вопросамъ церковнымъ.

Съѣзды духовенства въ Кіевѣ, судя по лѣтописямъ, были довольно часты, хотя собственно упоминается только о четырехъ соборахъ. Особенно обычны и многочисленны были съѣзды по поводу рукоположенія епископовъ. Нѣкоторые изъ нихъ бывали замѣчательно торжественны и справлялись великолѣпно. Такъ напр., лѣтопись (1231 г.) особенно подробно упоминаетъ о посвященіи въ епископы суздальскіе Кирилла II, при князѣ Владимірѣ Рюриковичѣ и при сынѣ его Ростиславѣ. «Были въ то время», замѣчаетъ лѣтописецъ», многіе и другіе князья въ Кіевѣ на сонмѣ: Михаилъ князь черниговскій и сынъ его Ростиславъ, Мстиславъ, Ярославъ, Изяславъ и Ростиславъ Борисовичъ. Съ митрополитомъ Кирилломъ священнодѣйствовали: Порфирій черниговскій, Олекса полоцкій, епископы бѣлгородскій и юрьевскій, архимандритъ печерскій Анкудимъ, игумны спасскій, андреевскій, ѳедоровскій, васильевскій, воскресенскій, кирилловскій и Іоаннъ изъ Чернигова». Послѣ посвященія былъ великій праздникъ въ монастырѣ: «ѣло тамъ и пило такое множество людей, какое и сосчитать было не возможно».

Послѣ рукоположенія совершаемъ былъ надъ епископами обрядъ *настолованія*, т. е. возведенія на епископскій столъ. Обрядъ этотъ, по образцу церкви греческой, совершался надъ каждымъ новопоставленнымъ епископомъ или новоприбывшимъ изъ Греціи митрополитомъ, черезъ нѣсколько дней послѣ прибытія его въ Кіевъ или послѣ рукоположенія епископа. Обрядъ состоялъ въ томъ, что во время литургіи, по прочтеніи евангелія, митрополитъ или епископъ возводимъ былъ другими священниками на столъ или каѳедру, стоявшую среди церкви, и торжественно привѣтствованъ возглашеніемъ со стороны всей его епархіи и цѣлованіемъ. Митрополитъ Иларіонъ самъ говоритъ о себѣ, что онъ былъ *настолованъ*, а митрополитъ Никифоръ даже сообщаетъ опредѣленно, что онъ «прибылъ на Русь 6 декабря, а 18 того же мѣсяца, на столъ посаженъ».

Доходы митрополита и епископовъ уже съ самаго начала кіевскаго періода оказываются весьма опредѣленными. Въ основѣ этихъ доходовъ видимъ уставъ Владиміровъ, которымъ подтверждалось право Десятинной церкви *на десятину*, то есть десятую долю всѣхъ доходовъ, получаемыхъ княземъ. Эта десятина состояла изъ десятой доли «виръ и продажъ» (судебныхъ пошлинъ), десятой доли пошлинъ торговыхъ (изъ торгу «десятая вѣкша»), десятой доли княжескихъ «даней, лововъ, стадъ и жита». Уставъ Владиміровъ опредѣляетъ высокое значеніе Церкви въ современномъ обществѣ русскомъ, поручая суду церковному, какъ высшему суду нравственному, всѣ преступленія противъ вѣры, противъ святости храмовъ и мѣстъ погребенія, противъ браковъ, семьи, чистоты нравовъ, а также и дѣла по наслѣдству, и дѣла по безчестію, нанесенному укоромъ «въ развратѣ, въ составленіи зелій или въ еретичествѣ». На сколько этими обязанностями судейскими оправдывалось полученіе доли отъ пошлинъ судныхъ, на столько же полученіе доли отъ пошлинъ торговыхъ налагало на церковь другую обязанность: наблюденіе за *вѣрностью мѣръ и вѣсовъ*. Такъ разнообразны были обязанности, которыя въ тотъ отдаленный періодъ могли быть поручаемы церкви. Уставъ Владиміровъ опредѣляетъ и тотъ кругъ лицъ, который исключительно подсуденъ церкви. Въ бытовомъ отношеніи для насъ важно то, что въ числѣ лицъ, подлежащихъ вѣдѣнію церкви, встрѣчаемъ, кромѣ лицъ, служащихъ въ церкви, упоминаніе о такихъ лицахъ какъ: *проскурница* (просвирня), *баба* (вѣроятно повивальная), *лѣчецъ* (врачъ) и «всѣ живущіе въ монастыряхъ, гостинницахъ и страннопріимницахъ», содержимыхъ на средства церкви.

Церковный уставъ ярославовъ служитъ какъ бы продолженіемъ и развитіемъ устава Владимірова. Не внося ничего новаго, онъ только ближе опредѣляетъ различіе между дѣлами, подсудными исключительно церкви, и дѣлами, въ которыхъ должна вмѣстѣ съ церковью принимать участіе и свѣтская власть. Въ послѣднемъ случаѣ и пошлины судебныя дѣлились «на̀-полы» (пополамъ) между княземъ и епископомъ. Изъ другихъ памятниковъ видимъ, что въ доходъ епископовъ и митрополитовъ поступала и плата съ новопоставленныхъ лицъ и церквей.

Кромѣ всѣхъ вышеуказанныхъ доходовъ, важнымъ источникомъ церковныхъ доходовъ были добровольныя пожертвованія со стороны прихожанъ (44). Благодаря щедрости князей, церковь, сверхъ того, очень рано получаетъ во владѣніе недвижимыя имущества: города и погосты, села, земли, воды и борти. Въ какой степени могли быть значительными пожертвованія князей и частныхъ лицъ на нужды церковныя, при общемъ усердіи къ церкви, это мы можемъ видѣть изъ сохранившихся намъ современныхъ извѣ-

стій о пожертвованіяхъ, въ краткое время обогатившихъ знаменитую Ѳеодосіеву обитель.

Въ 1083 г. пожертвована была купцами греческими мозаика для отдѣлки храма Пресв. Богородицы въ Печерской обители. Вскорѣ послѣ торжественнаго освященія церкви, въ 1089 г., въ ней уже устроенъ былъ каменный придѣлъ во имя св. Іоанна Предтечи, въ память Іоанна боярина и сына его Захарія, которые пожертвовали для этой цѣли двѣ тысячи гривенъ серебра и двѣсти—золота, при постриженіи своемъ въ обители.

Около 1086 г. Ярополкъ Изяславичъ, князь Владиміра-Волынскаго, подражая отцу своему Изяславу въ любви къ Кіево-Печерской обители, отдалъ ей все свое достояніе — волости: Небольскую, Деревьскую и Лучьскую (ум. 1086). Около 1096 г. одинъ изъ постриженниковъ кіево-печерскихъ, епископъ Ефремъ пожертвовалъ Печерскому монастырю дворъ въ Суздалѣ съ церковью св. Дмитрія и съ селами. Въ 1108 году, при игумнѣ Ѳеоктистѣ, окончена была каменная трапеза, вмѣстѣ съ церковью, построенная по повелѣнію и на иждивеніе кн. Глѣба Изяславича. Около того же времени построена больница и при ней церковь во имя св. Троицы иждивеніемъ черниговскаго кн. Николая Святоши, постриженнаго въ 1106 г. въ Печерской обители. Минскій князь Глѣбъ Всеславичъ, зять Ярополка Волынскаго, принесъ обители Печерской въ даръ 600 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота, а по смерти его (въ 1119 г.), супруга его Анастасія Ярополковна дала еще вкладъ въ 100 гривенъ серебра и 50 гривенъ золота. Она же, при кончинѣ своей, завѣщала похоронить себя въ монастырѣ Печерскомъ и отказала монастырю пять селъ съ челядью (рабами). Въ 1130 г. Суздальскій тысяцкій князь Георгій, сынъ Шимона Варяга, прислалъ въ обитель 500 гривенъ серебра и 50 золота, на покованіе раки преподобнаго Ѳеодосія, и потомъ пожертвовалъ обители и ту гривну, которую носилъ на себѣ и въ которой заключалось 100 гривенъ золота.

Доходы Церкви и всѣ эти весьма значительныя пожертвованія, употреблялись митрополитами и епископами по ихъ усмотрѣнію. Многія епископіи отъ нихъ быстро и богатѣли; но значительная доля доходовъ епископскихъ, какъ свидѣтельствуетъ о томъ митрополитъ Кириллъ, имѣла свое опредѣленное назначеніе, ибо шла, во 1-хъ, на содержаніе клира, каѳедральнаго храма и дома епископскаго, во 2-хъ,— на содержаніе нищихъ, больныхъ, странниковъ, сиротъ и вдовъ, въ пособіе потерпѣвшимъ отъ пожара или несправедливаго суда; въ 3-хъ— на возобновленіе церквей и монастырей.

Обиліе пожертвованій, постоянно приносимыхъ князьями и дружиною Церкви, служило доказательствомъ не только ихъ усердія къ церкви, но и тѣсной связи, установившейся изначала между сословіемъ

Рис. 14. Божія Матерь Нерушимая Стѣна (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

княжескимъ и представителями сословія духовнаго. Мы не видимъ распрей между княземъ и церковью, хотя и видимъ неопредѣленность отношеній, въ нѣкоторыхъ случаяхъ вызывающую къ недоумѣніямъ и спорамъ. Церковь, смягчая современные нравы, являясь покровительницей вдовъ и сиротъ, защитницей правъ женщины и святости семейнаго союза— должна была оказывать сильное и благодѣтельное вліяніе на современное общество. Значительною долею этого вліянія церковь была обязана тому, что никогда не отрѣшалась вполнѣ отъ міра, не замыкалась въ особый, эгоистическій кругъ собственныхъ, исключительно церковныхъ интересовъ, а напротивъ того, участвовала, по мѣрѣ силъ, во всѣхъ печаляхъ и радостяхъ современнаго общества. Бытъ кіевскій даетъ намъ къ тому многочисленныя доказательства.

Попы, епископы, игумены, даже митрополиты являлись послами въ междукняжескихъ сношеніяхъ, посредниками и примирителями въ междоусобіяхъ, ходатаями за слабыхъ передъ сильными, совѣтниками на все доброе. Съ другой стороны и князья ничего не жалѣли для церкви, ласкали и кормили духовенство, являясь усерднѣйшими, можно сказать, образцовыми исполнителями всѣхъ церковныхъ обрядовъ.

Выше мы уже видѣли, что присутствованіе князя при богослуженіи входило въ распредѣленіе княжескаго дня. Само собою разумѣется, что князья принимали живѣйшее участіе во всѣхъ церковныхъ торжествахъ:—закладкахъ церквей, посвященіяхъ въ санъ епископа, настолованіяхъ, крестныхъ ходахъ и т. д. Чрезвычайно любопытны и важны въ бытовомъ отношеніи тѣ подробности, которыя лѣтопись и другіе современные памятники сохранили намъ еще объ одномъ видѣ церковныхъ празднествъ—о перенесеніяхъ мощей, справлявшихся съ большой торжественностью.

Древнѣйшими образцами празднествъ такого рода слѣдуетъ считать два перенесенія мощей св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба, происходившія въ Вышгородѣ: первое въ 1075 г., при перенесеніи мощей изъ старой деревянной церкви въ новую, деревянную же, второе въ 1115 г., при перемѣщеніи тѣхъ же мощей изъ деревянной церкви въ новую каменную.

Первое перенесеніе мощей сопряжено было съ освященіемъ новой церкви, на которое Изяславъ, князь кіевскій, пригласилъ всѣхъ сосѣднихъ князей, а митрополитъ сосѣднихъ епископовъ, все мѣстное духовенство бѣлое и черное, въ числѣ котораго присутствовалъ на этомъ торжествѣ и знаменитый игуменъ печерскій Ѳеодосій. 1-го мая митрополитъ освятилъ церковь и отслужилъ литургію. На другой день приступили къ перенесенію мощей. Сначала подняли мощи св. Бориса, которыя почивали въ деревянной ракѣ. Впереди шествія пошли черноризцы съ зажженными свѣчами, потомъ слѣдовали діаконы съ кади-

лами и священники въ облаченіи, далѣе— епископы съ митрополитомъ. а за нимъ ужъ сами князья, несшіе раку. Мощи св. Глѣба, покоившіяся въ каменной ракѣ, князья уже не понесли на рукахъ, а поставили на колесницу и на себѣ повезли къ новой церкви. Обѣ раки были поставлены въ церкви на правой сторонѣ. Затѣмъ стали прикладываться къ главѣ св. Бориса и къ рукѣ св. Глѣба, причемъ митрополитъ, взявъ эту руку и облобызавъ, прилагалъ къ своимъ очамъ и сердцу, потомъ благославлялъ ею поочередно князей и наконецъ—весь народъ. Послѣ того князь Святославъ еще разъ приблизился къ митрополиту и просилъ приложить св. руку къ ранѣ его, которая была у него на шеѣ, также къ его очамъ и темени: на главѣ князя остался, при этомъ прикосновеніи, одинъ ноготь св. Глѣба, который князь и принялъ, какъ благословеніе. По окончательномъ установленіи мощей совершена была торжественная литургія, а затѣмъ князья устроили большой обѣдъ, на которомъ присутствовали вмѣстѣ съ боярами своими, роздали много милостыни нищимъ и, мирно простившись, разъѣхались по домамъ.

Еще торжественнѣе было отпраздновано вторичное перенесеніе мощей св. страстотерпцевъ въ новую каменную церковь, заложенную еще Святославомъ черниговскимъ въ 1076 г., но достроенную и росписанную уже Олегомъ Святославичемъ въ 1115 г. Опять къ 1 Мая собрался въ Вышгородѣ большой съѣздъ; и стеченіе народа было громадное. Тутъ изъ числа князей находились: самъ Владиміръ Мономахъ съ сыновьями, Давидъ и Олегъ Святославичи также съ сыновьями, митрополитъ кіевскій съ епископами, клиръ и бояре. 1-е Мая пришлось во вторую субботу по Пасхѣ и въ этотъ день торжественно освящена была церковь митрополитомъ и епископами, послѣ чего строитель храма Олегъ угощалъ князей и духовенство богатымъ пиромъ.

На другой день, въ недѣлю женъ мироносицъ, отпѣвъ одновременно заутреню въ церквахъ, новой и старой, приступили къ перенесенію мощей. Раку св. Бориса поставили на «возила» и повезли сами князья съ боярами; имъ предшествовали митрополитъ и епископы въ полномъ облаченіи, а впереди епископовъ шли игумны, священники, черноризцы,—всѣ съ зажженными свѣчами. Любопытно, что вокругъ князей и бояръ, окружавшихъ святыню, несли *воръ* (огорожу изъ жердей), чтобы защитить ихъ отъ давки. «Но толпа была такъ велика, что невозможно было двигаться шествію съ мощами:—даже и *воръ* поломали». Тогда Владиміръ Мономахъ приказалъ бросать въ толпу деньги и куски паволокъ, чтобы очистить дорогу. На протяженіи всего пути народъ взывалъ: «киріе елейсонъ» (Господи, помилуй!) и всѣ плакали отъ радости. Когда и рака св. Глѣба была тѣмъ же самымъ порядкомъ перевезена въ церковь, между князьями произошло разногласіе: Мономахъ хотѣлъ поставить обѣ раки посреди церкви и надъ

Рис. 15. Лѣвая, сѣверная часть изображенія Тайной Вечери (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

Рис. 16. Правая, южная часть изображенія Тайной Вечери (мозаика Кіево-Софійскаго собора).

ними устроить серебряный теремъ, а Давидъ и Олегъ желали, чтобы раки поставлены были на правой сторонѣ церкви, въ нарочно уже приготовленные для нихъ своды (коморы). Митрополитъ и епископы предложили князьямъ бросить жребій. Князья согласились; положили два жребія на престолъ, и вынулся жребій Олега и Давида, послѣ чего раки и были поставлены на правой сторонѣ церкви. Затѣмъ совершена была литургія и послѣдовалъ въ Вышгородѣ трехдневный праздникъ, послѣ котораго всѣ разъѣхались ([45]). Замѣтимъ кстати, что уже со времени перваго перенесенія мощей св. Бориса и Глѣба церковью русскою установлено праздновать день этого перенесенія (2-го мая) на вѣчныя времена, и этотъ праздникъ является однимъ изъ древнѣйшихъ на Руси, куда вмѣстѣ съ христіанствомъ перешли первоначально всѣ праздники Церкви Восточной. Первыми же въ числѣ русскихъ празднествъ церковныхъ являются именно дни открытій и перенесеній св. мощей мѣстно-чтимыхъ святыхъ (св. Ольги, Владиміра, Бориса и Глѣба и Ѳеодосія Печерскаго) и дни освященія нѣкоторыхъ важнѣйшихъ церквей кіевскихъ, напр. Кіево-Софійскаго собора и церкви Георгіевской.

О планѣ древнѣйшихъ кіевскихъ церквей мы уже говорили выше (на стр. 14, 23, 25), при обзорѣ топографіи древняго Кіева и остатковъ важнѣйшихъ кіевскихъ памятниковъ. Насколько можно судить по изслѣдованію фундаментовъ Десятинной и Ирининской церкви, по собору св. Софіи и еще двумъ-тремъ другимъ, уцѣлѣвшимъ до нашего времени храмамъ (отдѣляя въ нихъ позднѣйшія пристройки отъ первоначальнаго остова зданія) — планъ кіевскихъ храмовъ почти всегда представлялъ прямоугольникъ, у котораго сѣверная и южная стороны незначительно длиннѣе восточной и западной. Размѣры храмовъ, судя по ихъ основаніямъ, какъ въ длину, такъ и въ ширину— были весьма невелики, и самые храмы едва-ли могли быть высоки. Въ большихъ церквахъ къ западной сторонѣ примыкали *полати* (или хоры), утвержденныя на каменныхъ или кирпичныхъ столбахъ. Впрочемъ, алтарная часть храма иногда выступала полукружіемъ, которое и заключало въ себѣ собственно алтарь, а по бокамъ его, въ особыхъ отдѣленіяхъ помѣщались—жертвенникъ (въ сѣверномъ) и дьяконникъ или ризница (въ южномъ). Окна были узкія, къ верху округлыя, и, при значительной толщинѣ стѣнъ, мало могли пропускать свѣта внутрь храма.

Гораздо болѣе положительныхъ данныхъ имѣемъ мы о внутренномъ устройствѣ древнихъ кіевскихъ храмовъ. Драгоцѣннымъ и дивно-сохранившимся памятникомъ церковной древности, вполнѣ знакомящимъ насъ со всѣми подробностями мозаическихъ и живописныхъ украшеній православнаго храма XI—XII вѣка, является св. Софія Кіевская.

Переступивъ порогъ этого собора, мы, безъ малѣйшаго усилія, можемъ возстановить передъ собою все внутреннее благолѣпіе древней святыни кіевской въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ она создана была византійскими строителями и художниками, вызванными въ Кіевскую Русь Владиміромъ и Ярославомъ.

Весь храмъ въ важнѣйшихъ своихъ частяхъ, на всѣхъ стѣнахъ и сводахъ алтаря, подъ главнымъ куполомъ, на стѣнахъ и аркахъ, служащихъ ему подпорою и образующихъ средину храма, а также и въ выступахъ, составляющихъ алтарныя части придѣловъ—украшенъ былъ сверху до низу богатѣйшею мозаикою, остатки которой донынѣ еще представляютъ одинъ изъ драгоцѣннѣйшихъ памятниковъ древняго мозаическаго искусства въ Европѣ. Все остальное пространство храма, не исключая столбовъ, простѣнковъ, карнизовъ и лѣстницъ—покрыто было фресковой живописью. До какой степени много труда, издержекъ и времени было потрачено на подобное украшеніе св. Софіи, можно судить уже по тому, что уцѣлѣло и до настоящаго времени на стѣнахъ этого храма, послѣ восми-вѣковаго существованія его, послѣ всѣхъ невзгодъ, перенесенныхъ имъ въ различныя эпохи. Когда, въ 1842 году, изъ-подъ толстаго слоя штукатурки, протоіереемъ Сухобрусовымъ и академикомъ Сонцевымъ были открыты первыя фрески, и вслѣдъ за тѣмъ, по желанію Императора Николая I, приступлено къ возобновленію древней фресковой живописи, то оказалось, что на стѣнахъ св. Софіи уцѣлѣло до нашего времени 25 фресокъ многоличныхъ, на которыхъ насчитываютъ 154 фигуры нѣсколько менѣе обыкновеннаго человѣческаго роста; фресокъ одноличныхъ, съ фигурами, писанными во весь ростъ—220, поясныхъ 118, а всего 338 фигуръ; фресокъ аллегорическихъ, не вполнѣ разгаданнаго, мірского содержанія, всего 33 отдѣльныя картины, въ которыхъ насчитываютъ до 133 фигуръ. На возобновленіе этихъ фресокъ и написаніе новыхъ въ тѣхъ мѣстахъ собора, гдѣ фресковой живописи не было открыто, потребовалось около десяти лѣтъ работы и около 100,000 рублей затраты.

Не вдаваясь въ чрезвычайно подробную исторію возобновленія св. Софіи, поучительную и важную въ смыслѣ археологическомъ, мы постараемся изобразить читателю, на основаніи точнѣйшихъ археологическихъ данныхъ, внутренность св. Софіи въ томъ именно видѣ, въ какомъ она должна была являться современникамъ Ярослава и его ближайшихъ преемниковъ.

Прямо противъ западныхъ входныхъ дверей храма, изъ-за низкаго иконостаса взорамъ каждаго и прежде, какъ теперь, должно было представляться колоссальное мозаическое изображеніе Божіей Матери, получившей въ настоящее время между богомольцами, за дивную долговѣчность свою, названіе «Нерушимой Стѣны». Изображеніе это мало-

дится надъ горнимъ мѣстомъ, почти на сводѣ алтаря, представляющемъ громадную нишу съ округлымъ сводомъ. По своему высокому положенію и по своимъ громаднымъ размѣрамъ (7 арш. высоты) икона эта господствуетъ не только надъ алтаремъ, но и надъ всѣмъ храмомъ, и видна почти со всѣхъ главныхъ пунктовъ его.

Карнизъ и двѣ узорныя мозаическія каймы отдѣляютъ икону Божіей Матери отъ изображенія Тайной Вечери, занимающаго все пространство алтарнаго выступа, отъ одного угла до другаго (въ вышину 5 аршинъ, въ ширину 33 аршина). Ниже Тайной Вечери, въ алтарномъ полукружіи, находится третій, нижній рядъ мозаическихъ изображеній. Въ этомъ ряду картинъ (вышина 4 арш., длина также 33 арш.) отдѣльными лицами представлены два св. архидіакона и восемь святителей.

Громадная алтарная ниша, составляющая восточную половину алтаря, въ св. Софіи отдѣлена уступомъ отъ западной части алтаря. На верхней, отвѣсной части уступа, подъ переднимъ (западнымъ) алтарнымъ сводомъ изображенъ *Деисусъ* (т. е. ликъ Спасителя, а по сторонамъ его лики Божіей Матери и Іоанна Предтечи).

Ниже Деисуса, по краю всего свода, на уступѣ, въ видѣ бордюра или рамки, изображена по-гречески большими черными буквами слѣдующая надпись, заимствованная изъ псалмовъ Давидовыхъ (XLV с. 6. 7): «Богъ посредѣ Его и не подвижется, поможетъ ей Богъ день и день».

Въ передней половинѣ алтарной ниши остались теперь только слѣды осыпавшейся мозаики и нѣтъ никакихъ изображеній; но есть основаніе предполагать, что здѣсь находились мозаическія изображенія апостоловъ отъ числа 70, по четыре лика въ рядъ.

Тамъ же, гдѣ полуокруглыя стѣны алтаря составляютъ его оконечности и приближаются къ иконостасу, представляя собою юго-восточную и сѣверо-западную подпоры для главнаго купола, — съ лицевой стороны, обращенной къ лѣвому клиросу, находится изображеніе Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Оно раздѣлено на двѣ части: на юго-восточной подпорѣ изображена Божія Матерь, на сѣверо-западной — Архангелъ Гавріилъ. Надъ ликомъ Богоматери, съ правой стороны обычное ΜΡ—ΘV; а съ лѣвой, по гречески же: «се раба Господня, буди ми по глаголу твоему». Надъ изображеніемъ благовѣствующаго Архангела, съ лѣвой стороны, греческая надпись: «Архангелъ Гавріилъ», а съ правой, также по гречески: «радуйся, Благодатная, Господь съ Тобою!»

На четырехъ аркахъ подъ главнымъ куполомъ, и именно на нижней сторонѣ ихъ, были мозаическія изображенія сорока мучениковъ (въ кругахъ), [illegible] дой аркѣ. Надъ каждымъ ликомъ горизон-

тально греческая надпись. Въ настоящее время изъ числа сорока изображеній сохранилось только пятнадцать: десять на южной аркѣ и пять на сѣверной, со стороны иконостаса.

Въ сферическихъ треугольникахъ (парусахъ или люнетахъ), подъ главнымъ куполомъ, изображены были четыре Евангелиста, изъ которыхъ на юго-западномъ треугольникѣ образъ Евангелиста Марка сохранился почти въ цѣлости.

Весь куполъ собора былъ также украшенъ мозаическими изображеніями; по сохранившимся слѣдамъ ихъ очертаній, какъ увѣряютъ, можно видѣть, что первоначально, въ верху купола, изображенъ былъ Іисусъ Христосъ, а по сторонамъ его четыре ангела. Всѣ эти изображенія представлены были въ колоссальныхъ размѣрахъ, судя по тому, что каждое крыло ангела было въ сажень длиною.

Изъ числа всѣхъ этихъ мозаическихъ изображеній остановимся только на трехъ важнѣйшихъ, которыя и опишемъ здѣсь подробно, предложивъ вниманію читателя самые точные снимки ихъ въ текстѣ нашей книги. Первое мѣсто по важности и значенію въ ряду Кіево-Софійскихъ мозаикъ занимаетъ конечно икона Божіей Матери Нерушимой стѣны. Божія Матерь изображена на этой иконѣ стоящею на золотомъ ромбоидальномъ подножіи, коего двѣ стороны, нижняя и правая, украшены каймою.

Пресвятая Дѣва стоитъ въ молитвенномъ положеніи, съ воздѣтыми горѣ руками, въ хитонѣ голубаго цвѣта, препоясанная узкимъ червленнымъ поясомъ, за коимъ заткнутъ бѣлый платокъ, украшенный посрединѣ золотымъ крестикомъ, и по краямъ золотымъ бордюромъ съ простой бахромой. На рукахъ ея поручи тоже голубаго цвѣта, съ полосами и крестами. На главѣ и раменахъ широкій, золотистый покровъ или складочная фелонь ([46]), которой одинъ конецъ перевѣшенъ черезъ лѣвое плечо и ниспадаетъ до пояса; затѣмъ та-же фелонь, украшенная каймою и бахрамою, опускается съ обѣихъ сторонъ, до колѣнъ. На плечахъ и главѣ по серебристой небольшой звѣздѣ. Обувь простая. Кругъ около главы Пресвятой Дѣвы, означающій вѣнецъ или сіяніе, состоитъ изъ двухъ узкихъ полосъ, вѣрнѣе — двухъ концентрическихъ круговъ, внутренняго краснаго, а внѣшняго бѣлаго.

Не менѣе иконы Божіей Матери важно находящееся подъ нею изображеніе Тайной Вечери. На срединѣ полукружія алтарной стѣны представлена св. Трапеза; она покрыта багряною матеріею съ золотыми цвѣтами, кругами и отвѣсными полосами. На срединѣ Трапезы золотой четыреконечный крестъ; на лѣвой (сѣверной) сторонѣ ея стоитъ золотой дискосъ, съ раздробленнымъ на немъ хлѣбомъ. На правой (южной) сторонѣ Трапезы развернута стоящая звѣзда (астерискъ) сребристаго цвѣта, лежитъ копіе въ видѣ узкаго, остроконечнаго треугольника и

Рис. 17. Пресвятая Дѣва (часть мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ).

какой-то ромбоидальный предметъ золотаго цвѣта. Позади Трапезы поставлена бѣлая сѣнь (киворіонъ), утвержденная на трехъ столпахъ. Два ангела по сторонамъ трапезы осѣняютъ ее золотыми рипидами. Оба ангела представлены въ бѣлыхъ хитонахъ и съ крыльями такого же цвѣта. Возлѣ ангеловъ, при обѣихъ сторонахъ трапезы, стоятъ два изображенія Спасителя; изъ нихъ одно обращено въ правую, другое въ лѣвую отъ Трапезы сторону. Оба изображенія въ золотыхъ хито-

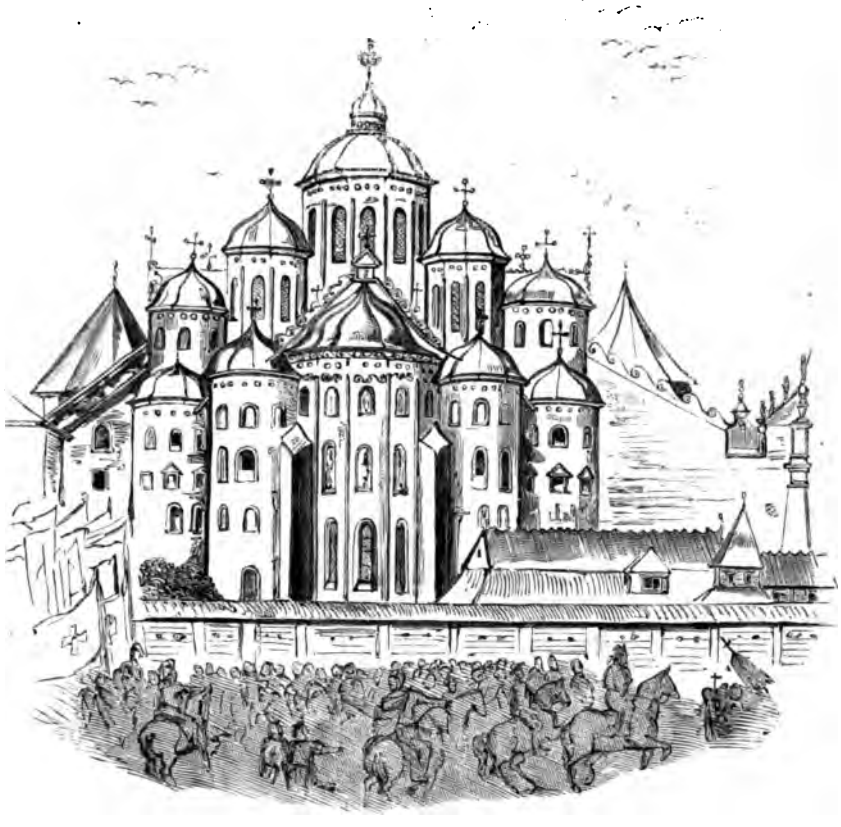


Рис. 18. Древній видъ Софіи Кіевской (по рисунку XVII вѣка).

нахъ, поверхъ которыхъ наброшены голубыя хламиды. Между обоими изображеніями Спасителя существуетъ небольшое различіе только въ расположеніи складокъ одежды. Лѣвое изображеніе Спасителя подаетъ одною правою рукою св. хлѣбъ, плоскій, въ видѣ кружала, а лѣвую руку протягиваетъ, какъ бы для поддержанія подаваемаго. Къ этому лѣвому изображенію подходятъ шесть апостоловъ, одинъ за другимъ, «съ преклоненнымъ благоговѣйнымъ видомъ и съ распростертыми дланьми къ принятію предлагаемаго хлѣба». Первый, ближайшій къ Спасителю апостолъ держитъ обѣ руки [illegible] надъ другой, крестообразно, въ такомъ видѣ, въ какомъ [illegible] лавный и до-

селѣ принимаетъ благословеніе отъ духовнаго отца. Всѣ апостолы одѣты въ свѣтлые, почти бѣлые хитоны, поверхъ которыхъ накинуты хламиды. Какъ у Спасителя, такъ и у апостоловъ на обнаженныя ноги надѣты сандаліи съ черными обвязями. Надъ этою половиною изображенія Тайной Вечери находится черный, четвероконечный крестъ и непосредственно за нимъ надпись на греческомъ языкѣ большими черными буквами: «пріимите, ядите, сіе есть Тѣло Мое, еже за вы ломимое во оставленіе грѣховъ». На правомъ отъ трапезы (южномъ) изображеніи Спаситель подаетъ другимъ шести апостоламъ чашу, золотую, короткую и съ неясными очертаніями. Апостолы представлены въ такомъ же видѣ, какъ и съ лѣвой стороны; но мозаическія изображенія послѣднихъ четырехъ въ этомъ ряду апостоловъ отпали. Надъ изображеніемъ другая, соотвѣтствующая первой, греческая надпись: «пійте отъ нея вси, сія есть Кровь Моя Новаго Завѣта, яже за вы и за многія изливаемая, во оставленіе грѣховъ».

Третье замѣчательное мозаическое изображеніе — Благовѣщеніе Пресвятой Богородицы, раздѣленное, какъ мы уже выше упоминали, на двѣ части. Въ одной изъ этихъ частей Пресвятая Дѣва представлена на золотомъ, узорчатомъ, четырехугольномъ подножіи. Одежда ея состоитъ изъ синяго хитона; на главѣ и раменахъ покровъ, тоже синяго цвѣта, съ большими складками, спускающимися до колѣнъ. Ниспадающія съ лѣвой руки складки покрова украшены богатою золотою бахромою. Поручи золотые, съ крестами; обувь красная, съ золотыми полосками; на главѣ и персяхъ три звѣзды. Вокругъ главы вѣнецъ означенъ синею полосою. Въ лѣвой, нѣсколько приподнятой, рукѣ она держитъ продолговатый клубокъ красной пряжи. Отъ этого клубка виситъ на ниткѣ другой такой же точно клубокъ, служащій вмѣсто веретена и поддерживаемый правою рукою. Въ другой, соотвѣтствующей части той же иконы, благовѣствующій архангелъ представленъ какъ бы идущимъ на встрѣчу Божіей Матери: ликъ его обращенъ къ лику Пресвятой Дѣвы. Одежда его состоитъ изъ бѣлаго хитона; поверхъ хитона наброшена узкая и короткая хламида; одинъ конецъ ея переброшенъ черезъ лѣвую руку и въ круглыхъ складкахъ волнообразно заканчивается выше колѣна. Поручи у него золотые, съ полосками; на челѣ родъ ленты, концы которой, выходя изъ-за ушей, свободно вьются въ воздухѣ. На ногахъ сандаліи; простертая правая рука нѣсколько приподнята, а въ лѣвой держитъ онъ красную лилію.

Всѣ эти три изображенія, несомнѣнно принадлежащія греческому искусству XI вѣка, хранятъ на себѣ слѣды древнѣйшихъ христіанскихъ воззрѣній. Относительно иконы Божіей Матери Нерушимой Стѣны, должно замѣтить, что подобное мозаическое изображеніе находится въ Цареградской Софіи, на Царскомъ сводѣ, надъ бывшимъ ико-

ностасомъ. Кромѣ того, оказывается, что уже въ Римскихъ катакомбахъ встрѣчались весьма близкія къ этому изображенія Божіей Матери съ воздѣтыми руками. Тоже самое должно быть замѣчено и относительно изображенія Тайной Вечери, въ которомъ двойственное изображеніе Спасителя поражаетъ наивностью художническаго замысла и переноситъ въ эпоху младенчества искусства ([47]).

Важнымъ матеріаломъ для изученія кіево-софійскихъ мозаикъ являются остатки подобныхъ же мозаическихъ украшеній на алтарной стѣнѣ церкви св. Михаила въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ. Выше (на стр. 29) мы уже упоминали о томъ, что, по справедливому предположенію археологовъ, мозаики Михайловскія были довольно близкою копіей съ Софійскихъ, тѣмъ болѣе, что и самый храмъ, «въ особенности алтарь, если не тожественны съ Софійскимъ храмомъ по размѣрамъ, то весьма сходны по плану и внѣшнимъ формамъ».

Къ сожалѣнію, однакоже, въ храмѣ Михайловскомъ мозаическія украшенія сохранились намъ только въ видѣ жалкихъ остатковъ прежняго, великолѣпнаго внутренняго устройства храма. Разрушительному вліянію времени помогла намѣреннымъ истребленіемъ древнихъ мозаическихъ украшеній и рука человѣка ([48]). Изъ многихъ алтарныхъ мозаическихъ изображеній уцѣлѣло только изображеніе Тайной Вечери, да и то не вполнѣ: южная сторона его вся осыпалась. Чрезвычайно любопытны тѣ незначительныя различія, которыя существуютъ между совершенно подобными изображеніями Тайной Вечери въ св. Софіи и въ Михайловскомъ храмѣ. Отмѣтимъ ихъ здѣсь. Во 1-хъ, надъ св. трапезою нѣтъ сѣни; во 2-хъ, ангелы держатъ рипиды такимъ образомъ, что надъ св. трапезою образуется Андреевскій крестъ; въ 3-хъ, сѣверное изображеніе Спасителя правой рукою подаетъ Апостоламъ хлѣбъ, а въ лѣвой держитъ дискосъ безъ поддонка; въ 4-хъ, южное изображеніе держитъ чашу, обвитую голубою пеленою; въ 5-хъ, ученики Спасителя представлены въ разноцвѣтныхъ одеждахъ, иные даже въ золотыхъ; въ 6-хъ,—что особенно любопытно и вѣрно—впереди престола изображенъ иконостасъ, представленный въ маломъ видѣ, очевидно за тѣмъ, чтобы не заграждать св. Трапезы и Таинства Причащенія. Посрединѣ врата раздѣляютъ этотъ иконостасъ на двѣ половины. Каждая половина иконостаса состоитъ изъ небольшихъ столбиковъ темносѣраго цвѣта; столбики эти украшены золотыми полосками, и наверху заканчиваются шариками. Между столбами — стѣны бѣлаго цвѣта съ мраморными полосами, утвержденныя на цоколѣ также темносѣраго цвѣта.

Вслѣдъ за мозаиками при описаніи Софіи Кіевской, необходимо упомянуть и о многочисленныхъ фрескахъ собора. Объемъ нашего описанія не дозволяетъ намъ говорить объ этомъ предмет

мы удовольствуемся только тѣмъ, что отмѣтимъ важнѣйшія черты фресковой живописи, уцѣлѣвшей въ св. Софіи. О числѣ фресокъ, о ихъ подраздѣленіи на одноличныя и многоличныя, о числѣ изображенныхъ на нихъ фигуръ — мы уже говорили выше. По сравненіи съ изображеніями мозаическими, важною стороною фресковыхъ изображеній является то, что ихъ стиль совершенно подобенъ общему, строго-византійскому стилю мозаикъ: тотъ же характеръ въ представленіи ликовъ, та же сухость рисунка, та же постановка фигуръ и расположеніе складокъ одежды и т. д. Ту же близость, почти тожественность фресокъ съ мозаиками указываютъ археологи и въ подробностяхъ облаченія, формѣ крестовъ, въ атрибутахъ священныхъ лицъ и въ постановкѣ отдѣльныхъ фигуръ. Все это даетъ возможность предположить, что если бо́льшая часть древнихъ фресокъ и неодновременны съ мозаическими изображеніями собора, то все же очень близки къ нимъ по времени написанія, и едва-ли не были произведеніемъ тѣхъ самыхъ мастеровъ греческихъ, которые работали надъ мозаиками. Изъ числа древнихъ фресокъ лучше всѣхъ сохранились тѣ, которыя находятся въ алтарѣ придѣла Трехъ Святителей (древняго Георгіевскаго) и, по волѣ покойнаго Императора Николая, оставлены въ первоначальномъ видѣ. При обозрѣніи Кіево-Софійскаго собора, Государь сказалъ митрополиту Филарету: «фрески эти надобно оставить безъ поновленія; потомки наши, увидѣвъ ихъ, повѣрятъ намъ, что всѣ прочіе мы поновили, а не вновь написали» ([45]).

Внимательное изученіе Кіево-Софійскихъ мозаикъ и фресокъ, въ связи съ немногими другими фресками, уцѣлѣвшими въ остальныхъ храмахъ кіевскихъ—дало возможность возсоздать и остальныя подробности церковнаго быта въ древнѣйшемъ кіевскомъ періодѣ Руси.

Внутри церквей, на стѣнахъ или въ отдѣльныхъ кіотахъ выставлялись иконы, которыя уже очень рано введено было въ обычай украшать серебромъ и золотомъ, наравнѣ съ тѣми коморами и раками, въ которыхъ почивали мощи святыхъ ([50]). Немногія изъ иконъ того времени уцѣлѣли въ Кіевѣ и дошли до насъ въ видѣ, не искаженномъ рукою позднѣйшихъ подновителей. Такихъ иконъ въ Кіевѣ извѣстно три: 1) Икона Божіей Матери Кіево-Печерской, принесенная изъ Царьграда каменоздателями, прибывшими въ Кіевъ около 1073 г., для сооруженія Великой печерской церкви, и въ этой церкви донынѣ сохраняемая въ подлинномъ видѣ. 2) Икона святителя Николая, именуемаго Мокраго, впервые прославленная чудомъ, случившимся въ дни великаго князя Всеволода I (1073—1093 гг.); нынѣ находится въ придѣлѣ Кіево-Софійскаго собора, устроенномъ на хорахъ, во имя святителя Николая. 3) Икона Божіей Матери, передъ которою молился незадолго до своей мученической кончины св. князь Игорь Ольговичъ, въ Кіевскомъ Со-

чалѣ, облачался въ саккосъ при богослуженіи, въ отличіе отъ подвластныхъ ему епископовъ, и то не всегда, а только въ нѣкоторые самые великіе праздники» ([53]).

Для дополненія картины современнаго русскаго храма XI и XII столѣтія припомнимъ весьма распространенный въ то время обычай хоронить умершихъ въ церквахъ и около церквей. Чести этой удостаивались не одни только князья, но и многія изъ частныхъ лицъ, въ особенности же тѣ, которыя усердно жертвовали на поддержаніе и поновленіе храмовъ. Такъ, напримѣръ, мы знаемъ, что въ Великой Печерской церкви, противъ самаго гроба Ѳеодосіева, похоронена была извѣстная своимъ благочестіемъ супруга Яна, тысячскаго кіевскаго, по имени Марія, при жизни Ѳеодосія бывшая его духовною дочерью. Въ лѣтописяхъ упоминается о тѣхъ *голубцахъ*, которые воздвигались надъ прахомъ князей, погребенныхъ во храмахъ,

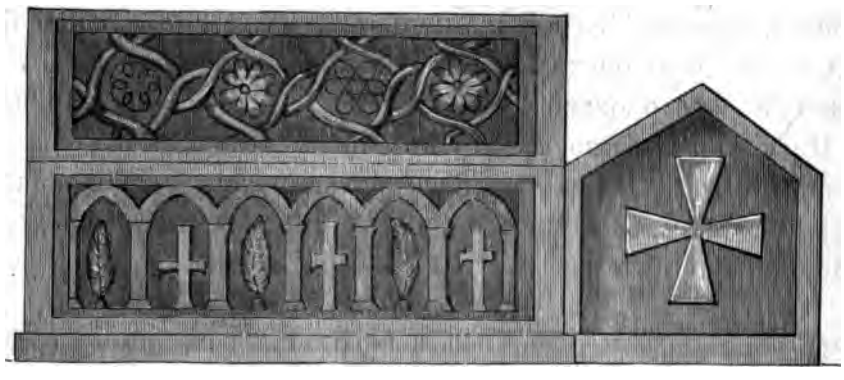


Рис. 19. Гробницы, отрытыя изъ развалинъ Десятинной церкви.

а также и о тѣхъ каменныхъ гробницахъ, въ которыя полагались многіе изъ князей. Присутствіе этихъ гробницъ въ храмахъ должно было придавать имъ нѣсколько особый характеръ, тѣмъ болѣе, что нѣкоторыя изъ нихъ, уцѣлѣшія до нашего времени, представляютъ собою памятники весьма значительные и тщательно украшенные рукою современныхъ мастеровъ.

Важнѣйшимъ въ числѣ подобныхъ памятниковъ является гробница, находящаяся нынѣ въ одномъ изъ сѣверныхъ придѣловъ Софійскаго собора (посвященномъ св. кн. Владиміру). Гробница эта, именуемая Ярославовой, помѣщается въ алтарѣ придѣла, при южной стѣнѣ его, и прислонена къ углу стѣны и выступу заднею и боковою стороною. Вся гробница сдѣлана изъ бѣловатаго мрамора съ голубоватымъ оттѣнкомъ. Она состоитъ изъ двухъ частей: нижняя представляетъ четырехстороннюю призму, а верхняя — трехстороннюю. По четыремъ угламъ верхней части гробницы находятся такіе-же

точно внутри округленные наугольники, какими древніе Греки и Римляне украшали саркофаги и оконечности фронтоновъ. Въ архитектурѣ они извѣстны подъ названіемъ *акротеровъ*. Теперь эти акротеры у гробницы Ярославовой на половину отбиты. Длина нижней части гробницы 3 аршина 6 верш., вышина $14^1/_2$ вершковъ, ширина 1 арш. 4 верш., длина верхней 3-хъсторонней призмы 3 аршина 7 вершковъ, вышина $17^1/_2$ вершковъ На лицевой сторонѣ гробницы, въ выпуклыхъ рамчатыхъ

Рис. 20. Ярославова гробница въ Кіево-Софійскомъ соборѣ.

отдѣленіяхъ, находятся выпукло-изсѣченныя изображенія крестовъ, листьевъ, деревьевъ, вѣнцевъ, птицъ и буквъ. На томъ скатѣ верхней части гробницы, который обращенъ къ сѣверной сторонѣ храма, видимъ пять рамчатыхъ отдѣленій — по бокамъ два узкихъ продолговатыхъ, а по срединѣ три квадратныхъ; въ узкихъ изсѣчены въ каждомъ по два дерева и по шести птицъ; въ ква [illegible] ѣленіяхъ — въ каждомъ по кресту съ деревьями, вино [illegible] и и рыбами.

По угламъ крестовъ изсѣчены извѣстныя греческія буквы I. XC. НІ. КА (*Іисусъ Христосъ побѣждаетъ*); на южномъ скатѣ верхней части гробницы еще примѣчены четыре греческія буквы: Ф. Х. Ф. П., истолковываемыя тамъ: *Фосъ Христосъ фаинеи пасиν—Свѣтъ Христосъ просвѣщаетъ всѣхъ*. При послѣднемъ возобновленіи собора, изъ стѣны, въ которой Ярославова гробница было прислонена, вынуто нѣсколько кирпичей, послѣдствіе чего образовалась около нея ниша, и при этомъ можно было ощупью убѣдиться въ томъ, что и на той сторонѣ гробницы находились также изсѣченныя въ мраморѣ выпуклыя фигуры.

Ярославова гробница есть не единственный древній надгробный памятникъ въ Софійскомъ соборѣ: въ первомъ отъ входа (южномъ) придѣлѣ Успенія Пресвятой Богородицы стоитъ другая подобная же гробница. Она изсѣчена изъ цѣльнаго куска мрамора, подобнаго мрамору Ярославовой гробницы; длина обѣихъ гробницъ одинакова; только ширина послѣдней нѣсколько менѣе; по бокамъ ея, точно также какъ и на Ярославовой, находятся изсѣченныя выпуклыя изображенія. Верхней части на этой гробницѣ нѣтъ, и до послѣдняго возобновленія собора она служила подставкою для раки св. мученика Маварія (*).

Подобныя же бѣлыя мраморныя гробницы съ изсѣченными на нихъ выпуклыми крестами и фигурами были отрыты изъ основанія Десятинной церкви, около которой, судя по множеству отрытыхъ костей и при нихъ различныхъ крестиковъ, нѣкогда было погребено очень много народа. При отысканіи основанія Ирининской церкви, вокругъ нея и внутри ея, а также и въ двухъ палаткахъ, пристроенныхъ съ обѣихъ сторонъ къ алтарю, найдены были многія гробницы изъ кросвалъ-мрамора, можетъ быть также княжескія (**). Кромѣ того, въ самой церкви, близъ ея алтаря, гдѣ надлежало быть правому клиросу, открыты въ большомъ числѣ усыпальницы для погребенія умершихъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ГОРОДСКОЕ НАСЕЛЕНІЕ.

Распредѣленіе кіевскаго населенія по тремъ главнымъ частямъ города.—Избранное населеніе Дѣтинца и Горы; особенности Подолья. — Главные центры городскаго управленія: дворъ Ярославовъ и дворъ митрополичій. — Общій видъ города и устройство жилищъ. — Порубъ. — Значеніе торга. — Вѣче; его устройство и обычаи.—Отношеніе населенія къ князю.—Пиры и веселья.—Характеристика Кіевлянъ.— Геройская защита Кіева отъ Татаръ.

Лѣтописи и другіе памятники Кіевскаго періода сохранили намъ довольно много свѣдѣній о жизни кіевскаго городскаго населенія. Предварительное знакомство съ топографіею древняго Кіева даетъ намъ до нѣкоторой степени возможность составить себѣ довольно ясное представленіе о распредѣленіи населенія Кіевскаго въ трехъ главныхъ частяхъ древняго стольнаго города: въ Дѣтинцѣ, на Горѣ и Подольѣ.

Дѣтинецъ, весьма не обширный по объему занимаемой имъ площади, былъ почти сплошь застроенъ монастырями, церквами и обширнымъ княжескимъ дворомъ, а потому и не могъ заключать большого числа частныхъ домовъ. Кромѣ князя, его семьи, родни и дворни, тамъ изъ частныхъ лицъ жили, сколько извѣстно, только причты церквей и монастырей, иноки, да, можетъ быть, немногіе изъ приближеннѣйшихъ къ князю дружинниковъ.

Вслѣдствіе того значенія, какое имѣлъ князь, какъ главный представитель административной власти въ Кіевѣ, и самый дворъ княжескій пріобрѣталъ значеніе высшей инстанціи, высшаго административнаго центра, въ которомъ находили себѣ удовлетвореніе всѣ нужды, высказывались всѣ потребности городскаго населенія, стекались всѣ жалобы на неправду и насилія, заявлялось все, требовавшее немедленнаго разрѣшенія или подтвержденія со стороны власти. Сюда являлись и послы князей съ письмами и привѣтами своихъ господъ

богатые гости-иностранцы съ дарами и гостинцами, смиренные игумны и приходскіе попы съ ходатайствомъ о нуждахъ своихъ обителей и церквей, вирники и мытники съ отчетами о своихъ сборахъ, смерды и холопы съ жалобами на насиліе княжескихъ тіуновъ и рядовичей, вдовы и нищіе за посильной помощью; сюда же шла и пестрая, безличная толпа людей съ сосѣдняго базара—просить суда княжескаго для разбора своихъ мелкихъ дрязгъ, ссоръ или недавней драки (**). И добръ былъ тотъ князь, который успѣвалъ всѣхъ удовлетворить, во все войти съ участіемъ и умѣніемъ, все разрѣшить по закону, не предавая людей въ руки своихъ подручниковъ.

Бо́льшая же и лучшая часть дружины княжеской помѣщалась въ болѣе просторной и болѣе новой части древняго Кіева, носившей общее названіе *Горы*. Тутъ, около св. Софіи, «митрополіи русской», жилъ митрополитъ на своемъ дворѣ; тутъ-же, судя по упоминаніямъ лѣтописца, находился и дворъ тысячскаго, и въ разныя эпохи, дворы наиболѣе извѣстныхъ, наиболѣе выдающихся дружинниковъ. Изъ другихъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ знаемъ, что эта часть города была лучше другой обстроена, болѣе всѣхъ другихъ частей богата каменными церквами и кругомъ обнесена *городомъ великимъ*, т. е. или стѣною, или землянымъ валомъ, въ которомъ было трое воротъ, съ трехъ различныхъ сторонъ, а съ четвертой, восточной, открытый проѣздъ по мосту, черезъ оврагъ, въ Дѣтинецъ. Не доѣзжая моста, на право, мимо «Глѣбова двора», дорога шла подъ гору, объѣздомъ въ тотъ же Дѣтинецъ, черезъ южныя ворота, обращенныя къ Михайловскому монастырю, и мимо Дѣтинца, на берегъ Днѣпра. Налѣво, не доѣзжая того же моста, шла съ Горы дорога оврагомъ на Подолье.

На Горѣ, занятой лучшею и наиболѣе богатой частью населенія, кромѣ улицъ, была и площадь, на столько обширная, что на нее могло быть собираемо на вѣче все населеніе Кіева. Площадь эта, вѣроятно, примыкала къ св. Софіи (около которой былъ также свой дворъ), и служила, вмѣстѣ съ тѣмъ, для цѣлей торговыхъ, послѣ того, какъ, въ 1069 году, Изяславъ «*взогналъ* торгъ на Гору», по свидѣтельству лѣтописца. Окраины Горы, около стѣнъ и за стѣнами города на западъ и сѣверо-западъ были заняты садами и огородами, и только южною и юго-западною стороною Гора примыкала къ пескамъ и дебрямъ. Среди садовъ и огородовъ, на сѣверо-западной окраинѣ Горы, около *Жидовскихъ* воротъ пріютилась и небольшая, но богатая и значительная кіевская еврейская колонія. Сюда-то, на эту отдаленную окраину города и ходилъ иногда по ночамъ Ѳеодосій Печерскій спорить съ Жидами о преимуществахъ православной вѣры.

Изъ всего, изложеннаго выше, ясно, что важнѣйшимъ ядромъ Кіева была *Гора* съ св. Софіей, съ обширнымъ торгомъ, съ дворами

тысячскаго, митрополита и важнѣйшихъ представителей княжеской дружины.

Около тысячскаго, на Горѣ, скоплялось все лучшее, избраннѣйшее населеніе Кіева, все богатое, вліятельное и значительное. Ему-же очевидно подчинены были *сотскіе* и *десятскіе*, которые стояли въ связи съ какимъ-то древнимъ, не вполнѣ яснымъ раздѣленіемъ города *на сотни*, подъ которымъ, конечно, не слѣдуетъ разумѣть *сотню* въ ея дѣйствительномъ значеніи, а только въ значеніи названія опредѣленной единицы населенія или извѣстнаго подраздѣленія его ([57]).

Какъ въ Дѣтинцѣ центромъ административнымъ являлся *дворъ княжій*, такъ и на Горѣ важнѣйшими центрами, общественной жизни и дѣятельности города являлись, съ одной стороны св. Софія и дворъ ея, а съ другой—торгъ. Дворъ св. Софіи до нѣкоторой степени могъ равняться съ дворомъ княжескимъ:—сюда тоже постоянно приходили на судъ по всѣмъ дѣламъ, подлежавшимъ суду митрополита, тутъ разрѣшались вопросы и сомнѣнія въ области религіозныхъ вѣрованій и церковнаго устава, возникавшіе въ дальнѣйшихъ концахъ обширной Руси; тутъ вѣчно толпились вдовы и сироты, нищіе и убогіе, Греки съ дальнаго Афона, слѣпцы и хромцы, чернецы и черницы, и удалые калики перехожіе въ своей крутѣ каличьей.

Торгъ, въ противуположность княжому двору и двору св. Софіи, былъ центромъ проявленія народной жизни города Кіева, во всемъ ея разнообразіи и пестротѣ. Такъ какъ торговля была главнымъ источникомъ богатства Кіевскаго и главнымъ занятіемъ мѣстнаго населенія, а самый Кіевъ—главнымъ передаточнымъ пунктомъ на древнемъ пути «изъ Варягъ въ Греки», то кіевскій торгъ и долженъ былъ представлять вѣчную ярмарку, на которую круглый годъ стекались отовсюду товары, покупались, продавались и промѣнивались, привлекая къ себѣ всѣ живыя силы мѣстнаго населенія, ватаги иногородныхъ купцовъ и иноземныхъ гостей. Тутъ Востокъ сходился съ Западомъ и Сѣверъ съ Югомъ. Болгарскій купецъ, пріѣхавшій изъ-за дремучихъ мордовскихъ лѣсовъ, выставлялъ на показъ свои безцѣнные мѣха, а Нѣмецъ — янтарь, яркія сукна и свѣтлые шеломы латинскіе; Угръ выводилъ своихъ неутомимыхъ скакуновъ и лихихъ иноходцевъ, а дикій кочевникъ, Печенѣгъ или Половецъ — продавалъ скотъ и кожи; гость Сурожанинъ, изъ Крыма — соль, дешевыя бумажныя ткани, пряности, вина и травы душистыя; богатый Грекъ византійскій — безцѣнныя паволоки, дорогія одежды, ковры и сафьяны, сосуды изъ серебра и золота, ладанъ и краски, мраморъ и мозаику. Тутъ толпились и русскіе люди: Новгородцы, Полочане, Псковичи, Смольняне, Рязанцы и Суздальцы. Тутъ же, среди гостей и куп-

[illegible], среди горя и дѣла, среди грудъ товара и праздной, шумливой толпы торговыхъ людей, сновали и Евреи, съ предложеніемъ денегъ, которыя они готовы были дать каждому торговому человѣку за 20 — [illegible]. Тутъ же, о-бокъ съ торговлей, совершались и другія отправленія городской жизни: въ одномъ углу торга купецъ или иной горожанинъ выкликалъ на всю торговую площадь о пропажѣ у него коня, оружія или чего нибудь другаго; въ другомъ концѣ — тіунъ боярскій объявлялъ [illegible] на услышаніе, о пропажѣ холопа, бѣжавшаго со двора своего господина; въ третьемъ — отроки княжескіе продавали за долги [illegible] несостоятельнаго должника (38).

[illegible] не обратить вниманія на то, что въ двухъ важнѣйшихъ [illegible] — въ Дѣтинцѣ и на Горѣ — лѣтопись, кромѣ [illegible] при нападеніяхъ непріятельскихъ, упоминаетъ только объ [illegible] на Горѣ въ [illegible] (въ 1124 г.), во время сильной за[illegible]. При [illegible] преобладаніи деревянныхъ построекъ (или [illegible] соломой и камышомъ) такое явленіе можетъ быть [illegible] только тѣмъ, что жилищное населеніе Горы и Дѣтинца не [illegible] и жило въ своихъ дворахъ широко и просторно.

[illegible] характерными является [illegible] [illegible] XI и XII [illegible] [illegible] [illegible]

Избы рубились, вѣроятно, самымъ первобытнымъ способомъ и крылись соломою. Внутри ихъ иногда не бывало даже наката, замѣняющаго потолокъ, судя по упоминанію о томъ, что воины, при избіеніи *Итларевой чади*, въ 1095 году, забравшись на верхъ избяной крыши и прокопавъ ее, могли прямо побивать стрѣлами людей, затворившихся въ избѣ и рѣшившихся на отчаянную защиту.

Особаго рода постройкою является на Кіевской Горѣ тотъ *порубъ* или *погребъ*, который замѣнялъ собою городской острогъ и помѣщался, вѣроятно, близь торга. Судя по тому, что порубъ этотъ нужно было *разметать*, для того, чтобы выпустить изъ него колодника, мы предполагаемъ, что онъ представлялъ собою нѣчто въ родѣ сруба, вкопаннаго въ землю и накрытаго невысокою кровлею или накатомъ изъ бревенъ; свѣтъ и воздухъ скудно проникали въ него, сквозь прорубленныя въ немъ оконца. Дверей въ порубѣ не полагалось. Это видно изъ того, что дружина Изяславова, совѣтуя ему въ 1068 г. убить Вячеслава, заключеннаго въ порубѣ, не предлагаетъ ему послать въ порубъ убійцъ, а только подозвать Вячеслава къ оконцу и черезъ него пронзить его мечемъ. Изъ нѣкоторыхъ свидѣтельствъ можно предположить, что проникать въ *порубъ* можно было только при помощи лѣстницы, спущенной внизъ черезъ разобранный бревенчатый потолокъ. Лѣстница эта *выволакивалась*, по минованіи нужды, изъ поруба и лежала внѣ его. Порубы устраивались и при монастыряхъ ([60]), и оберегались особыми сторожами.

Третьею, многолюднѣйшею частью Кіева, было Подолье, густо застроенное, населенное преимущественно бѣднѣйшими классами народа, рабочимъ, отчасти ремесленнымъ, отчасти торговымъ населеніемъ. По самому положенію своему низменное и топкое, заливаемое весенними разливами то Днѣпра, то Глубочицы, Подолье (и теперь не особенно чистое и благоустроенное) должно было представлять въ эту отдаленную эпоху одну изъ грязнѣйшихъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и весьма важную часть древняго Кіева. Здѣсь, въ спокойной пристани, защищаемой тогда еще существовавшею косою отъ напора Днѣпровскаго теченія, скоплялись тысячи судовъ, приходившихъ въ Кіевъ сверху и снизу для цѣлей мѣстной торговли или хотя бы проходившихъ мимо Кіева, древнимъ путемъ «изъ Варягъ въ Греки». Первыя выгружались, пользуясь удобствами низменнаго берега; вторыя останавливались, отдыхая отъ труднаго плаванія по рѣкамъ и волокамъ и, готовясь къ еще болѣе трудному переходу черезъ Днѣпровскіе пороги. Здѣсь запасались они припасами, принимали мѣстные грузы, справлялись о безопасности предстоящаго пути или выжидали каравана «Гречниковъ» (т. е. купцовъ, торговавшихъ съ Греціею), который и въ XII вѣкѣ, точно также какъ и въ X, не смѣлъ двинуться въ низовье Днѣпра иначе

какъ подъ охраною значительной военной силы, занимавшей важнѣйшіе пункты теченія рѣки и зорко наблюдавшей за хищными прибрежными кочевниками ([61]).

Лѣтопись не упоминаетъ на Подольѣ ни одной каменной церкви, а названія нѣкоторыхъ урочищъ Подолья, сохранившіяся и до настоящаго времени, такія какъ Плоское, Сырецъ, Рыбалка, Куреневка, Преварка, Гончари и Кожемяки—въ значительной степени знакомятъ насъ съ характеромъ населенія Кіево-Подолья въ XI—XII вѣкахъ и отчасти даже съ образомъ жизни его. Замѣтимъ, между прочимъ, что въ части Подолья, называемой Рыбалками и наименѣе защищенной отъ разливовъ Днѣпра, дома и теперь еще строятся на высокихъ сваяхъ; а такъ какъ все Подолье, 6 — 7 вѣковъ тому назадъ, было еще болѣе чѣмъ теперь подвержено наводненіямъ, то можно съ нѣкоторою достовѣрностію предположить, что въ большей части древняго Кіево-Подолья дома были также построены на сваяхъ. Но это ни мало не мѣшало заселенію Подолья, вызываемому потребностями, мѣстной кіевской торговли; заселеніе это происходило быстро и уже въ половинѣ XI вѣка мы видимъ населеніе Подолья очень ярко заявляющимъ о себѣ извѣстнымъ мятежемъ 1068 года. На Подольѣ, въ самомъ центрѣ торговаго движенія, видимъ мы и новгородскую божницу, около которой можетъ быть держалась колонія предпріимчивыхъ Новгородцевъ. Но едва-ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что богатѣйшіе представители торговаго сословія не жили на Подольѣ и не держали тамъ своихъ богатствъ ([62]). Подолье было, конечно, заселено низшими слоями кіевскаго населенія, которые тѣснились среди грязи и мазанокъ, вѣроятно получая свое пропитаніе отъ выгрузки и нагрузки товаровъ, отъ занятія кое-какими промыслами, мелкой торговлей и немногими ремеслами, въ родѣ кожевеннаго и гончарнаго.

На Подольѣ было и свое *торговище* у Туровой Божницы, вѣроятно однакоже не въ значеніи того *торга*, обширной торговой площади съ рядами лавокъ или отдѣльными балаганами, который былъ на Горѣ, а скорѣе въ значеніи мелкаго народнаго базара, который необходимо является въ каждой отдѣльной части большаго города: такой базаръ видимъ мы даже и въ кіевскомъ Дѣтинцѣ, около Десятинной церкви, подъ назнаніемъ *Бабина Торжка*.

Подолье, не защищенное ни положеніемъ своимъ, ни какими бы то ни было сооруженіями отъ напора враждебной стихіи, и отъ нападенія непріятеля было защищено весьма слабо—«*столпіемъ*», то есть простымъ частоколомъ, который тянулся на сѣверѣ отъ Подолья, черезъ грязи и топи, до ближайшихъ къ берегу возвышенностей. Очевидно, что защищать и оберегать Подолье было нечего, да оно и само по себѣ не представляло большой приманки для наступающаго врага,

Рис. 21. Урочища кіевскія: Щековица

который большею частью направлялъ всѣ свои усилія на *Гору*, какъ важнѣйшую и богатѣйшую часть города. Поэтому не удивительно, что Подолье составляло всегда самое слабое и больное мѣсто Кіева, что жители его охотно принимали участіе во всѣхъ городскихъ смутахъ и во всякой попыткѣ пограбить *Гору* или поживиться на чужой счетъ. Такъ напр., въ 1068 году жители Подолья, недовольные медленностью кн. Изяслава въ дѣйствіяхъ противъ Половцевъ, собрали вѣче «на торговищѣ» и пошли на *Гору* требовать отъ князя оружія и коней, чтобы биться съ врагомъ. Не получивъ желаемаго, чернь бросилась къ «порубу», высадила изъ него Всеслава, опаснаго соперника кіевскому князю и, послѣ бѣгства Изяслава и дружины его, разграбила княжій дворъ. Тоже Подолье видимъ и въ 1147 г. участвующимъ въ мятежѣ, жертвою котораго погибъ несчастный Игорь Ольговичъ. Что важнѣйшую роль въ этомъ мятежѣ играло именно Подолье, это ясно уже изъ того, что обезображенный, обнаженный трупъ Игоря былъ увлеченъ разъяренною толпою на Подолье и брошенъ тамъ на поруганіе на торговищѣ. Ясно, что онъ былъ трофеемъ дня, который толпа, несытая кровью, потащила за собою, по пути домой. Точно также и въ 1150 году, во время борьбы Изяслава противъ Юрія, мы видимъ, что населеніе Подолья помогаетъ войскамъ Юрія въ переправѣ черезъ Днѣпръ, отправляетъ къ нему насады на ту сторону Днѣпра и перевозитъ дружину его «по сю сторону въ Подолье». А подъ 1202 годомъ читаемъ въ лѣтописи извѣстіе, еще лучше характеризующее отношенія Подолья къ остальному Кіеву: «Романъ (Мстиславичъ)», говоритъ лѣтопись—«поѣхалъ поспѣшно со своими полками къ Кіеву, и *отворили Кіевляне ворота Подольскія въ Копыревѣ концѣ*, и въѣхалъ онъ въ Подолье»—и отсюда уже послалъ на Гору къ Рюрику и Ольговичамъ.

Главнымъ представителемъ городскаго населенія, какъ мы уже замѣтили выше былъ тысячскій, съ сотскими и десятскими, въ качествѣ низшихъ представителей его власти. Но эти лица, очевидно, имѣли значеніе только второстепенное, и отчасти, можетъ быть—военное, въ тѣ моменты, когда мирные граждане кіевскіе обращались въ «сильный полкъ Кіевскій», а тысячскій принималъ на себя званіе воеводы и подымалъ стягъ княжескій. Но какъ тысячскій, такъ и самъ князь должны были вполнѣ подчиняться рѣшенію *вѣча*. Вѣче, въ чрезвычайныхъ случаяхъ вѣдало интересы города: рядилось съ княземъ, если князь вступалъ на столъ кіевскій *на рядѣ*, выражало ему желанія или требованія населенія, рѣшало войну или миръ и произносило суровые приговоры надъ тѣми, кто, по общему мнѣнію, признавался врагомъ спокойствія или притѣснителемъ гражданъ. Вѣче было всюду полнѣйшимъ выраженіемъ воли народной, и его рѣшенія, произносимыя

единогласно, не допускали никакой возможности возраженія или аппеляціи.

По отношенію къ Кіеву слѣдуетъ замѣтить, что въ XII вѣкѣ вѣче кіевское уже представляется намъ принявшимъ довольно опредѣленныя, установившіяся формы. Въ этомъ смыслѣ драгоцѣнны подробности, сообщаемыя лѣтописью о нѣкоторыхъ вѣчевыхъ собраніяхъ кіевскихъ, знакомящія какъ съ характеромъ совѣщаній, происходившихъ на вѣчѣ, такъ и съ нѣкоторыми вѣчевыми обычаями. Такъ напр. мы знаемъ, что когда, по желанію Изяслава, братъ его Владиміръ Мстиславичъ, долженъ былъ въ его отсутствіи собрать вѣче, то онъ сначала «поѣхалъ къ митрополиту и позвалъ Кіевлянъ; и пришли Кіевляне—многое множество народа, и *сѣли* слушать (*) у св. Софіи. И сказалъ Володимиръ митрополиту: «вотъ прислалъ братъ мой двухъ мужей-Кіевлянъ, чтобы они молвили слово его *къ братьѣ* своей». И выступили Добрынка и Радило, и сказали, обращаясь сначала къ князю Владиміру, потомъ къ митрополиту, потомъ къ тысячскому и наконецъ ко всѣмъ Кіевлянамъ: «цѣловалъ тебя братъ (т. е. Изяславъ Володимира), а митрополиту прислалъ поклонъ, и Лазаря (тысячскаго) цѣловалъ и всѣхъ Кіевлянъ». Сказали имъ Кіевляне: «говорите, съ чѣмъ васъ князь прислалъ». Они же сказали: «такъ молвилъ князь»—и затѣмъ изложили то, что поручено имъ было Изяславомъ.

Кіевляне выслушали все, сообщенное послами, и пришли къ такому единогласному рѣшенію: «пойдемъ, будемъ биться за нашего князя и съ дѣтьми». И вдругъ «одинъ человѣкъ» сказалъ: «прежде чѣмъ идти къ Чернигову, расправимся съ Игоремъ, съ врагомъ нашимъ и (врагомъ) князя нашего: онъ у насъ здѣсь дома, въ монастырѣ св. Ѳедора... Убьемъ его, тогда и пойдемъ къ Чернигову». И этотъ одинъ голосъ перевѣсилъ все вѣче: единодушно принятое рѣшеніе было на время забыто; собраніе разстроилось и значительная доля толпы вооруженной, несмотря на воззванія многихъ, хлынула въ лѣтописецъ, чтобы тамъ отыскать и умертвить Игоря Ольговича.

Чрезвычайно важное извѣстіе объ этомъ вѣчѣ можетъ характеризовать важныя вѣчевыя собранія въ Кіевѣ. Собранное по [illegible] князя и для рѣшенія общаго для всѣхъ важнаго вопроса — это [illegible] приводило гражданъ къ единогласному рѣшенію. Но прежде, чѣмъ [illegible] общее рѣшеніе принято было въ всенародномъ «одинъ человѣкъ» [illegible] вносилъ въ вѣчевыя пренія [illegible] (при всенародномъ [illegible] голосованіи) всѣхъ кіевлянъ до одного — и всѣхъ увлекъ за собою. [illegible] что при всѣхъ вѣчевыхъ собраніяхъ одинъ голосъ все же [illegible] такъ какъ какой свободный человѣкъ имѣ

(*) [illegible]

Рис. 22. Урочища кіевскія: Кожемяки.

право подавать голосъ въ пользу любаго мнѣнія, хоть и долженъ былъ покоряться общему рѣшенію собранія.

Право собирать вѣче одинаково принадлежало и князю, и простымъ гражданамъ, хотя вѣроятно этимъ правомъ каждый пользовался съ большою осторожностію. Опредѣленныхъ сроковъ для вѣчевыхъ собраній не было. Вотъ почему и могло случиться, что вѣче не собиралось-бы по нѣскольку мѣсяцевъ сряду, и потомъ могла вдругъ явиться потребность въ двухъ-трехъ вѣчевыхъ собраніяхъ на одной и той же недѣлѣ. Но по отношенію къ мѣсту вѣчевыхъ собраній мы имѣемъ нѣсколько болѣе опредѣленныя указанія. Вѣча собирались преимущественно на дворѣ св. Софіи или на дворѣ Ярославовомъ, какъ въ двухъ важнѣйшихъ центрахъ кіевской городской жизни. Но это не исключало возможности вѣчевыхъ собраній и въ другихъ мѣстахъ Кіева — на торговищѣ или у Туровой Божницы на Подольѣ. Мы даже думаемъ, что между вѣчами кіевскими, слѣдуетъ различать— вѣча *общія*, въ которыхъ принималъ непосредственное участіе весь городъ «отъ мала до велика», и вѣча *частныя*, въ которыхъ участвовала только одна какая нибудь часть городскаго населенія, преобладало одно какое нибудь сословіе, рѣшался вопросъ, не для всѣхъ имѣвшій одинаковое значеніе. Первыя вѣча приводятъ къ важнымъ проявленіямъ народной воли, оказываютъ вліяніе на историческій ходъ событій; вторыя иногда проявляются крайностями и насиліемъ, но не надолго измѣняютъ теченіе городской жизни. Такъ напримѣръ, на вѣчѣ 1151 года, Кіевляне, рѣшаясь стоять всѣ до единаго за любимаго князя Изяслава противъ Юрія Долгорукаго, въ одинъ голосъ кричатъ на вѣчѣ: «всѣ пойдемъ на войну, кто только можетъ взять въ руки дубину (хлудъ); а если кто не пойдетъ, дайте его намъ, мы сами побьемъ его». Это, очевидно, рѣшеніе *общаго* вѣча,— настоящій *гласъ народа*. Съ другой стороны, когда въ 1113 году, по смерти Святополка Михаила, разграбленъ былъ дворъ тысячскаго Путяты и Жидовская улица—этотъ мятежъ не могъ быть явленіемъ общимъ, въ которомъ бы принимали участіе всѣ слои городскаго населенія, но легко могъ быть результатомъ *рѣшенія*, принятаго на одномъ изъ тѣхъ *частныхъ* вѣчъ, которыя собирались на торговищѣ: кто больше страдалъ отъ Жидовъ и отъ покровительства ихъ рѣзоиманію, тотъ и пошелъ грабить ихъ.

Случалось, что вѣча созывались въ Кіевѣ по волѣ князя или уполномоченныхъ имъ лицъ; но есть свидѣтельства о созваніи вѣча народомъ и противъ воли князя (1154 г.), не смотря на его присутствіе въ городѣ.

Не менѣе важны для характеристики кіевскаго вѣча и его отношенія къ князю и нѣкоторыя другія извѣстія лѣтописныя. Князь Изя-

славъ сзываетъ на вѣче бояръ, дружину и Кіевлянъ, и заявляетъ имъ о намѣреніи—пойти на дядю Юрія и на Святослава Ольговича къ Суздалю, вмѣстѣ съ Давидовичами и Святославомъ Всеволодовичемъ. «И братъ Ростиславъ прійдетъ также къ намъ на помощь со Смольнянами и Новгородцами», сказалъ Изяславъ. Кіевляне отвѣчали на это: «Князь! не ходи съ Ростиславомъ на дядю своего, лучше уладься съ нимъ; Ольговичамъ (такъ называли они союзныхъ Изяславу Давидовичей) не вѣрь и въ путь съ ними вмѣстѣ не ходи.» Изяславъ отвѣчаетъ: «нельзя: они мнѣ крестъ цѣловали, я съ ними вмѣстѣ думу думалъ; не могу никакъ отложить похода; собирайтесь.» Тогда Кіевляне сказали: «ну, князь, ты на насъ не сердись, а мы не можемъ на Владимірово племя руку подымать ([63]); вотъ если бы на Ольговичей, то пошли бы и съ дѣтьми.» Изяславъ отвѣчалъ на это: «тотъ будетъ добрый человѣкъ, кто за мною пойдетъ.» И охотниковъ набралось много; съ ними и выступилъ онъ изъ Кіева въ походъ противъ Юрія. Точно также и два года спустя, въ 1149 г., во время приближенія Юрія къ Кіеву, гдѣ сидѣлъ Изяславъ, Кіевляне говорятъ на вѣчѣ князю: «мирись съ дядей, княже, мы не идемъ.»

Изъ вышеприведенныхъ фактовъ вѣчевой жизни города Кіева выясняется довольно опредѣленно то, что городское населеніе кіевское далеко не ко всѣмъ князьямъ своимъ относилось одинаково. Многіе изъ князей оставляли въ памяти народной неизгладимые слѣды и постоянно возбуждали въ потомствѣ благодарныя воспоминанія. Такія воспоминанія были особенно тѣсно связаны съ княженіями Владиміра Мономаха и его сына Мстислава, представляющими и дѣйствительно самую блестящую эпоху кіевской исторіи. Воспоминанія эти были на столько сильны, что Кіевляне даже и любимаго ими Изяслава Мстиславича встрѣчали кликами: «ты нашъ Владиміръ, ты нашъ Мстиславъ?»

Съ глубокою признательностью относились Кіевляне къ любимымъ князьямъ своимъ и по кончинѣ ихъ. Въ лѣтописи находимъ извѣстіе о томъ, что Кіевляне «по Мономахѣ плакали такъ, какъ плачутъ дѣти по отцѣ и по матери.» Точно также и до княженія Мономахова, въ 1078 году, когда князь Изяславъ Ярославичъ былъ убитъ на Нѣжатинѣ, и тѣло его въ ладьѣ было привезено къ Городцу, то «весь Кіевъ вышелъ ему на встрѣчу; тѣло князя положили на сани, повезли ихъ на себѣ, а потомъ по городу понесли ихъ, и положили его у св. Богородицы Десятинной, въ ракѣ каменной и мраморяной.»

На сколько сочувствіе населенія городскаго выказывалось, по смерти князя, уваженіемъ къ его праху и затѣмъ почтительнымъ отношеніемъ къ его памяти, настолько же проявлялось оно при жизни, въ томъ особомъ обычаѣ общихъ угощеній князя всѣми горожанами и всѣхъ горожанъ княземъ, который составляетъ любопытную особенность

Южно-Русской городской жизни въ Кіевскій періодъ. Преимущественно богатъ извѣстіями о такихъ общихъ угощеніяхъ періодъ княженія Изяслава Мстиславича, который, какъ кажется, отличался особенною щедростью и пристрастіемъ къ широкому русскому гостепріимству. Подъ 1150 г. находимъ извѣстіе, и притомъ довольно подробное, о такомъ пиршествѣ: «Изяславъ,» по словамъ лѣтописи, «поѣхалъ отъ св. Софьи съ братьею на Ярославовъ дворъ, и Угровъ позвалъ съ собою на обѣдъ, и Кіевлянъ, и тутъ на Ярославовомъ дворѣ всѣ съ нимъ обѣдали и пребывали въ великомъ весельѣ»; тогда же, послѣ обѣда, на томъ же Ярославовомъ дворѣ, Угры устроили для потѣхи князя скачку и военныя игры на коняхъ. «И дивились Кіевляне удальству Угровъ (въ наѣздничествѣ) и выѣздкѣ коней ихъ.»

Гораздо позже, въ періодъ сильнаго упадка въ значеніи Кіева, въ 1195 г., когда мужи Всеволода Суздальскаго могли уже посадить на столъ Кіевскій Рюрика Ростиславича, встрѣчаемъ еще одно любопытное упоминаніе о томъ же обычаѣ всенародныхъ угощеній. Рюрикъ Ростиславичъ, приглашая въ Кіевъ брата своего Давида, угощалъ и дарилъ его. Давидъ отплачивалъ ему такими же дарами и угощеніями. Потомъ позвалъ онъ къ себѣ на обѣдъ монаховъ изъ всѣхъ монастырей, роздалъ имъ и нищимъ щедрую милостыню; затѣмъ особо пригласилъ Черныхъ Клобуковъ, напоилъ ихъ у себя до-пьяна и одарилъ богато. Затѣмъ Кіевляне позвали Давида на обѣдъ, «подаваючи ему честь велику и дары многіе». Давидъ не остался у нихъ въ долгу, и самъ угостилъ городъ Кіевъ обѣдомъ, на которомъ «были всѣ въ веселіи и въ любви великой».

Ознакомившись изъ предъидущаго съ фактами, характеризующими обоюдныя отношенія между княземъ и городскимъ населеніемъ въ Кіевѣ, мы должны добавить еще нѣсколько словъ для общей характеристики кіевскаго городскаго населенія, въ разсматриваемый нами періодъ (отъ начала XI до начала XIII вѣка).

Впечатлительное, подвижное, безпокойное населеніе Кіева, по самой натурѣ, свойственной южно-руссамъ, всегда принимало живѣйшее участіе въ событіяхъ своей исторической жизни. Поставленные счастливыми историческими и географическими условіями въ такое выгодное положеніе, при которомъ почти одновременно возрастало и политическое могущество, и матеріальное богатство Кіева, Кіевляне успѣли воспользоваться и довольно долгимъ періодомъ мира и внутренняго спокойствія подъ державою сильныхъ и высокоталантливыхъ князей, благодаря которымъ княжество Кіевское возрасло до высшей степени и заняло первенствующее положеніе между всѣми княжествами русскими. Сношенія съ Византіей и съ Западомъ, обогащая Кіевлянъ матеріально, въ то же время, обогащали ихъ умственно

и нравственно. Болѣе другихъ образованные, болѣе другихъ богатые Кіевляне въ концѣ XI в. и началѣ XII в. имѣли полное право гордиться древностью и значеніемъ своего роднаго города. Недаромъ Мономахъ, призывая въ 1096 г. Олега Черниговскаго на снемъ къ Кіеву, говоритъ ему: «*Кіевъ старше всѣхъ въ землѣ нашей* и тамъ-то слѣдуетъ намъ съѣхаться и *порядъ* (рядъ) между собою положить.»

Но первенствующее положеніе Кіева, по многимъ причинамъ, не могло считаться ни вполнѣ вѣрнымъ, ни прочно обезпеченнымъ. Являясь на краю земли Русской, на границѣ степи, Кіевъ, своимъ блескомъ и богатствами, одинаково привлекаетъ къ себѣ и орды дикихъ кочевниковъ, и дружины русскихъ князей, домогающихся завиднаго Кіевскаго стола. Съ одной стороны вынужденный вести постоянную борьбу со степью, съ другой вовлеченный въ нескончаемую борьбу старшей линіи Мономаховичей съ младшею,—Кіевъ быстро истощаетъ свои силы. Самое положеніе «между двухъ огней» становится наконецъ невыносимымъ и мало-по-малу начинаетъ оказывать весьма дурное вліяніе на характеръ Кіевскаго населенія. Поразительнымъ примѣромъ такого дурнаго вліянія, служитъ, конечно, весь рядъ отношеній кіевскаго населенія къ Игорю Ольговичу (1146 г.), начиная отъ самаго его вокняженія и до мученической смерти. Мы видимъ, что, послѣ смерти Всеволода Ольговича, Кіевляне заключаютъ съ Игоремъ и съ братомъ его Святославомъ очень выгодный для себя *рядъ* (условіе), и на этомъ рядѣ цѣлуютъ крестъ Игорю съ братомъ. И не смотря на это крестоцѣлованіе, Кіевляне тотчасъ-же вступаютъ въ сношенія съ Изяславомъ, и зовутъ его на столъ Кіевскій; а когда Изяславъ приближается къ Кіеву съ войскомъ, Кіевляне, сохраняя внѣшнія отношенія къ Игорю, подробно условливаются съ Изяславомъ о томъ, какъ именно измѣнятъ они Ольговичамъ въ предстоящей битвѣ, и какъ предадутъ ихъ въ руки Изяслава.

Измѣнчивость историческихъ обстоятельствъ и частые переходы власти изъ однихъ рукъ въ другія—мало-по-малу производятъ въ Кіевлянахъ шатость, чрезвычайно пагубно отзывающуюся на исторіи Кіева. Общіе интересы, общія движенія во главѣ земли Русской теряютъ всякое значеніе въ глазахъ Кіевлянъ: связь и единство дѣйствій постепенно исчезаютъ и смѣняются мелкою борьбою партій, неспособныхъ соединиться для дружнаго отпора внѣшняго врага. Вмѣстѣ съ этимъ Кіевъ, конечно, начинаетъ болѣе и болѣе утрачивать свое первенствующее значеніе въ Руси, и послѣ погрома, нанесеннаго ему въ 1169 г. войсками Андрея Боголюбскаго,—нисходитъ до второстепеннаго значенія. Съ этой поры Кіевъ не поднимается болѣе, и лѣтопись южно-русская передаетъ намъ только отрывочные факты внѣшней жизни города, почти не касаясь фактовъ его внутренней жизни, не упоминая о Кіевлянахъ. «Слышимъ о смѣнахъ и усобицахъ князей Кіевскихъ, но не

слышимъ объ участіи въ нихъ Кіевлянъ, о сильномъ полку Кіевскомъ, который нѣкогда рѣшалъ судьбу Руси, судьбу князей во время борьбы Юрія Долгорукаго съ племянникомъ! Молча и страдательно подчиняются Кіевляне всѣмъ перемѣнамъ, ничѣмъ не обнаруживая признаковъ жизни.»

Охладѣвшіе къ политическому значенію своего города и княжества, равнодушные къ княжескимъ усобицамъ, они, въ 1202 году, безъ борьбы впускаютъ къ себѣ Романа Мстиславича, который заставляетъ кіевскаго князя Рюрика и Ольговичей, сидѣвшихъ въ Кіевѣ, цѣловать себѣ крестъ; а въ слѣдующемъ 1203 году, Рюрикъ и Ольговичи берутъ Кіевъ и, не имѣя возможности заплатить за услугу наемнымъ Половецкимъ полчищамъ, отдаютъ имъ Кіевъ на трехъдневное разграбленіе. «И сотворилось великое зло въ Русской землѣ!« — восклицаетъ лѣтописецъ, — «такое зло, какого зла отъ крещенія не бывало надъ Кіевомъ!» Взяли Половцы не только Подолье, но и Гору, и митрополью св. Софью разграбили, и Десятинную св. Богородицу, и монастыри всѣ, и св. иконы ободрали, а другія унесли, и кресты честные, и сосуды священные, и книги, и одежды блаженныхъ первыхъ князей, которыя были повѣшены ими въ церквахъ на память о себѣ!» Сверхъ того Половцы забрали много полону, и пощадили только иностранныхъ купцовъ, которые заперлись по церквамъ, вѣроятно, намѣреваясь мужественно отбиваться; Половцы вступили съ ними въ переговоры и выпустили ихъ на свободу, взявъ съ нихъ, въ видѣ выкупа, половину ихъ имущества.

Это страшное опустошеніе нанесло послѣдній ударъ матеріальному благосостоянію и политическому значенію Кіева. Но, при нашествіи Татарскомъ, въ 1240 г., еще разъ яркимъ лучемъ вспыхнулъ древній духъ героизма, нѣкогда оживлявшій Кіевлянъ. Живыми чертами описываетъ лѣтопись послѣднія минуты гибели Кіева, раздавленнаго тяжкой силою наступившихъ на него Монголовъ.

«Пришелъ Батый къ Кіеву», говоритъ лѣтописецъ, «и *остолпила* его сила татарская, и не могли разслышать другъ друга въ городѣ Кіевляне отъ скрыпа телѣгъ татарскихъ, ревѣнія верблюдовъ ихъ и ржанія ихъ конскихъ табуновъ... И поставилъ Батый къ городской стѣнѣ *пороки* (стѣнобитныя орудія), со стороны дебрей, около Лядскихъ воротъ. Били пороки день и ночь, и пробили стѣны; и взошли тогда гражане на остатки стѣнъ, и тутъ-то надо было видѣть какъ ломались копья и какъ трещали щиты, а стрѣлы омрачали свѣтъ! Когда Дмитрій (бояринъ, которому Даніилъ поручилъ защиту Кіева) былъ раненъ, Татары влѣзли на стѣны и отъ утомленія сѣли отдыхать на нихъ. Наступила ночь, и въ теченіи ея граждане успѣли воздвигнуть новыя стѣны около святой Богородицы Десятинной. Поутру и сюда подсту-

пили Татары и поднялась великая битва. А между тѣмъ церковь переполнилась людьми, искавшими въ ней спасенія; они взобрались на полати церковныя вмѣстѣ съ имуществомъ своимъ,—и рухнули подъ ними отъ тягости церковныя стѣны, и такъ взятъ былъ городъ врагами мѣсяца декабря въ 6 день, на память св. чудотворца Николая».

Такъ, среди славной борьбы палъ древній стольный Кіевъ, чтобы много вѣковъ спустя возникнуть вновь изъ своихъ краснорѣчивыхъ развалинъ, и выдержать новую, тяжкую, кровавую борьбу, но уже не съ Востокомъ, а съ Западомъ,—борьбу за возсоединеніе съ Русскимъ сѣверо-востокомъ, за право жить одною жизнью и вѣровать одною вѣрою со всею остальною Русью.

ВЛАДИМІРЪ-СУЗДАЛЬ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

ВЛАДИМІРСКОЕ КНЯЖЕСТВО И ЕГО ДРЕВНѢЙШІЕ ОБИТАТЕЛИ.

Устройство поверхности и почва княжества.—Обиліе лѣсовъ.—Важнѣйшія рѣки Владиміро-Суздальскаго края и ихъ значеніе для торговли.—Древнѣйшіе обитатели края и славянская колонизація.—Слѣды историческихъ наслоеній въ мѣстныхъ городищахъ и курганахъ.—Археологическія изслѣдованія, знакомящія насъ съ подробностями быта древнихъ Мерянъ.

Въ половинѣ XII вѣка, когда усобицы княжескія были въ самомъ разгарѣ, а борьба со степью становилась для Кіева болѣе и болѣе опасною и тяжкою, значеніе Кіева стало замѣтно падать, а русская историческая жизнь—принимать иное направленіе, искать себѣ другаго центра, болѣе обезпеченнаго отъ внѣшнихъ враговъ, менѣе заманчиваго для враговъ внутреннихъ и ближе лежащаго къ остальнымъ окраинамъ обширной Руси, успѣвшей уже широко раскинуть свои области на сѣверъ и сѣверо-востокъ нынѣшней европейской Россіи.

Такимъ новымъ центромъ для Руси явилось Владиміро-Суздальское княжество, съ стольнымъ городомъ Владиміромъ—послѣднимъ изъ дѣтищъ «матери городовъ русской». Княжество это лежало за дремучими лѣсами, за глухими дебрями, въ углу, образуемомъ Окою при впаденіи въ Волгу, на мѣстѣ древнихъ поселій богатой и промышленной Мери. На первый взглядъ должно конечно показаться страннымъ, что эта отдаленная область, суровая по климату, уже такъ рано успѣла возвыситься до возможности тягаться и въ богатствѣ, и въ значеніи съ роскошно-одаренными природою областями нашего юга и юго-запада. Но при болѣе внимательномъ изученіи географическихъ и топографическихъ условій Владиміро-Суздаль-

ской области, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что, не смотря на всю внѣшнюю, видимую непривлекательность, эти условія заключали въ себѣ много такого, что должно было явиться неоспоримымъ задаткомъ прочнаго благосостоянія для княжества и основаніемъ для развитія его политическаго могущества въ будущемъ. Разсмотримъ эти условія.

На сѣверо-западѣ княжества видимъ Ростовъ и Суздаль, а на юго-востокѣ Муромъ,—древніе, насиженные центры обширныхъ и богатыхъ поселеній двухъ финскихъ племенъ—Мери и Муромы. Племена эти, благодаря воднымъ системамъ Оки и Волги, уже очень рано вошли въ торговыя сношенія съ Востокомъ и Сѣверомъ черезъ посредство Волжскихъ Болгаръ, и съ норманнскимъ Западомъ, черезъ Новгородъ. Рано вступили эти финскія племена въ тѣсную связь съ племенами славянскими, такъ что уже и въ IX вѣкѣ за-одно съ ними принимали участіе въ общихъ движеніяхъ русскаго Сѣвера, подобныхъ, напримѣръ, призванію князей, или походамъ кіевскихъ князей противъ Грековъ. Пользуясь удобствами водныхъ путей, Ростовско-Суздальская область вскорѣ явилась важнымъ связующимъ звеномъ торговаго движенія, шедшаго съ юга на сѣверо-востокъ и съ востока на западъ. Кіевъ могъ сноситься съ Поволжьемъ только черезъ посредство Ростовско-Суздальской области, и самый Новгородъ стоялъ въ зависимости отъ Ростова и Суздаля, зорко-сторожившихъ пути къ хлѣбородному Поволжью. Такое выгодное географическое положеніе, дѣлавшее Ростовско-Суздальскую область складочнымъ центромъ сильнаго торговаго движенія, должно было современемъ обусловить и политическое значеніе этого далекаго уголка древней Руси.

Сынъ Мономаха, Юрій, которому далекая и непривѣтная область досталась въ удѣлъ, съумѣлъ оцѣнить по достоинству ея значеніе и богатство. Продолжая, по примѣру отца, укрѣплять связь Суздальской области съ остальною Русью, онъ передвинулъ Переяславль отъ озера Клещина на новое мѣсто, построилъ среди плодоносной равнины, между Суздалемъ и Переяславлемъ, новый городъ, Юрьевъ Польскій, на р. Колокшѣ, и какъ этотъ городъ, такъ и Владиміръ—украсилъ новыми зданіями. Но безпокойный и тщеславный князь Юрій, выросшій на Югѣ, бывалъ только временнымъ гостемъ въ Суздалѣ:—его манилъ блескъ великокняжескаго престола, ему не жилось на суровомъ Сѣверѣ, и всѣ его помыслы были связаны съ страстнымъ, упорнымъ желаніемъ упрочить за собою и своимъ родомъ престолъ Кіевскій. Но не такъ думалъ сынъ его Андрей, выросшій на сѣверѣ и рано успѣвшій привязаться къ своей родинѣ. Прискучивъ долгою борьбою отца съ племянниками и братьями за великое княженіе—борьбою, въ которой на долю Андрея выпала такая видная роль — Андрей Юрьевичъ,

по вокняженіи отца въ Кіевѣ, рѣшился удалиться на родной суздальскій Сѣверъ и остаться тамъ навсегда. Ему-то и обязано Владимірское княжество основаніемъ своего могущества.

Для ближайшаго ознакомленія съ топографическими условіями Владиміро-Суздальскаго княжества, необходимо припомнить, что оно занимало значительную часть обширной низменной долины, которая, начинаясь отъ средины алаунской возвышенности, идетъ на югъ, по склону ея, постепенно и равномѣрно понижаясь, до Клязьмы, и за нею далѣе, до г. Нижняго. «По ту сторону Оки, край этой долины, постепенно подымаясь, образуетъ рядъ возвышенностей, восходящихъ, параллельно Окѣ, до самаго ея истока; тамъ, наконецъ, эти возвышенности входятъ въ составъ цѣпи довольно высокихъ холмовъ, которые отдѣляютъ истокъ Оки отъ Десны и Сейма и вліяютъ въ значительной степени на рѣзкое различіе между климатомъ Украйны и сопредѣльныхъ съ нею мѣстностей внутренней Россіи» ([64]).

Долина, по склону которой простиралось Владиміро-Суздальское княжество, съ юга, запада и сѣвера наклоняется на востокъ. Возвышенности, окаймляющія долину, даютъ направленіе главнымъ рѣкамъ княжества: юго-восточная — Окѣ, западная — Клязьмѣ, сѣверо-восточная—лѣвымъ притокамъ Клязьмы: Уводи, Тёзѣ и Луху.

Наиболѣе возвышенными, какъ уже ясно изъ предшествующаго описанія, оказываются—сѣверо-западный и юго-восточный углы княжества, въ особенности послѣдній, въ которомъ цѣпь возвышенностей (такъ называемыя Перемиловскія горы) подходитъ къ самой Окѣ и составляетъ крутой нагорный берегъ ея до самого устья. Остальная часть территоріи княжества представляетъ собою довольно ровную, а мѣстами даже и низменную поверхность, пересѣченную посрединѣ лишь весьма незначительною грядою высотъ, раздѣляющихъ бассейнъ Клязьмы отъ бассейна Оки. Западная часть княжества, какъ справедливо предполагаютъ, никогда не была покрыта лѣсами и уже издревле представляла годныя для обработки черноземныя пространства. Этимъ свойствомъ почвы и объясняется доселѣ удержавшееся (и вѣроятно весьма древнее) названіе этой части княжества *Опольщиной*, въ смыслѣ окраины, занятой полемъ, въ противоположность остальному пространству княжества, поросшему дремучими лѣсами. Въ этомъ-же смыслѣ городъ Юрьевъ, построенный въ этой части княжества, получилъ названіе *Польскаго*, т. е. лежащаго не среди лѣсовъ, а среди *поля*.

Часть княжества отъ Владиміра къ Юрьеву, съ глинистою почвою, мѣстами прикрытой черноземомъ, съ очень рѣдкими и небольшими лѣсами, пересѣченная рѣками, текущими въ высокихъ и обрывистыхъ берегахъ, представляетъ нѣсколько плодоносныхъ оазовъ. Но за то остальная, бо́льшая часть княжества, въ особенности югъ и востокъ

его, состоящіе изъ обширныхъ песчаныхъ пространствъ, поросшихъ дремучими лѣсами, въ перемежку съ полосами скудной хрящеватой почвы, изобилующей топями и болотами—оказывались совершенно негодными къ земледѣлію и, вѣроятно, уже очень рано стали обращать населеніе къ занятіямъ промыслами и торговлею. Доселѣ еще уцѣлѣвшіе лѣса Владимірской губерніи, такіе, какъ *Рожновъ боръ*, какъ *Общій* или *Красный боръ*, непрерывно захватывающіе пространства въ полтораста и болѣе верстъ—свидѣтельствуютъ о томъ чрезвычайномъ обиліи лѣсовъ, которое нѣкогда составляло отличительную черту всего сѣверовостока Руси, а въ особенности Московскаго, Рязанскаго и Суздальскаго княжествъ. Громкая слава дремучихъ лѣсовъ муромскихъ, еще въ прошломъ вѣкѣ служившихъ убѣжищемъ для всякаго рода бродягъ и разбойниковъ, дожила и до нашего времени; судя по тому, что представляли собою эти лѣса еще въ концѣ прошлаго и въ началѣ нынѣшняго вѣка, можно вообразить, каковы они были шесть-семь вѣковъ тому назадъ. Любопытнымъ напоминаніемъ о необычайной лѣсистости далекой суздальской области въ XI — XII вѣкахъ являются тѣ прозвища, которыя придавались современниками возникавшимъ въ этой мѣстности новымъ городамъ, одноименнымъ съ городами южной Руси: такъ Переяславлю и Владиміру придано было названіе *залѣсскихъ* городовъ, т. е. лежавшихъ *за лѣсами*, въ отличіе отъ Владиміра «Волынскаго» и Переяславля «Русскаго».

Сохранились и другія важныя современныя свидѣтельства о томъ, каковы были лѣса, покрывавшіе Владимірское княжество и ограждавшіе его отъ хищности внѣшнихъ враговъ. Судя по лѣтописи Суздальской, можно видѣть, что въ концѣ XII вѣка не только непріятельскія, но даже и свои, мѣстныя войска способны были въ этихъ лѣсахъ заблудиться. Такъ читаемъ въ лѣтописи суздальской: «между тѣмъ какъ Михалко съ братомъ Всеволодомъ и съ Володимиромъ Святославичемъ шли къ Москвѣ 1176 г. ([65]), Володимирцы выѣхали имъ на встрѣчу»...; «услыхали объ этомъ Мстиславъ (Ростовскій) и Ярополкъ (Владимірскій), посовѣщались съ дружиною своею и повелѣли Ярополку съ полкомъ его—идти противъ Михалка»... «и Божіимъ промысломъ *разминулись* (обѣ рати) въ лѣсахъ, и Михалко съ Москвы поѣхалъ ко Володимиру, а Ярополкъ инымъ путемъ вышелъ къ Москвѣ». Если подобныя случайности были возможны для мѣстныхъ ратей, то еще болѣе препятствій должны были встрѣчать въ суздальскихъ и муромскихъ дебряхъ заходившіе въ нихъ непріятели, которые на каждомъ шагу могли ожидать или засадъ, «изнезапа» выступавшихъ «изъ-загорья», или нападенія въ тылъ. Дремучіе лѣса и бездорожье Суздальской области представляли собою такія непреодолимыя препятствія для нападающаго, что даже и храбрѣйшіе противники

пугались ихъ и не дерзали вступать въ Суздальскіе предѣлы, не обезпечивъ себя помощью со стороны мѣстныхъ князей и дружинъ. Самъ Мстиславъ Удалый, безстрашный герой Липицкой битвы, живымъ словомъ укрѣпляя передъ началомъ боя храбрыхъ Новгородцевъ и Смольнянъ, напоминаетъ имъ, что они «пришли въ землю сильную».

И дѣйствительно, самая природа дѣлала изъ этой «сильной земли» нѣчто въ родѣ неприступной крѣпости, въ которую стоило только заманить непріятеля и потомъ можно было спокойно, даже не вступая съ нимъ въ битву, ожидать, какъ выберется онъ изъ этой страшной западни лѣсныхъ чащей. На такомъ выжиданіи, въ большей части случаевъ, строилась вся тактика суздальскихъ и владимірскихъ князей, которые, кромѣ того, отлично умѣли пользоваться мѣстностью своего княжества, при первомъ объявленіи войны «засѣкая пути и рѣки», и выбирая позиціи для укрѣпленныхъ становъ своихъ на высотахъ, поросшихъ лѣсомъ.

Загражденіе рѣкъ засѣками было особенно важно въ томъ краю, гдѣ рѣки въ ту отдаленную эпоху (XII — XIII в.) представляли собою единственные безопасные и удобные пути сообщенія. Лучшимъ доказательствомъ того, что водяной путь искони предпочитался всѣмъ остальнымъ въ лѣсистыхъ мѣстностяхъ Владиміро-Суздальской и Ростовской области служитъ, конечно, то, что уцѣлѣвшіе до нашего времени остатки древнихъ поселій — городища и курганы—разсѣяны по берегамъ рѣкъ и озеръ ([66]). И не смотря на то, что великое обиліе лѣсовъ въ значительной степени способствовало питанію цѣлой системы рѣкъ и рѣчекъ, которыя въ настоящее время существуютъ только въ памяти народной—главными путями сообщенія и движенія торговли были, конечно, три и доселѣ еще судоходныя рѣки Владимірскаго края: Ока, Клязьма и Тёза.

Особенно важна была Ока, пересѣкавшая юго-восточный уголъ княжества и протекавшая въ немъ на пространствѣ около 200 верстъ. При значительной ширинѣ (въ 250—300 саженъ), она течетъ извилисто, то образуя большіе полуострова, то развѣтвляясь на многіе рукава, огибающіе рядъ островов, заграждающихъ середину русла. Обширные весенніе разливы Оки, захватывая пространство въ 7 — 10, даже 15 верстъ, поддерживаютъ на берегахъ ея роскошные луга, а когда спадетъ вода—образуютъ по прибрежьямъ обильныя рыбою заводи и озера. До впаденія въ Оку рѣки Ушны, лѣвый берегъ Оки является нагорнымъ, а правый покрытъ песками, болотами и лѣсомъ. Здѣсь-то, на самомъ высокомъ мѣстѣ лѣваго берега, стоитъ, красуясь, древній городъ Муромъ. Тотчасъ за Муромомъ лѣвый берегъ начинаетъ понижаться и за рѣкой Ушной становится совершенно ровнымъ; но за

то здѣсь подходятъ къ самому правому берегу Перемиловскія горы и дѣлаютъ его нагорнымъ до самаго устья.

Еще болѣе важною и въ экономическомъ, и въ стратегическомъ отношеніи для древняго Владиміро-Суздальскаго княжества являлась Клязьма, протекавшая съ юго-запада на востокъ черезъ все княжество и посредствомъ системы своихъ притоковъ установлявшая тѣснѣйшую связь между отдаленнѣйшими его окраинами. На лѣвомъ, нагорномъ берегу Клязьмы основался и стольный городъ княжества; на ней и теперь еще лежатъ важнѣйшіе промышленные центры губерніи (Ковровъ, Вязники и Гороховецъ).

Важнѣйшимъ изъ притоковъ Клязьмы является Тёза, теперь незначительная, хотя и судоходная, рѣчка, нѣсколько вѣковъ тому назадъ протекавшая дремучими лѣсами, покрывавшими оба ея берега. Въ одномъ изъ актовъ конца XVII в., Шуяне, ходатайствуя передъ властями объ уничтоженіи на Тёзѣ мельничныхъ плотинъ, преграждавшихъ путь судоходству, упоминаютъ, между прочимъ, о томъ, что «струговой-де ходъ былъ по Тёзѣ изъ Шуи до р. Клязьмы изстари, во всѣ понизовые города до Астрахани... ([67])»

По этимъ-то главнымъ воднымъ путямъ шло все торговое движеніе княжества съ Волги и на Волгу; по нимъ спускались внизъ «въ стругахъ, учанахъ и насадахъ» грозныя рати Владимірскихъ князей— воевать Болгарскую землю и заносить на Волгу первые русскіе поселки. По этимъ же самымъ путямъ, вѣроятно, двигалась въ древности первоначальная славянская колонизація, не одновременно и не вдругъ, а медленно и постепенно заселявшая Ростовско-Суздальскую, Владимірскую и Муромскую области. Писанные памятники не сохранили намъ никакихъ свидѣтельствъ ни о направленіи, которое избирала эта колонизація, ни о первыхъ шагахъ ея. Древній лѣтописецъ нашъ, относительно далекаго Ростовско-Суздальскаго края, довольствуется только тѣмъ, что очень кратко упоминаетъ о жившихъ въ этомъ краѣ инородческихъ (финскихъ) племенахъ: «на Ростовскомъ озерѣ (живетъ) *Меря*»,—замѣчаетъ лѣтописецъ,—«и на Клещинѣ озерѣ *Меря-же*; а по Окѣ рѣкѣ, гдѣ она потечетъ въ Волгу (т. е. въ ея низовьяхъ), живетъ *Муроме*, особый (отъ Мери) народъ».

Археологическія изслѣдованія, производившіяся въ указанныхъ лѣтописцемъ мѣстностяхъ (1851—54), подтвердили существованіе въ нихъ, въ эпоху, предшествовавшую XI вѣку, большаго финскаго племени, оставившаго въ курганахъ массу вещественныхъ памятниковъ своего быта, а въ названіяхъ мѣстныхъ урочищъ и поселій — память о своемъ народномъ имени и отдаленные отголоски своего языка. Названія поселій въ родѣ: *Унимерь*, *Ючмерь*, *Тимерево*, *Чамерево*, *Мермерины* и просто *Меря*—очевидно ведутъ свое начало отъ нѣкогда обитавшей здѣсь

финской *Мери*; о ней же напоминаетъ и древнее наименованіе восточной стороны Переславскаго уѣзда, *Мерскимъ* станомъ, удержавшееся до XVI вѣка въ нашихъ старинныхъ актахъ. Кромѣ того, въ ряду названій населенныхъ мѣстъ, на пространствѣ отъ озера Переславскаго къ Суздалю, нельзя не отмѣтить многихъ именъ, очевидно заимствованныхъ у финскаго племени: *Брембола*, *Кїучеръ*, *Пинагоръ*, *Юкша*,

Рис. 23. Серьги, гривны и ожерелья, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

Шухра, *Тума*, *Кистышъ*, *Кибалъ* — звучатъ не по славянски, точно также, какъ названія большей части рѣкъ того-же края, въ родѣ: *Векса*, *Пекша*, *Колокша*, *Иргизъ*, *Кукса*, *Урда*, *Шума*, *Кестра*, *Уршма*.

Такимъ же точно образомъ, въ юго-западномъ углу княжества, на Окѣ и въ при-Окской мѣстности, названія рѣкъ, урочищъ и селеній,

вмѣстѣ съ названіемъ самаго города Мурома, подтверждая слова лѣтописца, указываютъ на то, что здѣсь также жило финское племя *Мурома*. Къ сожалѣнію, до настоящаго времени курганы Муромскаго, Меленковскаго и Гороховскаго уѣздовъ еще не изслѣдованы археологами, и мы не имѣемъ такихъ данныхъ о бытѣ Муромы, какія добыты раскопками по отношенію къ быту Мери. Однако же, факты другаго рода служатъ доказательствомъ того, что нынѣшнее, чисто русское населеніе края живетъ на территоріи, нѣкогда принадлежавшей финскому племени. Прямымъ подтвержденіемъ этого предположенія служатъ названія селеній, въ родѣ: *Матмасъ*, *Пурока*, *Чіуръ*, *Дудоръ*, *Нармачъ*, *Цыкулъ*, *Нитуръ* — или въ родѣ: *Кутра*, *Марца*, *Юнда*, *Чуца* и т. д., попадающіеся въ недальнемъ отъ Мурома разстояніи ([68]).

Въ противоположность вышеуказаннымъ фактамъ— вся средняя и сѣверная часть нынѣшней Владимірской губерніи, а равно и ближайшія къ Ростову и къ Мурому мѣстности, полны чисто-славянскихъ названій. Не указываетъ-ли это прямо на то, что эти мѣстности издавна были заселены славянскими поселенцами, которые, вѣроятно, уже ранѣе X вѣка овладѣли нѣкоторыми важнѣйшими и выгоднѣйшими пунктами финскихъ поселій въ Ростово-Суздальскомъ краѣ. Когда именно заселилась Славянами мѣстность около Владиміра,—это было бы очень трудно опредѣлить въ настоящее время; но, принимая въ соображеніе уже извѣстныя намъ географическія условія Владимірскаго края, въ связи съ нѣкоторыми историческими указаніями, можно прійти къ тому заключенію, что колонизація края Славянами могла происходить одновременно по нѣсколькимъ направленіямъ. Исходя изъ того, что главный центръ Мери, озеро Клещино и городъ Ростовъ—уже изстари назывались именами славянскими, прійдемъ къ возможности предположить, что отсюда прежде всего стала проникать славянская колонизація внутрь края. Съ другой стороны, превосходное положеніе гор. Мурома на высокомъ, привольномъ мѣстѣ, съ котораго по рѣкѣ открывался путь во всѣ стороны—также должно было очень рано привлечь Славянъ къ этому центру области, нѣкогда заселенной Муромою. Славянскія названія урочищъ и поселій въ ближайшихъ къ Мурому окрестностяхъ, заставившія забыть о прежнихъ финскихъ названіяхъ, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что славянскій элементъ утвердился здѣсь рано, оттѣснивъ отъ этого важнаго пункта финскую Мурому въ лѣса и болота праваго берега Оки. Недаромъ изъ муромскаго с. Карачарова выводитъ русская народная поэзія главнаго своего героя—богатыря Илью-Муромца.

Позднѣе всѣхъ другихъ мѣстностей Владимірскаго края, славян-

ская колонизація, вѣроятно, должна была овладѣть теченіемъ Клязьмы, на которомъ и основала Владиміръ — сначала младшій изъ городовъ Владимірскаго края, а впослѣдствіи славный стольный его городъ. Проникнуть на Клязьму черезъ ея верховье Славяне не могли, потому что сторона тамъ была совсѣмъ глухая. Изъ старинныхъ актовъ узнаемъ, что даже и гораздо позже, почти до начала XVIII в., путь изъ Москвы ко Владиміру пролегалъ черезъ Юрьевъ на Суздаль, а оттуда направлялся по правому нагорному берегу Нерли ([69]). Точно также не могли проникнуть Славяне на Клязьму и черезъ предѣлы Рязанской земли:— здѣсь и теперь еще залегаютъ пески, лѣса и болота. Остается, слѣдовательно, предположить только одно, а именно, что славянская колонизація могла прочно основаться на Клязьмѣ только тогда, когда, съ одной стороны, утвердилась на прибрежьяхъ Оки, а съ другой—заняла уже пространство отъ Ростова къ Суздалю ([70]). Позже всѣхъ остальныхъ заселился, вѣроятно, сѣверо-восточный уголъ Владимірскаго края. Относительно его не мѣшаетъ замѣтить, что мѣстныя преданія выводятъ населеніе этого угла съ далекаго сѣвера, а сличеніе народныхъ обычаевъ, повѣрій и говора въ значительной степени подтверждаетъ эти преданія ([71]).

Все, высказанное нами выше о путяхъ, которыми шла во Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ славянская колонизація, представляетъ собою только рядъ предположеній. Древнѣйшая исторія края все еще остается очень темною и, вѣроятно, долго еще не будетъ написана, потому что разрѣшеніе многихъ представляемыхъ ею трудныхъ вопросовъ принадлежитъ будущему русской археологической науки, для которой Владимірская губернія и смежныя съ нею мѣстности Ярославской, Костромской, Рязанской и Нижегородской —представляютъ обширное поприще. Древніе городища и курганы, начинаясь выше Владиміра, идутъ по направленію къ Ярославской губерніи и, чередуясь между собою, являются въ изобиліи разсѣянными по уѣздамъ Владимірскому, Суздальскому, Шуйскому, Ковровскому, Юрьевскому и Переславскому. Другая цѣпь кургановъ начинается въ Муромскомъ уѣздѣ и черезъ Гороховскій уѣздъ идетъ въ Нижегородскую губернію. Всѣ эти курганы, извѣстные во Владимірской и Ярославской губерніи подъ названіемъ *могилъ*, *могилицъ*, *пановъ*, *панковъ* и даже просто *бугровъ*—принадлежатъ разнымъ эпохамъ и разнымъ народностямъ. Между тѣмъ какъ одни изъ нихъ, при ближайшемъ изслѣдованіи, оказываются относящимися къ отдаленнѣйшей эпохѣ, предшествовавшей IX вѣку, и заключаютъ въ себѣ драгоцѣнные остатки быта древней Мери, другіе, по самымъ прозваніямъ своимъ, такимъ, какъ *Волотъ* или *Турданъ*—намекаютъ на давно-забытыя преданія о какихъ-то темныхъ народныхъ богатыряхъ; третьи, напротивъ того, ясно указываютъ на эпоху татарщины (какъ напр.,

Батыевъ курганъ), или на еще болѣе близкую къ намъ эпоху смутнаго времени, какъ напр. «Ляховскія могилицы» (въ Ковровскомъ уѣздѣ) или «Пановы могилы» (въ Юрьевскомъ уѣздѣ). Наконецъ, многіе изъ насыпныхъ холмовъ представляютъ собою просто остатки старинныхъ, еще недавно покинутыхъ селищъ; таковъ напр., большой холмъ близь с. Краснаго, въ окрестностяхъ Владиміра, на мѣстѣ прежде бывшаго монастыря Ѳеодоровскаго. Въ немъ и до сихъ поръ, даже и при самой поверхностной раскопкѣ, добываются изъ земли узорчатыя кафли, слюда, разные глиняные сосуды, бѣлые надгробные камни съ надписями и т. д.

Нѣкоторые изъ подобныхъ насыпныхъ холмовъ, при внимательномъ и толковомъ изслѣдованіи ихъ, могутъ, въ значительной степени, служить къ разъясненію мѣстной исторіи края въ разныхъ ея періодахъ, начиная отъ древнѣйшихъ и до позднѣйшихъ временъ. Такою именно живою археологическою лѣтописью Суздальскаго края явилась раскопанная П. С. Савельевымъ «Александрова гора», на восточномъ берегу Переславскаго озера. Почтенный археологъ трудился надъ разслѣдованіемъ этой замѣчательной насыпи въ теченіе двухъ лѣтъ (1853—54). Гора Александрова была, для этой цѣли, срѣзана на пять сажень глубины до песчанаго ея грунта; разрѣзъ показалъ ясно, что вся гора была насыпная, и обнаружилъ нѣсколько слоевъ древностей различныхъ эпохъ. «На самомъ материкѣ, на пескѣ найдены куфическія монеты Аббасидовъ и Саманидовъ (859—900), вмѣстѣ съ слоемъ жженыхъ углей, въ которомъ сохранились черепки отъ разбитыхъ горшковъ, небольшіе ножи, ключъ и желѣзныя пряжки, точно такой же формы, какъ находимыя въ окрестныхъ курганахъ. Слѣдующій слой былъ изъ углей, потомъ шелъ слой изъ кирпичей и углей, а еще выше другой слой изъ щебня, въ которомъ также найдены ножи». Савельевъ предполагалъ, что христіанство, проникнувъ сюда, усердно истребляло огнемъ слѣды язычества. «На мѣстѣ сожженнаго капища возникла православная церковь, слѣды которой обозначились полосою щебня и найденными около нея могилами христіанскаго періода. Рядомъ съ ними, въ томъ же слоѣ, сохранились указанія на истребленіе христіанскаго храма бусурманами:—татарскія монеты Джанибека-хана (около 1350 г.), стрѣлы и кинжалъ. Тутъ же найденъ былъ серебряный слитокъ, или гривна, вѣсомъ въ 42 золотника». Дальнѣйшія слои горы указывали на то, что «грозные татары удалились, опустошивъ край, а православіе воздвигло на той же горѣ новый храмъ, и слѣды новой постройки обозначились новымъ слоемъ остововъ, съ тѣльными крестами, съ могильными плитами и денежками Іоанна III. Храмъ этотъ, въ свою очередь, разрушился отъ времени или несчастныхъ событій, и надъ нимъ воздвигся монастырь,

обнесенный деревянною оградою съ шестью круглыми башнями, отъ которыхъ сохранились основанія (*). Вещи, найденныя въ этомъ слоѣ, бо́льшею частью относились къ монастырскому быту, и оказались довольно важными для русской археологіи, въ смыслѣ ознакомленія съ формами и стилемъ русскихъ издѣлій XV и XVI вѣка. Особенно многочисленны были среди находокъ издѣлія костяныя (кресты, гребни, стрѣлы, иглы), которыми, повидимому, занимались иноки древней обители. На самое время существованія обители довольно по-

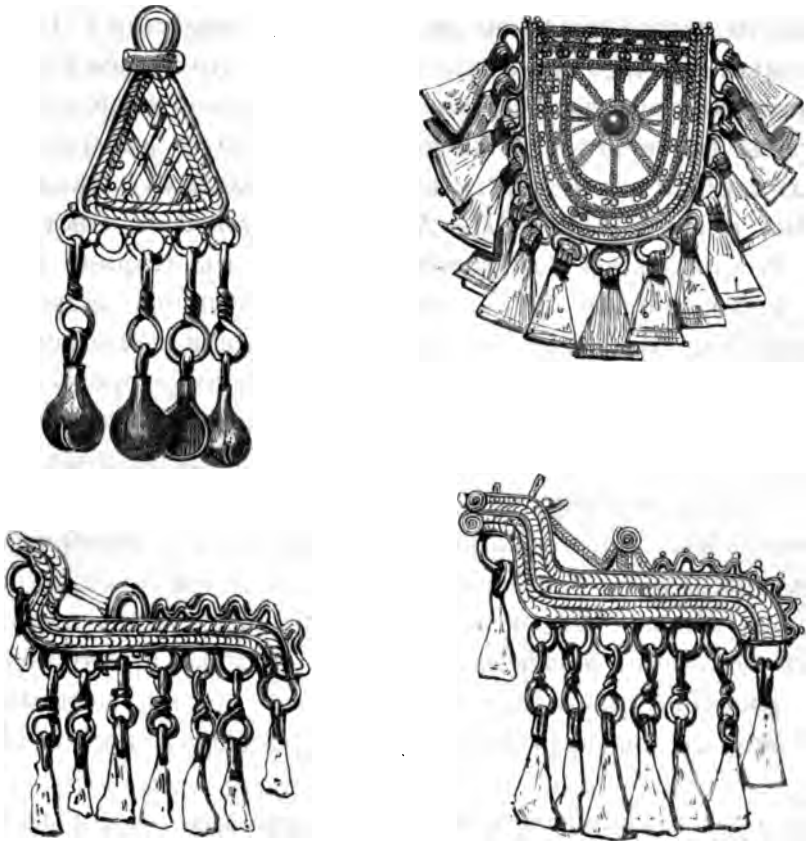


Рис. 24. Привѣски и украшенія, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

ложительно указываютъ отрытыя въ ея развалинахъ монеты царя Іоанна IV и плита съ надписью 1512 года. Деньги Іоанна IV, числомъ болѣе 1000 штукъ, лежали грудою, но, вѣроятно, выпали изъ глинянаго сосудика, на которомъ можно было прочесть надпись «кубышка». Усердный розыскатель не нашелъ никакихъ письменныхъ актовъ, въ которыхъ бы опредѣленно говорилось объ этой древней обители, кромѣ одного извѣстія, изъ котораго видно, что мѣсто «быв-

*) Между остатками монастырскихъ зданій уцѣлѣла даже печь съ горшками.

шаго Александрова монастыря» пожаловано было во владѣніе монастырю Никитскому. А между тѣмъ, несмотря на молчаніе исторіи, преданіе народное, свободно переживающее вѣка, сохранило горѣ, на которой нѣкогда стояла древняя обитель, названіе «Александровой» ([72]).

Не менѣе важны и любопытны были разслѣдованія, произведенныя около того же времени гр. Уваровымъ невдалекѣ отъ Александровой горы. Занимаясь раскопкою мерянскихъ кургановъ на восточномъ берегу Переяславскаго озера, онъ изслѣдовалъ, между прочимъ, у с. *Городище*, довольно обширный *городокъ*, расположенный рядомъ съ древнимъ кладбищемъ, заключавшимъ въ себѣ около 1,340 кургановъ. Кладбище это ясно указывало на древность населенія ([73]), а раскопки, произведенныя въ *городкѣ*, привели къ тому, что въ немъ отрыты были слѣды построекъ, основаніе церкви и христіанское кладбище. При дальнѣйшей раскопкѣ кургановъ языческаго кладбища найдено было много серебряныхъ монетъ, между которыми преобладали западныя монеты X—XI вѣка и восточныя VIII—X вв. Про *городокъ* мѣстное преданіе гласитъ, что на мѣстѣ его заложенъ былъ въ старину городъ, впослѣдствіи перенесенный оттуда на мѣсто нынѣшняго Переяславля, на берегъ Трубежа. Преданіе это подтверждается и лѣтописью, которая отмѣчаетъ, что въ 1152 году Юрій Долгорукій «городъ Переяславль отъ Клещина (озера) перенесъ и построилъ больше стараго».

Не смотря, однако же, на важность результатовъ, добытыхъ подобнымъ изслѣдованіемъ нѣкоторыхъ городищъ Владимірскаго края, большая часть ихъ, въ особенности въ средней, восточной и юго-восточной части Владимірской губерніи—остается до сихъ поръ еще не изслѣдованною. Множество городищъ, извѣстныхъ здѣсь подъ мѣстнымъ названіемъ *городцовъ*, *городковъ*, *городинъ* и даже просто *городовъ*—постепенно разрушаются или распахиваются, иногда оставляя по себѣ слѣды только въ названіи селеній, выстроенныхъ на мѣстѣ древняго поселья.

Болѣе городищъ посчастливилось курганамъ, которые въ теченіе четырехъ лѣтъ (1851—54) были систематически раскапываемы гр. Уваровымъ и П. С. Савельевымъ. Археологическія изслѣдованія начаты были въ Суздальскомъ и Владимірскомъ уѣздахъ, а оттуда направлены къ Переяславлю-Залѣсскому и къ Ростову «съ цѣлью опредѣлить отличительный характеръ мерянскихъ могилъ на самомъ мѣстѣ первоначальнаго жительства Мери», насколько оно было указано нашимъ древнимъ лѣтописцемъ. Раскопки и другія разысканія для вышеуказанной цѣли были произведены въ уѣздахъ: Суздальскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ, Переславскомъ и Ростовскомъ (Ярославской губерніи), въ 163 различныхъ мѣстностяхъ, причемъ разрыто всего 7,720 кургановъ. Въ результатѣ этихъ раскопокъ оказалась возможность получить нѣ-

которое представленіе о домашнемъ бытѣ древнѣйшихъ обитателей Владимірскаго края, объ ихъ обычаяхъ, промыслахъ и торговлѣ ([74]).

Изъ курганныхъ раскопокъ оказывается, что у Мерянъ одновременно существовали два обряда погребенія: зарываніе въ землю и сожженіе. Какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ покойника клали въ могилу или на костеръ въ его лучшей одеждѣ, со всѣми обычными украшеніями, и около него полагали всѣ предметы, въ которыхъ онъ нуждался при жизни. Въ могилахъ мужскихъ находимы были, главнымъ образомъ, конская сбруя, удила, стремена, топоры, лопаты. Могилы женскія отличались отъ мужскихъ чрезвычайнымъ обиліемъ украшеній, хотя, замѣтимъ кстати, многія украшенія, въ равной степени составляютъ принадлежность и мужскаго, и женскаго костюма: мужчины и женщины одинаково носили серьги, височныя кольца, браслеты и шейные обручи. Разница заключалась большею частью только въ количествѣ украшеній, и съ этой стороны пристрастіе мерянскихъ

Рис. 25. Пряжки или фибулы, добытыя изъ мерянскихъ могилъ.

женщинъ къ украшеніямъ достигало крайнихъ предѣловъ; такъ, напримѣръ, во многихъ могилахъ найдены были женскіе остовы, у которыхъ не только на всѣхъ пальцахъ обѣихъ рукъ было надѣто по нѣсколько колецъ, но ими украшены были пальцы даже на ногахъ! Другою, не менѣе любопытною чертою мерянскаго костюма оказывается то, что нѣкоторыя принадлежности мужскаго наряда носились и женщинами; такъ, напримѣръ, всѣ Меряне, безъ различія возраста и пола, носили на поясѣ ножъ и точильный брусокъ, а многіе изъ нихъ, кромѣ того, привѣшивали къ поясу и другіе предметы домашняго обихода, какъ-то: ключи, огнивы, иглы, шилья, костяные гребни, и даже кожанные мѣшечки для денегъ и для складныхъ вѣсовъ съ гирями.

Меряне какъ мужчины, такъ и женщины — носили одежду изъ толстой шерстяной матеріи, которая иногда около ворота и прорѣхи на груди оторачивалась позументомъ. Такимъ же точно по-

зументомъ обшивались и высокія шапки знатныхъ Мерянъ, въ которыхъ, между прочимъ, ихъ и хоронили. Кромѣ этой обшивки, вся передняя часть, какъ мужской, такъ и женской мерянской одежды сплошь покрывалась, по всей груди, до самаго пояса, нашивными металлическими бляшками и привѣсками, а потомъ украшалась еще металлическими треугольниками съ привѣшенными къ нимъ бубенчиками и бряцальцами. Одежда стягивалась около пояса наборнымъ ремнемъ, также съ различными привѣсками, а главное—съ разнообразными металлическими изображеніями то двуглавыхъ, то одноглавыхъ коньковъ, плетеныхъ изъ проволоки. «Ко всему этому сложному убранству мерянскія женщины прибавляли еще большія бронзовыя пряжки (fibula), въ видѣ овальныхъ чашекъ, съ прорѣзными узорами по золоченому полю». Такія пряжки прикрѣплялись къ одеждѣ около бедръ, и носились то по одной на каждой сторонѣ, то по двѣ. Особеннымъ богатствомъ отличались ожерелья, которыя находимы были на женскихъ остовахъ, и состояли иногда изъ нѣсколькихъ рядовъ металлическихъ и стеклянныхъ бусъ и изъ подбора серебряныхъ монетъ и серебряныхъ привѣсокъ. Въ головахъ и ногахъ остововъ находили въ могилахъ глиняные горшки, въ которыя, вѣроятно, бывали собираемы остатки жертвоприношеній или яства похороннаго пиршества.

Многія изъ мерянскихъ могилъ, независимо отъ важныхъ бытовыхъ подробностей, обращали на себя вниманіе особенностями самаго способа погребенія; иныя, преимущественно—богатствомъ доставленной ими нумизматической добычи, которая указывала достаточно ясно на рано развившіяся и обширныя торговыя сношенія. Нѣкоторыя могилы были особенно любопытны и важны по тому, что́ изъ нихъ было добыто. Такъ напр., у с. Большая Брембала, въ одной изъ могилъ на глубинѣ $1^1/_4$ аршина найдены были жженыя кости, а между ними серебряная монета короля Оттона (X вѣка), служившая вмѣсто привѣски къ ожерелью изъ бусъ, серьги, желѣзный молотокъ и обломки глинянаго изображенія руки и круга. На одну четверть аршина ниже откопаны разбросанныя кости лошади. Еще на полъ-аршина ниже — три черепа. Подлѣ одного: бусы и бронзовая привѣска въ видѣ небольшаго четвероногаго звѣря; подлѣ другаго — позолоченыя бусы и плоское бронзовое кольцо.

Въ другой могилѣ, той же мѣстности, на глубинѣ полутора-аршина—жженыя кости, уголье, и въ немъ небольшая бронзовая пряжка въ видѣ подковы. На полъ-аршина глубже—остовъ, у котораго во рту серебряная византійская монета императора Константина Багрянороднаго, а около головы — серебряныя серьги съ дутыми шариками; на шеѣ—монисто съ серебряными саманидскими монетами начала X вѣка; около пояса серебряная пряжка въ видѣ подковы, ножъ съ черенкомъ,

обтянутымъ серебряной проволокой; у лѣваго бока — ключъ; въ ногахъ—серпъ ([75]).

Въ одномъ изъ кургановъ у с. Городищи отрыты два остова:— около одного не оказалось никакихъ вещей; у другаго, кромѣ четырехъ серебряныхъ серегъ съ шариками, на шеѣ найдено было богатѣйшее монисто, состоящее изъ трехъ серебряныхъ медальоновъ, пяти англо-саксонскихъ монетъ короля Этельреда (битыхъ въ Лондонѣ, Честерѣ, Винчестерѣ и Сванфортѣ), одной аббасидской, калифа Гаруна Аль-Рашида, битой въ Багдадѣ, и изъ различныхъ бусъ.

Въ числѣ множества монетъ, отрытыхъ въ мерянскихъ могилахъ, наибольшая часть принадлежитъ къ монетамъ восточнымъ, которыя указываютъ начало торговыхъ сношеній Владиміро-Суздальскаго края съ Востокомъ, черезъ посредство Болгаръ, еще въ VII—VIII вѣкѣ. Меньшая часть принадлежитъ къ монетамъ западнымъ (датскимъ, англо-саксонскимъ); изъ нихъ древнѣйшія восходятъ къ началу X вѣка. Менѣе всего находимо было въ мерянскихъ могилахъ монетъ византійскихъ, и это вполнѣ поясняется тѣмъ, что съ Византіей сношенія края производились черезъ Кіевъ, между тѣмъ какъ съ Востокомъ и Западомъ Меряне могли сноситься непосредственно, высылая своихъ торговыхъ людей въ Болгарію по Волгѣ и въ Новгородъ или на Балтійское прибрежье. Годы монетъ даже довольно ясно указываютъ на начало этихъ торговыхъ сношеній: съ Востокомъ завязались онѣ ранѣе—съ конца VII вѣка; съ Западомъ, по крайней мѣрѣ, на два вѣка позже, когда смѣлыя ватаги варяжскія новгородскимъ путемъ проникли въ верховье Волги, а оттуда въ дебри дремучихъ ростовскихъ и владимірскихъ лѣсовъ.

Графъ Уваровъ, подробно изслѣдуя находки мерянскихъ могилъ, пришелъ къ тому совершенно правильному выводу, что ввозилось во Владимірско-Суздальскій край лишь очень немногое, и притомъ далеко не составлявшее насущной потребности для мѣстнаго населенія. Главными статьями ввозной торговли съ Востокомъ (черезъ Болгарію) были: стеклянныя (золоченыя и серебряныя) бусы, бронзовыя и серебряныя издѣлія (привѣски, перстни, бляшки, пуговицы) и маленькіе булатные клинки. Главными предметами ввоза съ Запада были: бусы изъ горнаго хрусталя, янтаря, аметиста и сердолика, нѣкоторыя стеклянныя украшенія, бронзовыя, прорѣзныя пряжки (фибулы) въ видѣ черепахи, и нѣкоторая часть оружія: желѣзныя сѣкиры (датскія) и наконечники копій (британскіе). Все это, вѣроятно, вымѣнивалось на драгоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей, въ изобиліи доставляемыхъ дремучими лѣсами Владимірскаго края, въ которыхъ, и въ гораздо болѣе позднюю пору, водились даже бобры. Преимущество при обмѣнѣ товаровъ, очевидно, оставалось на сторонѣ мѣстныхъ жит[illegible] что и вынуждало во-

сточныхъ и западныхъ сосѣдей доплачивать имъ разницу деньгами:— только такимъ образомъ и возможно уяснить себѣ обиліе монеты въ мерянскихъ могилахъ ([76]).

Кромѣ вышеозначенныхъ статей ввоза, древніе обитатели Владиміро-Суздальскаго края, повидимому, во всемъ остальномъ, сами умѣли удовлетворять своимъ немногосложнымъ потребностямъ. Бытъ ихъ былъ вполнѣ осѣдлый, земледѣльческій; они занимались разведеніемъ домашняго скота и были нетолько знакомы со всѣми важнѣйшими промыслами, но даже и съ пріемами правильной торговли. Между степенью развитія и нравами Славянъ и Мерянъ, очевидно, существовало небольшое различіе, чѣмъ объясняется ранняя и тѣсная связь Мерянъ съ племенами славянскими, а также быстрое сліяніе ихъ съ славянскою колонизаціею, которая нашла себѣ здѣсь готовую и богатую почву для дальнѣйшаго гражданскаго роста и развитія. Сліяніе это было въ такой степени тѣснымъ и полнымъ, что уже въ половинѣ XII в. лѣтописецъ суздальскій не упоминаетъ болѣе о Мери, живущей одними общими интересами со всею остальною Русью.

Какъ ни важны факты, добытые раскопкою и изученіемъ мерянскихъ кургановъ, однако же древнѣйшая исторія Владиміро-Суздальской области только тогда уяснится намъ вполнѣ, когда и вся территорія, нѣкогда заселенная древнею Муромою, будетъ подвергнута такому же долгому и тщательному археологическому изученію, какое выпало на долю области древней Мери. И можетъ быть только тогда окажется возможнымъ, хотя до нѣкоторой степени, опредѣлить долю участія финскихъ инородцевъ въ сложеніи области, среди которой, на сѣверо-востокѣ Руси XII в., возникло сильное и богатое Владиміро-Суздальское княжество.

Рис. 36. Оружіе, орудія и [illegible] изъ мерянскихъ могилъ.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ.

СТОЛЬНЫЙ ГОРОДЪ ВЛАДИМІРЪ.

Владиміръ въ концѣ XVII и началѣ XVIII вв.—Быстрое возрастаніе города при Андреѣ и Всеволодѣ Юрьевичахъ.—Раздѣленіе города на части.—Монастыри и церкви.—Общій планъ города—Укрѣпленія.—Золотыя Ворота—драгоцѣнный памятникъ зодчества XII вѣка.

Городъ Владиміръ, изстари прозванный Залѣсскимъ въ отличіе отъ Владиміра-Волынскаго, лежитъ при р. Клязьмѣ, впадающей въ Оку, и расположенъ на лѣвомъ, нагорномъ берегу ея. Положеніе города, раскинутаго на холмахъ, очень живописно, хотя площадь, занимаемая имъ, весьма необширна. По плану города, снятому въ концѣ прошлаго вѣка, вскорѣ послѣ того, какъ Владиміръ сдѣланъ былъ губернскимъ, окружность города значится равною 10 верстамъ и 300 саженямъ; наибольшая длина его—три версты 300 саженъ; поперечникъ—1 верста и 400 саженъ. Фигурою и расположеніемъ частей своихъ въ планѣ, Владиміръ представляетъ нѣсколько растянутый, продолговатый пятиугольникъ, и раздѣлялся на три главныя части: Кремль, Бѣлый-городъ и Китай-городъ. Каждая изъ этихъ частей отдѣлялась отъ другой земляными «регулярными» валами. Сверхъ этихъ трехъ главныхъ составныхъ частей города, видимъ при немъ на томъ-же самомъ планѣ семь предмѣстій, изъ которыхъ иныя, вѣроятно, входили въ составъ и стараго Владиміра; напр., предмѣстье за Лыбедью, огибающею городскіе валы съ Сѣвера, предмѣстье Николы Мокраго и Гончары. Но въ названіяхъ трехъ главныхъ частей слышится уже московское вліяніе, заставившее забыть объ исконной Владимірской старинѣ ([77]).

Оказывается, что еще въ началѣ XVIII вѣка память о старинѣ владимірской была гораздо свѣжѣе, остатковъ ея было больше и даже

самый планъ города болѣе напоминалъ собою древній планъ города Владиміра, на сколько мы можемъ заключать о немъ по намекамъ и указаніямъ лѣтописи и въ особенности по сказанію «о взятіи Владиміра Татарами», которое даетъ довольно ясное понятіе объ отдѣльныхъ частяхъ древняго Владиміра и ихъ взаимномъ соотношеніи. Такъ напр., только уже въ половинѣ прошлаго столѣтія разобраны были за крайнею ветхостью остатки каменныхъ стѣнъ и башенъ владимірскихъ, которыхъ основанія старожилы и теперь еще указываютъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ землянаго вала. На сохраненіе этихъ стѣнъ и башенъ еще въ концѣ XVII столѣтія, при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и потомъ при Петрѣ I, обращаемо было даже довольно строгое вниманіе. Мы знаемъ, что, по приказу царя Алексѣя Михайловича, стѣны и башни чинились и поддерживались, а въ Петровской инструкціи къ воеводѣ Владимірскому даже прямо указывалось: «надлежитъ смотрѣть, чтобы... осыпи и рву не обивали, и навозъ, и всякій соръ въ городѣ и въ острогѣ у стѣнъ и у воротъ и во рвѣ въ тайникахъ никто не металъ»... Всѣ эти распоряженія дѣлались, конечно, не ради сохраненія древнихъ памятниковъ, а ради того, что Владиміръ конца XVII в. еще не могъ вполнѣ утратить значенія крѣпости, которое искони придавалось каждому большому областному городу въ древней Руси. Однако же, благодаря этимъ заботамъ, городъ Владиміръ въ XVII в. все еще не утрачивалъ оригинальной внѣшности древняго русскаго города, такъ что Олеарій, проѣзжавшій черезъ Владиміръ въ декабрѣ 1647 г., былъ видимо пораженъ общимъ видомъ города и могъ сказать въ дневникѣ своемъ:.. «развалины стѣнъ, башенъ и домовъ, видимыя въ разныхъ мѣстахъ, представляютъ собою несомнѣнные и достовѣрные признаки древности и величія этого города». Не прошло и ста лѣтъ послѣ этой записи, какъ всѣ «признаки древности и величія» исчезли безслѣдно, и въ нынѣшнемъ столѣтіи ихъ пришлось уже отыскивать и возстановлять путемъ строжайшихъ археологическихъ розысканій ([77]).

По переписнымъ книгамъ 1711 года, городъ Владиміръ состоялъ изъ трехъ главныхъ частей: *Кремля*, обнесеннаго стѣнами и башнями, *Землянаго города*, простиравшагося на западъ отъ Кремля, и *Посада*— на востокъ отъ него. Какъ посадъ, такъ и Земляной городъ были обнесены валами, по которымъ тянулись деревянные заборы и частоколы. Къ городу приписано было семь слободъ. Въ Кремлѣ, по тѣмъ же переписнымъ книгамъ, значилось два собора и одинъ мужской монастырь; въ Земляномъ городѣ— одинъ женскій монастырь и шесть приходскихъ церквей; на Посадѣ — два женскихъ монастыря и двѣ приходскихъ церкви. За чертою городскихъ валовъ, въ слободахъ, было въ каждой по одной церкви, а всего семь церквей. Это раздѣленіе го-

Рис. 27. Владиміръ-на-Клязьмѣ (съ восточной стороны).

рода нѣсколько болѣе сближаетъ насъ съ планомъ древняго Владиміра, какъ онъ представляется намъ по указаніямъ лѣтописи и другихъ древнихъ актовъ. Изъ соображенія всѣхъ данныхъ, какія можно собрать для топографіи и исторіи города Владиміра, мы видимъ, что городъ, впервые упоминаемый въ половинѣ XII в., былъ при Юріи весьма незначителенъ и по населенію, и по укрѣпленіямъ своимъ. Только уже послѣ окончательнаго переселенія на сѣверъ Андрея Боголюбскаго, когда онъ, избѣгая старыхъ центровъ Ростово-Суздальской области, обратилъ особенное вниманіе на новый Владиміръ, городъ сталъ постепенно разростаться и пріобрѣтать значеніе важнаго пункта. Въ 1158 году Андрей Юрьевичъ расширилъ предѣлы города и обнесъ его стѣнами, въ которыхъ построены были при немъ Золотыя ворота, на крайней западной оконечности города, и Серебряныя (впослѣдствіи Ивановскія ворота) на крайней восточной его оконечности. Въ тоже самое время, князь Андрей положилъ основаніе и главной мѣстной святынѣ владимірской:—8 апрѣля 1158 г. онъ заложилъ «во Владимірѣ каменную церковь святой Богородицы, и далъ ей много имѣнія, и слободы купленныя и съ данями, и села лучшія и десятины въ стадахъ своихъ и въ торговыхъ пошлинахъ». Два года спустя соборный храмъ былъ уже отстроенъ и «князь Андрей могъ уже дивно украсить его многоразличными иконами, и дорогимъ каменьемъ безъ числа, и церковными сосудами», а верхъ собора позолотить. При этомъ лѣтописецъ замѣчаетъ, что «по вѣрѣ князя Андрея и по тщанію его къ святой Богородицѣ, *Богъ привелъ ему мастеровъ изо всѣхъ земель*», и далъ ему возможность украсить храмъ Богородицы «паче всѣхъ иныхъ церквей». Въ этомъ-то соборномъ храмѣ поставилъ князь Андрей и принесенную имъ изъ Вышгорода святыню— икону Божіей Матери, писанную по преданію св. Евангелистомъ Лукою и впослѣдствіи получившую названіе «Владимірской». Въ 1164 г. освящена была кн. Андреемъ церковь на Золотыхъ воротахъ и вновь заложена церковь Святаго Спаса во Владимірѣ. Кромѣ этой церкви, впослѣдствіи обратившейся въ Спасо-Златовратскій монастырь, Андрей, вѣроятно около того же времени, построилъ еще монастырь Козмо-Дамьянскій, и не переставая заботиться о постройкѣ новыхъ и благолѣпномъ украшеніи и подновленіи старыхъ церквей Ростово-Суздальской области, въ послѣдніе годы своей жизни особенное тщаніе приложилъ къ украшенію церкви Рождества, въ своемъ городкѣ Боголюбовѣ, и новаго Покровскаго-на-Нерли монастыря, близь Боголюбова. Замѣтимъ, что всѣ воздвигнутые имъ храмы представляли собою прочныя, богато-украшенныя, и на сколько мы можемъ судить по остаткамъ, красиво построенныя зданія, внѣшнею стороною своею ясно-указывающія на вліяніе западныхъ мастеровъ, при помощи

которыхъ эти зданія были возведены. Есть основаніе думать, что и укрѣпленія г. Владиміра, устроенныя княземъ Андреемъ, были весьма существенны, потому что, когда, по смерти Андрея, Михаилъ Юрьевичъ, въ 1175 году, заперся во Владимірѣ во время нашествія Ростиславичей съ Рязанцами и Муромцами—Владимірцы могли уже выдержать семинедѣльную осаду, храбро «бились съ города», и только голодъ вынудилъ ихъ къ сдачѣ.

Около 1185 года городъ Владиміръ достигъ крайнихъ предѣловъ своего распространенія; вѣроятно и населеніе въ немъ было весьма значительно, судя потому, что въ немъ было уже болѣе 30 церквей, деревянныхъ и каменныхъ; по крайней мѣрѣ въ «великій пожаръ» владимірскій (18 апрѣля 1185 г., когда погорѣлъ *почти весь городъ* и самый соборъ Успенскій, построенный Андреемъ Боголюбскимъ) лѣтописецъ насчитываетъ въ числѣ погорѣвшихъ 32 церкви. Есть основаніе предположить, что, послѣ 1185 года, городъ не возросталъ уже болѣе и не расширялся въ предѣлахъ своихъ укрѣпленій, судя потому, что число церквей въ немъ оставалось неизмѣнно одно и то же до самаго начала XIII вѣка.

Въ княженіе князя Всеволода Юрьевича (по прозванію Великое Гнѣздо) Владиміръ окончательно возвысился до значенія стольнаго города. Всеволодъ избралъ его своимъ постояннымъ мѣстожительствомъ и на самомъ возвышенномъ, видномъ мѣстѣ города, вблизи Успенскаго собора, построилъ свой княжескій дворъ; а въ 1194 году на томъ же дворѣ воздвигъ во имя св. Дмитрія Солунскаго соборъ, котораго *полати* (хоры) соединены были переходами съ княжимъ дворцомъ. Въ томъ же году и весь холмъ, на которомъ находились соборы и дворъ княжой, былъ обнесенъ каменнымъ дѣтинцемъ и пріобрѣлъ значеніе не только главнаго, отдѣльнаго отъ прочихъ частей, центра города, но еще и новаго, внутренняго, замкнутаго укрѣпленія, которое получило названіе *Печерняго* города (впослѣдствіи Кремля). Не много ранѣе этого времени (1191) великій князь Всеволодъ, въ чертѣ того же дѣтинца или Печерняго города, а именно въ восточномъ углу его («въ осыпи подлѣ Ивановскихъ воротъ») избралъ мѣсто для основанія мужскаго Рождественскаго монастыря, въ которомъ и воздвигъ прекрасный храмъ во имя Рождества Богородицы, неуступавшій въ красотѣ остальнымъ храмамъ, которые были построены усердіемъ Всеволода.

Въ концѣ XII в., продолжая украшать Владиміръ новыми храмами, Всеволодъ Юрьевичъ воздвигъ еще одну церковь во имя св. Іоакима и Анны во Владимірскомъ дѣтинцѣ, на воротахъ Успенскаго собора, который былъ имъ значительно расширенъ и обновленъ послѣ страшнаго пожара 1193 г. Вскорѣ послѣ того освящена была княземъ

церковь Рождества въ Рождественскомъ монастырѣ (1197 г.), а въ самомъ началѣ XIII вѣка новая церковь Успенія заложена супругою князя Всеволода въ женскомъ Успенскомъ (такъ называемомъ Княгининѣ) монастырѣ. Послѣ этого, въ XIII в. встрѣчаемъ упоминаніе о постройкѣ еще только одной новой церкви во Владимірѣ, а именно церкви *Воздвиженія* на *торговищѣ*, заложенной великимъ княземъ Константиномъ въ 1218 году.

Такимъ образомъ, въ началѣ XIII вѣка, мы видимъ Владиміръ люднымъ, хорошо обстроеннымъ и сильно укрѣпленнымъ при помощи двойнаго ряда укрѣпленій, изъ которыхъ одни опоясывали внутренній

Рис. 28. Владиміръ-на-Клязьмѣ (съ западной стороны).

или Печерній городъ, образуя на возвышенномъ мѣстѣ его крѣпкій дѣтинецъ, а другія охватывали *новый* городъ (впослѣдствіи получившій названіе *землянаго*), почти огибавшій съ запада городъ Печерній. Изъ разсказа лѣтописи о Владимірскомъ взятіи Татарами, мы видимъ, что укрѣпленія владимірскія даже для такого грознаго и многочисленнаго врага, какъ Татары, представляли собою весьма серьезное препятствіе. Татары должны были вести правильную осаду и, окруживъ городъ со всѣхъ сторонъ, очевидно, мог[illegible] гниковъ только

множествомъ. Они одновременно ворвались въ городъ и отъ Золотыхъ воротъ, гдѣ у св. Спаса сдѣлали «приметъ» къ городской стѣнѣ, и отъ Лыбеди, гдѣ вошли «Ориниными или Мѣдяными воротами», и отъ Клязьмы, гдѣ они приступомъ взяли «Волжскія ворота» ([78]). Только захвативъ три наиболѣе крѣпкіе пункта города, на западной, сѣверной и южной сторонѣ, Татары могли взять *Новый* городъ или первый рядъ владимірскихъ укрѣпленій. Тогда, по свидѣтельству лѣтописца, «князья Всеволодъ и Мстиславъ Юрьевичъ и всѣ люди бѣжали въ Печерній градъ и затворились въ немъ», и Татарамъ еще разъ пришлось биться у втораго ряда владимірскихъ укрѣпленій, прежде чѣмъ палъ дѣтинецъ, въ которомъ каменные соборы, монастырскія и церковныя ограды представляли собой твердый, хотя и послѣдній, оплотъ обрекшимъ себя на смерть защитникамъ Владиміра. Судя по этому разсказу, близко-знакомящему насъ съ планомъ древняго Владиміра, мы видимъ въ немъ только двѣ главныя части—*Печерній* городъ или дѣтинецъ (впослѣдствіи Кремль) и *Новый* городъ, раскинувшійся на западъ отъ дѣтинца и облегавшій его съ трехъ сторонъ. Лѣтопись не упоминаетъ при этомъ о *Посадѣ* — третьей части Владиміра, вѣроятно впослѣдствіи включенной въ черту города, и примкнувшей къ нему съ востока. Судя по тому однакожъ, что уже въ древнихъ актахъ эта часть города носитъ названіе *Ветшанаго города* и *Стараго острога*, можно предполагать, что эта часть Владиміра, въ видѣ предмѣстья, могла существовать и въ XIII — XIV вѣкѣ, но не была еще укрѣплена, а по своему положенію на крайней восточной сторонѣ города не могла имѣть важнаго значенія въ его внутренней жизни, которая сосредоточивалась въ центрѣ и въ западной части.

Нѣкоторое понятіе о значеніи владимірскихъ укрѣпленій могутъ дать намъ уцѣлѣвшія до настоящаго времени знаменитыя Золотыя Ворота.

Первое упоминаніе о нихъ встрѣчаемъ въ лѣтописи подъ 1164 годомъ, по поводу освященія церкви, воздвигнутой на Золотыхъ Воротахъ Андреемъ Боголюбскимъ. Въ лѣтописи не сказано въ честь какого именно святаго была построена эта церковь, но есть основаніе думать, что освященіемъ этой церкви завершалась постройка монументальнаго зданія. Послѣ этого перваго упоминанія Золотыя Ворота не разъ еще упоминаются лѣтописью по поводу различныхъ важныхъ событій исторической жизни Владиміра. Такъ, напр., въ 1177 году, Владимірцы, «вышедши предъ Золотыя Ворота, цѣловали крестъ ко Всеволоду князю, и на дѣтяхъ его»; а подъ 1218 г. встрѣчаемъ упоминаніе о Золотыхъ Воротахъ по поводу торжественнаго внесенія мощей, вывезенныхъ изъ Царьграда епископомъ Полоцкимъ для князя Константина. Далѣе Золотыя Ворота упоминаются подъ 1237 г., при

описаніи взятія города Татарами. Здѣсь, на Золотыхъ Воротахъ стояли молодые князья Всеволодъ и Мстиславъ Юрьевичи съ дружиною и горько оплакивали участь своего брата Владиміра Юрьевича, попавшагося въ плѣнъ Татарамъ. Татары подводили своего юнаго плѣнника къ Золотымъ Воротамъ и, указывая на него княжичамъ,

Рис. 29. Золотыя Ворота во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

старались, очевидно, разжалобить ихъ горькою участью брата, требуя въ то же время сдачи Владиміра. Вообще въ исторіи Владиміра Золотыя Ворота играютъ очень видную

Къ Золотымъ Воротамъ выходили [illegible] граждане, предшествуемые съ духовенствомъ и крестами [illegible] князей и еписко-

повъ, впервые прибывавшихъ или возвращавшихся во Владиміръ послѣ долгаго отсутствія. За Золотыя Ворота провожали граждане князей своихъ или членовъ семьи княжеской, отправлявшихся на долго изъ Владиміра. Князь или княжичъ владимірскій въѣзжалъ въ городъ, гость-ли дорогой пріѣзжалъ ко владимірскому князю откуда-нибудь издалека — Владимірцы встрѣчали его непремѣнно у Золотыхъ Воротъ или за Золотыми Воротами, такъ какъ всѣ важнѣйшіе пути изъ Руси во Владиміръ шли съ запада, отъ Суздаля, а Золотыя Ворота и составляли какъ разъ самую западую окраину города.

Послѣ взятія города Татарами, Золотыя Ворота, на которыя направлены были главныя силы врага, сильно пострадали отъ *пороковъ* и потомъ отъ пожара. Вѣроятно, въ то время была разграблена и разрушена находившаяся на воротахъ церковь... Неизвѣстно, была ли она возобновлена впослѣдствіи? Достовѣрно только то, что въ 1695, церковь эта возобновлена и освящена по благословенію патріарха Адріана и въ переписныхъ книгахъ города Владиміра за 1711 г. значится въ числѣ прочихъ церквей «церковь Положенія Ризъ Пресвятой Богородицы, что на Золотыхъ Воротахъ». Въ большой пожаръ 1778 года церковь эта сгорѣла до-тла и возобновлена еще разъ уже въ самомъ концѣ прошлаго вѣка. Тогда же, при императрицѣ Екатеринѣ II, возобновлены и самыя Золотыя Ворота и приданъ имъ тотъ видъ, въ какомъ они сохранились и до настоящаго времени.

При этомъ послѣднемъ возобновленіи, земляные валы, еще въ началѣ прошлаго вѣка примыкавшіе къ самымъ Золотымъ Воротамъ, были отодвинуты отъ Золотыхъ Воротъ на столько, что по обѣ стороны ихъ образовались свободные проѣзды. Но вмѣсто валовъ, поддерживавшихъ ветхое зданіе, нашли необходимымъ укрѣпить его угловыми, округлыми пристройками, которыя совершенно измѣнили его древній видъ. Вслѣдствіе этого, по четыремъ угламъ воротъ, вмѣсто контрфорсовъ, явились низенькія круглыя башни съ зубцами, въ родѣ угловыхъ башенокъ на крѣпостныхъ бастіонахъ, а около сѣверной и южной стороны Золотыхъ воротъ — пристройки, въ которыхъ помѣщается новая лѣстница, ведущая наверхъ къ церкви, и жилыя помѣщенія. Если припомнимъ ко всему этому, что вся верхняя надстройка надъ крышею Золотыхъ Воротъ, вмѣщающая въ себѣ церковь и окружающій ее корридоръ, возведены въ концѣ XVII вѣка, то не трудно будетъ понять, что древнее зданіе, воздвигнутое Андреемъ Боголюбскимъ, со всѣхъ сторонъ оказывается охваченнымъ новыми частями, сложенными изъ кирпича, и что эти новыя части не сразу можно отдѣлить отъ старыхъ. Это выдѣленіе стараго изъ новаго въ значительной степени затруднено и тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ частяхъ древнихъ воротъ, гдѣ облицовка изъ бѣлаго камня отпала, бѣлый камень

былъ впослѣдствіи замѣщенъ кирпичемъ, скрывшимъ подъ собою древнюю внутреннюю кладку зданія.

Однако же, нѣкоторыя благопріятныя для изученія памятника обстоятельства дали возможность мѣстнымъ археологамъ проникнуть внутрь древняго зданія и ближе ознакомиться съ нимъ во всѣхъ его подробностяхъ ([79]).

Огромный полукруглый сводъ арки воротъ, весь выложенный внутри изъ бѣлаго камня, поддерживается шестью бѣлокаменными дугами. Между этими шестью дугами въ бѣлыхъ стѣнахъ образуется шесть нишей, заканчивающихся тоже полукруглыми арками. Пониже главной арки, въ половинѣ ея высоты, видимъ другую арку, также изъ бѣлаго камня, которая простирается въ длину не болѣе какъ аршинъ на пять (длина арки безъ малаго 8 саженъ). «Съ обѣихъ сторонъ этой арки, извнутри древняго укрѣпленія, находятся утвержденныя въ стѣнахъ желѣзныя петли, на которыя навѣшивались створы существовавшихъ здѣсь нѣкогда воротъ. Въ стѣнахъ сохранились даже впадины, въ которыя вставлялись концы запора, замыкавшаго ворота». Въ уровень съ поверхностью нижней арки во всѣхъ дугахъ главной арки воротъ остались углубленія, служившія гнѣздами бревенъ накатника, съ котораго граждане владимірскіе могли поражать врага, подступающаго къ городскимъ воротамъ.

Въ срединѣ южной стѣны, подъ сводами воротъ, между бѣлокаменными дугами существуетъ дверь, отъ которой лѣстница изъ бѣлыхъ камней вела внутри зданія вверхъ, вѣроятно къ церкви. Часть этой лѣстницы, съ изображеніями четырехъ-конечныхъ округлыхъ крестовъ на стѣнахъ, сохранилась и донынѣ. Благодаря этой лѣстницѣ, защитники, бившіеся съ непріятелемъ съ накатника, могли имѣть сообщеніе и съ верхомъ зданія и оттуда также поражать непріятеля или наблюдать за его движеніями. Съ другой стороны, боковой проходъ, находившійся подъ аркою при основаніи зданія, выводилъ на поверхность земляныхъ валовъ, нѣкогда примыкавшихъ къ самымъ Золотымъ воротамъ, и давалъ возможность защитникамъ воротъ поддерживать связь съ укрѣпленіями.

Такимъ образомъ, ближайшее знакомство съ этимъ любопытнымъ и важнымъ памятникомъ XII вѣка привело къ тому, что оказалось возможно опредѣлить и значеніе его, какъ одного изъ передовыхъ укрѣпленій Владиміра, и какъ памятника древности, сохранившагося намъ въ гораздо бо́льшей цѣлости, нежели бы можно было того ожидать. И дѣйствительно, тщательное изслѣдованіе стѣнъ Золотыхъ воротъ, какъ извнутри, такъ и снаружи, заставило мѣстныхъ археологовъ прійти къ тому заключенію, что «подвергся разрушенію и перестройкѣ только одинъ верхъ зданія, т. е. то, что нынѣ сложено изъ кирпича

(церковь, стѣны и корридоръ около нея)—вся же остальная часть зданія сохранилась во всемъ своемъ составѣ со времени основанія Золотыхъ воротъ» ([80]).

Надо полагать однакоже, что бо́льшей сохранности владимірскихъ Золотыхъ воротъ, сравнительно съ кіевскими, при худшихъ условіяхъ климатическихъ, много способствовалъ самый способъ постройки (общій всѣмъ памятникамъ Владиміро-Суздальскаго края въ XII—XIII вв.), при которомъ двойная облицовка стѣнъ (внутренняя и внѣшняя) изъ мягкаго тесанаго камня прикрывала крѣпко-скипѣвшуюся кладку изъ бута и булыжника на цементѣ и защищала эту кладку отъ вліянія морозовъ и непогодъ.

Любопытно, что эта-же облицовка способствовала внесенію въ нашу народную рѣчь особаго украшающаго эпитета, который, вѣроятно, примѣнялся въ давнія времена (совершенно правильно) къ Владиміру, но окончательно удержался за Москвою:—она и до сихъ поръ слыветъ *бѣлокаменной*.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ.

КНЯЗЬ И ДРУЖИНА.

Особенныя условія Владиміро-Суздальскаго края, благопріятствующія развитію княжеской власти. — Князь и дружина.—Князь, какъ представитель «наряда».—Войско и военная тактика владимірскихъ князей.—Отношеніе князей къ духовенству. — Семейство князя.—Княжны и княгини.—Домашняя жизнь.— Устройство жилищъ.—Остатки палатъ князя Андрея.

На сѣверо-востокѣ Руси власть княжеская принимаетъ нѣсколько иной характеръ, нежели на югѣ, отчасти потому, что тамъ не видимъ такихъ сложныхъ отношеній великаго князя къ остальнымъ удѣльнымъ князьямъ, отчасти же и потому, что самая отдаленность области ставила ее въ болѣе независимое и въ болѣе безопасное положеніе по отношенію ко всякимъ междоусобіямъ, войнамъ и вторженіямъ вражескимъ.

Князь Владиміро-Суздальской области являлся полновластнымъ владыкой страны, на которую никто не заявлялъ никакихъ притязаній. Ближайшими сосѣдями его были: — на югѣ слабое, сравнительно съ Владимірскимъ, княжество Рязанское; на западѣ и сѣверо-западѣ княжества Смоленское и Новгородское, стоявшія въ тѣсной зависимости отъ Владиміро-Суздальской области по торговымъ связямъ; а на востокѣ — Владиміро-Суздальская область примыкала къ землямъ финскихъ племенъ, которыя не способны были оказать князьямъ владимірскимъ значительнаго сопротивленія, и къ богатой Болгаріи, съ которой торговля доставляла большія выгоды Владимірской землѣ.

Однимъ словомъ, Владиміро-Суздальское княжество являлось вполнѣ независимымъ отъ своихъ сосѣдей, а между тѣмъ, благодаря выгоднымъ географическимъ условіямъ, держа въ рукахъ своихъ важнѣйшіе торго-

вые пути и волоки, должно было оказывать весьма значительное вліяніе и на Смоленскъ и на Новгородъ, и даже на Кіевъ, потому что становилось единственнымъ посредникомъ въ ихъ торговлѣ съ Востокомъ, а по отношенію къ Новгороду и Смоленску могло еще дѣйствовать самымъ роковымъ образомъ, задерживая движеніе хлѣбныхъ запасовъ съ низовьевъ Волги. Если при этомъ мы припомнимъ, что и со стороны степи и ея кочевниковъ Владиміръ тоже являлся въ значительной степени обезпеченнымъ, то мы должны будемъ прійти къ тому заключенію, что для развитія власти княжеской на сѣверо-востокѣ представлялось много благопріятныхъ условій.

Первый изъ князей Владиміро-Суздальской области, окончательно поселившійся на сѣверо-востокѣ Руси—Андрей Боголюбскій—съумѣлъ превосходно воспользоваться этими условіями. Призванный на княженіе Ростовцами и Суздальцами, Андрей Юрьевичъ сталъ на сторонѣ одного изъ младшихъ пригородовъ и, окруживъ себя небольшою, избранною дружиною, создалъ себѣ независимое положеніе въ своемъ небольшомъ городкѣ Боголюбовѣ. Но стремленіе князя къ полной самостоятельности и его крутой нравъ возбудили ненависть въ ближайшихъ къ князю лицахъ, которыя и рѣшились на убійство. Владимірцы, значительно возвысившіеся при Андреѣ, не захотѣли утратить своего выгоднаго положенія, и въ начавшейся борьбѣ за право на Владимірскій столъ приняли сторону брата Андреева, Всеволода Юрьевича. Въ 1177 году они даже присягнули князю Всеволоду «и на дѣтяхъ его», и въ этой присягѣ сказалась особенность исторіи Владиміро-Суздальскаго княжества—стремленіе къ упроченію княжеской власти.

Нельзя не замѣтить того, что значеніе дружины на сѣверо-востокѣ Руси является гораздо менѣе важнымъ, чѣмъ въ Кіевѣ. Всеволодъ Юрьевичъ *думаетъ* со своею дружиною и совѣщается съ нею, но не даетъ ей владѣть собою. Только въ самомъ началѣ его княженія видимъ мы два случая неповиновенія, оказаннаго дружиною князю, но и то одинъ изъ нихъ представляется намъ не столько ослушаніемъ воли князя, сколько общимъ взрывомъ негодованія противъ враговъ князя. Не мѣшаетъ припомнить, что въ этомъ движеніи принимаетъ участіе не одна дружина, но и *купцы*. Но послѣ 1178 г. мы, въ теченіе долгаго княженія Всеволода, не встрѣчаемъ уже ни одного случая разногласій съ дружиною.

Сурово относясь къ каждому ослушанію своей воли и грозно карая князей рязанскихъ за то, что они не ходятъ «подъ рукою его», Всеволодъ Юрьевичъ является намъ, наравнѣ съ Андреемъ, прообразомъ будущихъ сѣверныхъ князей Русскихъ. Озабоченный поддержкою своего значенія въ южной Руси и связей со Смоленскомъ и Новгородомъ, а также распространеніемъ своихъ владѣній на востокъ, князь Всеволодъ въ то же время успѣ-

ваетъ заниматься и украшеніемъ стольнаго города новыми постройками, и дѣлами церковными, и устройствомъ своихъ семейныхъ дѣлъ, и «нарядомъ» въ странѣ своей, который онъ никому не поручаетъ, отправляясь лично даже въ *полюдье*. Не даромъ въ похвалѣ Всеволоду Юрьевичу лѣтописецъ отмѣчаетъ съ особеннымъ удареніемъ, что онъ «судилъ судъ истиненъ и не лицемѣренъ, не обинуясь лицъ сильныхъ своихъ бояръ, обижающихъ меньшую братью, порабощающихъ сиротъ и творящихъ насилье». Вообще говоря, въ лицѣ Всеволода мы именно видимъ перваго князя «всея Ростовскія земли», хотя этотъ титулъ лѣтописецъ придаетъ уже и брату его Михаилу Юрьевичу.

Всеволодъ—замѣчательный политикъ — не былъ, однакоже, воиномъ; онъ воевалъ неохотно, всѣми силами избѣгалъ кровопролитія и вступалъ въ открытую борьбу только въ случаѣ крайней необходимости, когда дѣло шло о поддержкѣ его достоинства и власти. Но, обладая значительными силами, онъ превосходно умѣлъ ими пользоваться, и даже придумалъ совершенно особую тактику для военныхъ дѣйствій въ предѣлахъ Суздальской области. Тактика эта заключалась въ томъ, что онъ ставилъ войско свое въ твердую, а иногда даже и неприступную позицію—и выжидалъ нападенія, не нападая самъ. Такъ было въ 1177 году на Колокшѣ, когда войска суздальскія стояли противъ войскъ рязанскихъ *цѣлый мѣсяцъ*, пока не вынудили кн. Глѣба перейти къ наступленію; такъ было и въ 1181 году на рѣкѣ Вленѣ, когда войска суздальскія сошлись съ черниговскими, и Суздальцы, по выраженію лѣтописца, «стояли на горахъ, въ пропастяхъ и ломахъ, такъ что нельзя было къ нимъ и подойти войскамъ Святослава (Всеволодовича)». Двѣ недѣли стояли рати другъ противъ друга. Напрасно посылалъ Святославъ ко Всеволоду поповъ своихъ, вызывая его на битву. Всеволодъ не отвѣчалъ и не двигался. И только тогда, когда, опасаясь весенней теплыни, Святославъ, послѣ тщетнаго ожиданія, поспѣшно сталъ отступать, «Всеволодъ послалъ въ станы непріятельскіе, много взялъ тамъ добра, а за непріятелемъ не велѣлъ гнаться». Любопытно, что эта тактика выжиданія и впослѣдствіи была любимою тактикою суздальскихъ князей, которые предпочитали битву изъ-за окоповъ, изъ-за *тверди*—битвѣ въ открытомъ полѣ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, Всеволодъ отличался замѣчательнымъ терпѣніемъ и настойчивостью при осадѣ городовъ, и умѣлъ ихъ брать безъ особыхъ пожертвованій, вынуждая осажденныхъ къ сдачѣ либо голодомъ (какъ Торжокъ въ 1182 году), либо жаждою (Пронскъ въ 1207).

Предпочитая оборонительную войну наступательной, Всеволодъ много заботился объ укрѣпленіи важнѣйшихъ городовъ Владиміро-Суздальскаго края. Такъ въ 1192 году онъ укрѣпилъ Суздаль, а въ

1195—Переяславль. Самый Владиміръ, вѣроятно, былъ при немъ доведенъ до значенія весьма крѣпкаго пункта, если судить по тому, что въ 1216 году, когда, послѣ Липицкой битвы, Мстиславъ Удалый, съ союзниками своими, подошелъ ко Владиміру, въ которомъ не было вовсе войска — князья стали совѣщаться между собою, съ которой стороны брать городъ, не рѣшаясь нападать на него прямо.

О составѣ суздальскаго войска мы можемъ получить изъ лѣтописи довольно ясное представленіе. Главною составною частью являлась и здѣсь мѣстная дружина, въ полномъ своемъ составѣ, т. е. *бояре* или *гридь* (*гридьба*), и *пасынки* или *дѣтскіе* и *мечники*. Дружина тѣсно была связана съ городомъ, составляла значительную долю его населенія, и потому очень часто подъ названіемъ жителей того или другаго города слѣдуетъ разумѣть только мѣстную дружину. Это ясно изъ многихъ мѣстъ лѣтописи. Такъ, напримѣръ, подъ 1175 годомъ лѣтописецъ говоритъ, что узнавъ о смерти князя Андрея, «Ростовцы и Суздальцы, и Переяславцы, и вся дружина, отъ мала до велика (т. е. и старшая, и младшая) съѣхались ко Владиміру»... И немного далѣе разсказывается о томъ, какъ Михалко Юрьевичъ затворился во Владимірѣ, въ то время, когда тамъ «не было Володимерцевъ, такъ какъ они, по повелѣнію Ростовцевъ, поѣхали въ количествѣ 1,500 человѣкъ» противъ Юрьевичей. Ясно, что тутъ подъ названіемъ *Владимірцевъ* слѣдуетъ разумѣть дружину Владимірскую. Но кромѣ *дружины* собственно, въ составъ войска входили иногда и остальные граждане города, когда того требовала необходимость. Такъ въ 1216 г. всѣ граждане Владимірскіе принимали участіе въ борьбѣ Юрія и Ярослава противъ Константина и Ростиславичей. Въ этомъ случаѣ, кажется, всѣ горожане одного города составляли одинъ полкъ. Такъ, напримѣръ, видимъ, что въ 1184 году, во время похода въ Болгарію, Всеволодъ отряжаетъ «Бѣлозерскій полкъ» стеречь лодьи.

Надо, однако же, полагать, что къ такому усиленному набору ратниковъ князья прибѣгали неохотно, потому что горожане не любили далеко отлучаться отъ домовъ своихъ и старались возвратиться къ нимъ при первой возможности. Такъ, въ 1176 году, Москвичи, бывшіе въ войскѣ Михалковомъ, едва выступивъ изъ Москвы, услыхали, что на нихъ идетъ Ярополкъ; «тогда», говоритъ лѣтописецъ, «они тотчасъ же вернулись назадъ, оберегая свои домы». Точно также и въ 1216 году, Константинъ Всеволодовичъ предупреждаетъ Ростиславичей, на военномъ совѣтѣ передъ Липицкой битвой, что на его Ростовцевъ не очень можно положиться: «они, того-и-гляди, разойдутся по городамъ своимъ».

Для того, чтобы воодушевить войско и удержать его въ рядахъ, князья собирали передъ битвою начальниковъ и говорили имъ рѣчи,

ободряя ихъ къ битвѣ и напоминая о той добычѣ, которая должна имъ достаться послѣ побѣды. «Вамъ достанутся и кони, и брони, и одежды», говорятъ князья. И дѣйствительно видимъ, что въ 1177 году, Владимірцы, побѣдивъ Ростовцевъ въ первой битвѣ у Липицъ—повели съ собою колодниковъ (плѣнныхъ) и погнали скотъ и коней; а во второй битвѣ у Липицъ, едва только побѣда стала склоняться на сторону Ростиславичей — Смольняне бросились грабить обозъ и обдирать мертвыхъ. Любопытно, что въ числѣ военной добычи, отбитой Рости-

Рис. 30. Боголюбовъ монастырь близъ Владиміра-на-Клязьмѣ.

славичами у Юрія и Ярослава Всеволодовичей, упоминается «30 стяговъ, а трубъ и бубновъ сто».

Когда Юрій, послѣ Липицкой битвы, прискакалъ во Владиміръ, то онъ нашелъ тамъ только совершенно неспособный къ оборонѣ народъ—поповъ, чернецовъ, женъ и дѣтей. На другой день, кн. Юрій, собравши гражданъ, сталъ ихъ уговаривать затвориться съ нимъ во Владимірѣ и отсидѣться отъ Ростиславичей; люди отвѣчали ему: «съ кѣмъ мы затворимся?—братья наша избита, а другіе взяты въ плѣнъ, а остальные изъ нашихъ прибѣжали безъ оружія... съ чѣмъ же мы станемъ?» Вопросъ этотъ служилъ прямымъ указаніемъ на то,

что граждане получали оружіе отъ князя, и такъ какъ это оружіе было у нихъ отбито непріятелемъ, то имъ дѣйствительно «не съ чѣмъ было стать». У князя постоянно хранился запасъ оружія, который онъ могъ, въ случаѣ надобности, выдать на руки дружинѣ или горожанамъ; точно также и на конюшнѣ его стояли запасные кони. Такъ мы видимъ, что послѣ убіенія Андрея Боголюбскаго, злодѣи бросаются грабить казну княжескую—берутъ «золото, каменья драгоцѣнные, жемчугъ и всякое уворочье», и все это кладутъ на *милостныхъ* (т. е. запасныхъ) коней, а потомъ завладѣваютъ *милостнымъ* оружіемъ и затѣмъ уже начинаютъ собирать около себя мѣстную дружину. Лицо, завѣдывавшее этими запасами княжой казны, носило названіе *милостника*. Подъ 1298 годомъ читаемъ также, что во время пожара, случившагося на княжемъ дворѣ, «сгорѣло много имѣнія—злата и сребра, оружія и одеждъ». Но такъ какъ княжескіе запасы оружія не могли быть разсчитаны на слишкомъ большое войско, то ихъ и не хватало въ томъ случаѣ, когда въ войско, кромѣ горожанъ, призываемы были и сельскіе жители. Такъ въ томъ же 1216 году, когда въ составъ войска Юрьева «согнаны были изъ поселій всѣ до единаго пѣшца»—мы видимъ, что эти поселяне были просто вооружены дубьемъ и топорами.

Но, вообще говоря, вооруженіе войска на сѣверо-востокѣ, ничѣмъ, конечно, не отличалось отъ вооруженія русской рати южныхъ областей. Вооруженіе оборонительное состояло вѣроятно изъ брони (или кольчуги), щита и шелома, а оружіе наступательное изъ копій, мечей, топоровъ, лука и стрѣлъ. Брони были, какъ кажется, двухъ родовъ: состоявшія изъ сплошныхъ нагрудниковъ, въ родѣ латъ, и другія—составленныя изъ нашитыхъ на одежду металлическихъ бляхъ. Послѣднее особенно ясно изъ того, что подъ 1184 г. лѣтописецъ разсказываетъ о смерти Изяслава Глѣбовича подъ стѣнами болгарскаго Великаго города. Во время приступа къ городскимъ воротамъ, Изяславъ съ копьемъ въ рукахъ бросился на толпу непріятельскихъ пѣшцевъ, вышедшихъ изъ воротъ, изломалъ копье и вдругъ былъ пораженъ «стрѣлою *сквозь броню* подъ сердце».

Намъ сохранились отъ XIII вѣка три шлема княжескихъ: Юрія Всеволодовича, Ярослава Всеволодовича и сына его, св. Александра Невскаго. Одинъ изъ нихъ, найденный въ 1808 году близь Юрьева-Польскаго, представленъ на рисункѣ, приложенномъ къ концу главы.

Важнымъ считаемъ мы упоминаніе о томъ, что у Андрея Боголюбскаго висѣлъ на стѣнѣ его ложницы мечъ св. Бориса. Изъ этого видно, что оружіе бывало родовое, передававшееся изъ рода въ родъ, переходившее отъ одного поколѣнія къ другому, какъ дорогое наслѣдіе. Изъ одного мѣста лѣтописи можно даже вывести то замѣчаніе, что княжичъ получалъ отъ отца крестъ и мечъ, какъ признаки

своего княжескаго достоинства. Отправляя сына своего Константина на княженіе въ Новгородъ, въ 1206 г., Всеволодъ «далъ ему крестъ честный и мечъ, и сказалъ: да будетъ тебѣ крестъ хранителемъ и помощникомъ, а мечъ поддержкою власти твоей и защитою. Ихъ даю тебѣ нынѣ, чтобы ты могъ оберегать людей своихъ отъ противныхъ»....

И въ другихъ мѣстахъ лѣтописи встрѣчаемъ положительныя подтвержденія того, что мечъ княжескій имѣлъ дѣйствительно такое зна-

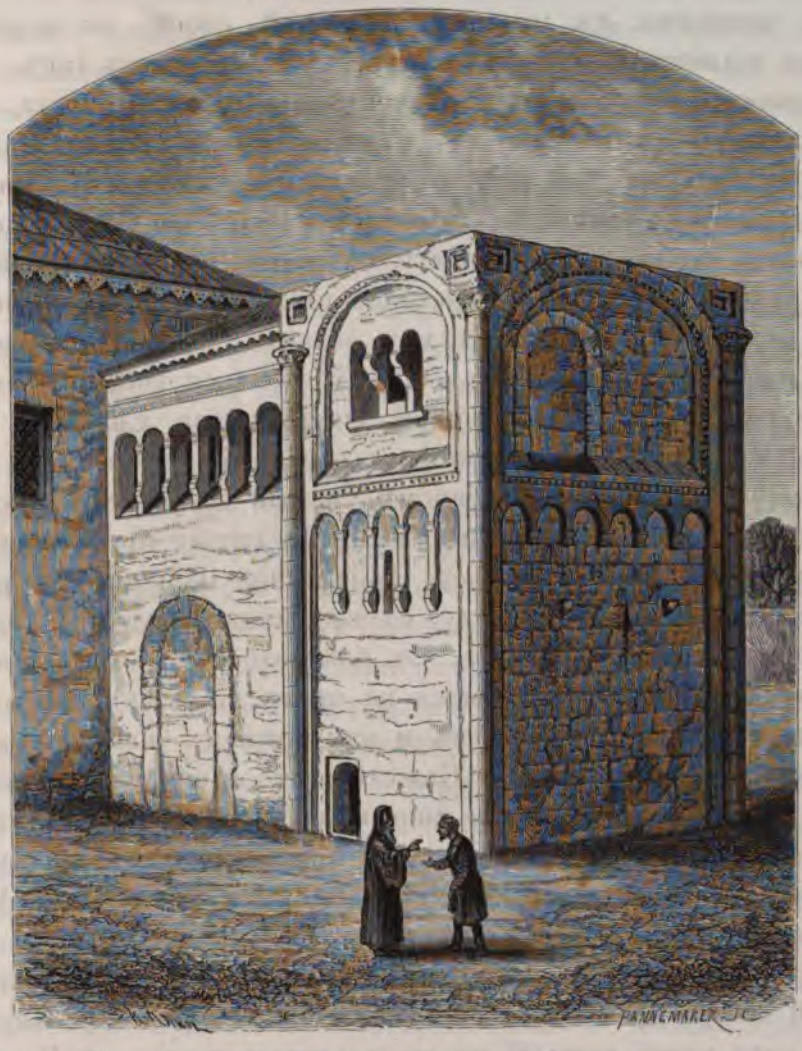


Рис. 31. Сѣни и переходы палатъ князя Андрея въ Боголюбовомъ монастырѣ.

ченіе ([81]). На важное значеніе этого аттрибута княжеской власти намекаетъ и то, что князь не носилъ меча, а за нимъ носилъ его одинъ изъ старѣйшихъ представителей дружины, называемый вслѣдствіе этого *меченошею* *).

*) Что меченоша принадлежалъ къ старшей дружинѣ, видно изъ того, что *меченоши* посылались съ полками въ качествѣ воеводъ (1210).

Внимательно всматриваясь въ картину княжескаго быта, на сколько она рисуется намъ лѣтописцами, мы замѣчаемъ, что на сѣверо-востокѣ Руси уже въ концѣ XII и началѣ XIII вѣка существовалъ довольно опредѣленный кругъ обычаевъ и обрядовъ, нѣчто въ родѣ выработаннаго *чина* (этикета), который, очевидно, соблюдался съ большою строгостію. Князь долженъ былъ, и въ общественной, и въ частной жизни своей, постоянно держаться опредѣленнаго способа дѣйствій, установившагося издавна. Въ своихъ отношеніяхъ къ церкви, къ сосѣднимъ князьямъ, къ дружинѣ, къ семьѣ своей, къ народу, князь постоянно долженъ былъ проявляться и дѣйствовать такъ, какъ это предписывалось ему обычнымъ теченіемъ княжескаго быта.

Проникнутые глубочайшимъ уваженіемъ къ Церкви, князья и на сѣверо-востокѣ, какъ на югѣ, отличались дѣятельнымъ религіознымъ настроеніемъ и принимали горячее участіе во всѣхъ церковныхъ торжествахъ, во всѣхъ празднествахъ, перенесеніяхъ мощей, освященіяхъ церквей, встрѣчахъ и настолованіяхъ новопоставленныхъ епископовъ, какія происходили въ ихъ области. За то и духовенство, съ другой стороны, принимало такое же дѣятельное участіе во всѣхъ торжествахъ семейной и общественной жизни князя. Свадьбы, крестины, постриги, встрѣчи и проводы князя, «посаженіе его на столъ» — все это совершалось при непосредственномъ участіи духовенства, по его благословенію и при его содѣйствіи. Князь, ежедневно присутствовавшій на богослуженіи въ своей домашней, придворной церкви, отъ колыбели и до могилы шелъ рука-объ-руку съ владыкою, который чаще всего былъ и отцемъ его духовнымъ. Съ благословеніемъ владыки начиналъ онъ княженіе свое, когда садился на столъ княжескій въ мѣстной соборной церкви, благословеніемъ и напутствіемъ владыки оканчивалъ онъ и свое земное поприще. Кажется, что даже и при частыхъ поѣздкахъ своихъ по княжеству князья имѣли обыкновеніе обращаться къ епископамъ за благословеніемъ и при отправленіи въ путь, и при возвращеніи изъ него. Такъ подъ 1259 г. читаемъ, что Александръ Ярославичъ, пріѣхавъ въ Ростовъ, по пути изъ Новгорода во Владиміръ, тотчасъ отправился въ соборъ св. Богородицы, «дабы поклониться ей»... «И цѣлуя крестъ честный и кланяясь епископу Кириллу, онъ сказалъ ему: «отче святый! твоею молитвою я туда, въ Новгородъ, доѣхалъ благополучно, и сюда пріѣхалъ также благополучно». Нѣкоторые изъ владимірскихъ князей отличались особеннымъ пристрастіемъ къ постройкѣ церквей, и не только украшали и подновляли уже существующія церкви, но и въ каждомъ изъ многихъ дворовъ своихъ непремѣнно воздвигали по особому храму. При освященіи подобныхъ церквей обыкновенно учреждались пиры, на которые приглашалось духовенство и раздавалась милостыня нищей братіи. Тѣсная связь кня-

зей съ духовенствомъ высказывалась въ томъ, что нетолько священники, но и епископы и митрополиты принимали на себя исполненіе трудныхъ дипломатическихъ порученій, для которыхъ совершали нерѣдко дальнія странствованія; съ другой стороны, случалось иногда, что епископы, изъ одной привязанности къ своему князю, разставались съ своею паствою, когда князь терялъ свой столъ, и, покидая богатую епископію, шли за княземъ въ его новый бѣдный удѣлъ. Такъ въ 1216 году послѣдовалъ за княземъ Юріемъ Всеволодовичемъ епископъ Симонъ, когда, послѣ Липицкаго пораженія, Юрій долженъ былъ уступить великокняжескій престолъ Константину. И не только при жизни князя была постоянно жива и тѣсна его связь съ духовенствомъ: самая смерть не порывала иногда этихъ отношеній. И послѣ смерти любимаго князя духовенство прилагало стараніе къ прославленію его: выставляя на видъ его добродѣтели, вносило въ лѣтопись похвалу ему, на память отдаленному потомству. Эти похвалы князьямъ, занесенныя въ лѣтопись, при всемъ своемъ однообразіи, заключаютъ нерѣдко и весьма живыя черты, очевидно почерпнутыя изъ современной дѣйствительности. Такъ, въ похвалѣ князю Андрею Боголюбскому, лѣтописецъ отмѣчаетъ любопытную черту его щедрости къ неимущимъ, сообщая намъ, что «на милостыню онъ былъ всегда готовъ, и нетолько кушанье свое, но и медъ разсылалъ по улицамъ на возахъ, къ больнымъ и къ затворникамъ». Въ похвалѣ князю Константину лѣтописецъ упоминаетъ о томъ, что онъ «часто и прилежно читалъ книги», а въ похвалѣ Васильку Константиновичу, очевидно, передаетъ, отзывъ о немъ дружины. «Василько», говоритъ лѣтописецъ, «былъ красивъ лицемъ, очами свѣтелъ и грозенъ, чрезвычайно храбръ на охотѣ, а сердцемъ добръ и до бояръ ласковъ; и кто изъ бояръ ему служилъ, и хлѣбъ его ѣлъ и чашу пилъ, и дары отъ него получалъ—тотъ ужъ по любви къ нему никакъ не могъ быть у другаго князя; до излишества любилъ онъ служившихъ ему».

Нельзя не отмѣтить по отношенію къ Владиміро-Суздальской области, что, благодаря особымъ условіямъ, усилившимъ значеніе въ ней власти княжеской, въ средѣ духовенства окончательно сложился тотъ взглядъ на княжескую власть, который былъ не вполнѣ чуждъ и русскому Югу. Суздальскій лѣтописецъ постоянно представляетъ намъ князя, какъ избранника Божія, и облекаетъ власть его особымъ ореоломъ. «Князь не напрасно мечъ носитъ», восклицаетъ онъ въ одномъ мѣстѣ лѣтописи:»—онъ носитъ его потому, что онъ Божій слуга; онъ носитъ его, чтобы карать злодѣевъ и поощрять добротворящихъ». Въ другомъ мѣстѣ встрѣчаемъ даже и слѣдующее разсужденіе: «Богъ даетъ власть тому, кому хочетъ: Онъ поставляетъ и царя, и князя. И если какая-нибудь зе[illegible] къ Богу, то Онъ поставляетъ въ ней

на княженіе князя праведнаго, любящаго судъ и правду; а если князы въ какой-нибудь землѣ бываютъ правдивы, то ихъ землѣ прощается много прегрѣшеній, такъ какъ князь есть глава земли». На высокое значеніе власти княжеской въ сѣверо-восточной Руси указываетъ и то, что уже и въ XII вѣкѣ, какъ кажется, вошло въ обычай поминать великаго князя во время богослуженія ([82]).

Строго установившеюся обычностью отзывается бытъ княжескій въ Владимірѣ и въ другихъ своихъ проявленіяхъ, какъ семейныхъ, такъ и общественныхъ. Отношенія отца къ дѣтямъ и старшихъ братьевъ къ младшимъ отличаются глубокою почтительностью и подчиняются опредѣленнымъ формальностямъ. Отецъ, отпуская сына на княженіе, даетъ ему благословеніе и напутствіе, а братья его провожаютъ. Подробное и любопытное описаніе такихъ проводовъ встрѣчаемъ мы подъ 1206 г. въ лѣтописи суздальской. «Всеволодъ, великій князь, послалъ сына своего Константина на княженіе въ Великій Новгородъ; и была велика радость въ тотъ день во Владимірѣ. И далъ ему отецъ крестъ честный и мечъ, и сказалъ: «да будетъ крестъ тебѣ охраной и помогой, а мечъ—защитой и обороной; ихъ даю я тебѣ, чтобы ты могъ оберегать людей своихъ отъ враговъ.» Потомъ сказалъ еще: «сынъ мой Константинъ! не только Богъ положилъ на тебя старшинство въ братьѣ твоей, но и во всей Русской землѣ, потому что Новгородъ Великій старше всѣхъ княженій въ Русской землѣ. И я тебѣ даю это старшинство; поѣзжай въ свой городъ.» И, поцѣловавши, онъ отпустилъ его. И всѣ братья его, Георгій, Владиміръ, Іоаннъ, съ великою честью проводили его до рѣки Шедакши. Съ ними были и всѣ бояре Всеволода, и всѣ купцы, и всѣ посланные братьевъ его. И говоръ восходилъ до небесъ отъ множества сопровождавшихъ Константина людей... Когда же наступилъ вечеръ, всѣ братья Константиновы и всѣ люди, и всѣ мужи отца его, и всѣ посланные братьями его—поклонились Константину и воздали ему великую хвалу, и каждый изъ нихъ возвратился во-свояси, проливая слезы радости и сожалѣнія по поводу того, что всѣ они лишились такого утѣшенія».

Какъ при отъѣздѣ старшаго брата или, вообще, одного изъ братьевъ-княжичей, остальные братья должны были провожать его, такъ и при полученіи извѣстія о возвращеніи его домой—они выѣзжали ему на встрѣчу. Такъ въ сентябрѣ 1206 г. братья Всеволодовичи встрѣтили у Сѣянья брата своего Ярослава, возвращавшагося послѣ неудачнаго княженія изъ Переяславля Русскаго, а въ февралѣ того же года выѣхали на встрѣчу старшему брату Константину, пріѣзжавшему на время къ отцу изъ Новгорода. Нѣкоторыя подробности этой встрѣчи любопытны и потому, что указываютъ на нѣкоторую разницу въ обычаяхъ при встрѣчѣ брата съ братьями и отца съ сыномъ. Лѣтописецъ разсказываетъ: «встрѣ-

тили Константина на р. Шедакшѣ всѣ братья его—Георгій, Ярославъ, Владиміръ, Святославъ, Іоаннъ, — и всѣ мужи отца его, и горожане всѣ отъ мала до велика; и братья его увидали его съ радостью, и поклонились ему, и цѣловали его любезно всѣ люди, и въѣхали вмѣстѣ съ нимъ во Владиміръ. И поклонился отцу своему Константинъ, отецъ же его, *вставъ*, *обнялъ его*, и цѣловалъ его любезно и съ радостью великою».

Вообще говоря, старшинство уважалось высоко и служило одною изъ важнѣйшихъ основъ въ между-княжескихъ отношеніяхъ. Отсту-

Рис. 32. Всходъ съ надворья на сѣни палатъ князя Андрея.

пленіе отъ общепринятыхъ понятій о законности правъ старшаго члена семьи приводило съ одной стороны къ постороннему вмѣшательству въ семейныя отношенія, съ другой—къ строгому суду старшаго надъ младшими. Такъ въ 1207 г. великій князь Всеволодъ Юрьевичъ судилъ рязанскихъ князей за то, что они дерзаютъ сноситься съ Ольговичами помимо его воли; такъ въ 1216 году Мстиславъ Удалый вступается въ распрю Всеволодичей и беретъ въ ней сторону старшаго брата противъ младшихъ. Любопытны подробности Всеволодова суда надъ рязанскими князьями, также указывающія намъ на значительно выработанныя, установившіяся формы юридическихъ отношеній.

Всеволодъ, по разсказу лѣтописца, задумавъ воевать съ Ольговичами, направился къ Чернигову, и 19 августа пришелъ на Москву, гдѣ войска его соединились съ войсками старшаго сына Константина. И послѣ того, какъ онъ пробылъ тутъ нѣсколько дней, пришла къ нему вѣсть, «что рязанскіе князья, которымъ онъ приказалъ идти на соединеніе съ его ратью къ Окѣ, сговорились съ Ольговичами, и идутъ къ нему съ злымъ умысломъ». И пошелъ онъ съ Москвы съ сыновьями до Оки и сталъ возлѣ рѣки въ шатрахъ, на берегѣ пологомъ. Въ тотъ же день пришли къ нему и рязанскіе князья—Романъ и Святославъ, братъ его съ двумя сыновьями, Игоревичи два брата, Ингварь и Юрій, и Володимерича два, Глѣбъ и Олегъ, и Давыдъ князь изъ Мурома. Всеволодъ, *поцѣловавъ ихъ*, повелѣлъ имъ сѣсть въ шатрѣ, а самъ сѣлъ (отдѣльно) въ полстницѣ. И сталъ онъ къ нимъ посылать князя Давыда Муромскаго и Михаила Борисовича, мужа своего, на обличенье ихъ. И *долго ходили они между палаткою и полстницею* (принося вопросы однимъ и отвѣты другимъ), и долго клялись и божились князья, отрицая взводимое на нихъ обвиненіе; но Глѣбъ и Олегъ Володимеричи, ихъ двоюродные братья, пришли къ нимъ и обличили ихъ. Князь же великій, услышавъ, *что истина доказана*, повелѣлъ ихъ взять со всѣми ихъ думцами, и вести ихъ въ Володиміръ».

Для улаженія отношеній между князьями равными на сѣверо-востокѣ Руси также существовали *снемы* или съѣзды князей, на которые князья собирались «исправлять все нелюбье между собою» (1229) и разъѣзжались, укрѣпивъ между собою миръ крестнымъ цѣлованіемъ. Случалось, что на этихъ съѣздахъ одни дѣла, между одними князьями заканчивались миромъ, а между другими не приходили къ желаемому концу (1301). Тогда оставалось только одно: обратиться къ посредству другаго, старшаго князя, рѣшенію котораго могло бы подчиниться обѣ стороны. Если же посредничество не удавалось и дѣло доходило до открытой борьбы, то рѣшеніе его предоставлялось Божьему суду—на полѣ битвы. «Пусть насъ Богъ разсудитъ», говорили въ подобномъ случаѣ князья, и побѣда всегда приписывалась современниками тому, что за побѣдителемъ была «Божья правда». Побѣжденному оставалось только одно: безусловно покориться волѣ побѣдителя, выразивъ ему свою покорность въ особой, строго-установленной, неизмѣнно-повторяющейся формѣ: «братъ!» говорилъ побѣжденный князь, кланяясь побѣдителю—«тебѣ бью челомъ! тебѣ надлежитъ жизнь мнѣ дать и хлѣбомъ меня накормить». И побѣдитель, принимая покорность побѣжденнаго, дѣйствительно озабочивался о томъ, чтобы ему было чѣмъ прокормиться съ дружиною: онъ или оставлялъ ему его удѣлъ, или, отнимая удѣлъ, давалъ ему другой для кормленія. Такъ, напр., послѣ Ли-

пицкой битвы (1216 г.), Константинъ Всеволодовичъ отнялъ у Юрія Владиміръ, но далъ ему въ удѣлъ Радиловъ Городецъ на Волгѣ, а брату своему Ярославу оставилъ его удѣлъ, Переяславль. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ, побѣжденный обязанъ былъ дарить побѣдителя, а такъ какъ около каждаго князя стояла его дружина, оказывавшая на него болѣе или менѣе сильное вліяніе, то побѣжденный закупалъ дарами и дружину побѣдителя. Что же касается побѣдителя, то онъ смотрѣлъ на эти дары, какъ на нѣчто обязательное, въ родѣ откупа или военной контрибуціи, и принималъ ихъ даже въ томъ случаѣ, когда относился къ побѣжденному съ полнымъ презрѣніемъ и не щадилъ оскорбленій, направленныхъ къ униженію его достоинства. Такъ Мстиславъ Удалый, послѣ примиренія Константина Всеволодовича съ Ярославомъ Переяславскимъ, отнимаетъ отъ него жену (свою дочь), отказывается переступить порогъ его дома или даже вступить въ его городъ, и въ то же время принимаетъ отъ него дары. Не мѣшаетъ замѣтить, что эти дары слѣдуетъ строго отличать отъ даровъ *благодарственныхъ*, которые раздавались князьями союзникамъ и дружинѣ въ благодарность за помощь, оказанную въ томъ или другомъ случаѣ, и отъ даровъ *обычныхъ*, которыми обыкновенно сопровождались празднества семейныя или общественныя и угощенія князей духовенствомъ или духовенства и дружины князьями; при этихъ угощеніяхъ хозяинъ обыкновенно также считалъ долгомъ дарить гостей. Особый видъ даровъ представляетъ раздѣленіе избытка богатой военной добычи или *сайгата* между родственниками и близкими князю людьми. Такъ мы видимъ, что Ростиславъ Юрьевичъ, одержавъ блистательную побѣду надъ Половцами (1193) и захвативъ богатую добычу, прежде всего ѣдетъ съ нею (съ сайгаты) къ отцу во Вручай; оттуда отпрашивается онъ у отца къ стрыю своему Давыду, въ Смоленскъ, и ѣдетъ туда съ «сайгатами«. Прослышавъ объ его пребываніи въ Смоленскѣ, Всеволодъ Юрьевичъ позвалъ его къ себѣ въ Суздаль. Ростиславъ Рюриковичъ и въ Суздаль къ тестю своему поѣхалъ съ сайгатами. Тесть держалъ его у себя всю зиму, одарилъ великими дарами и его, и дорогую дочь свою, Верхуславу, и затѣмъ отпустилъ ихъ во-свояси.

Женщина въ княжескомъ быту и въ Суздальскомъ періодѣ не теряетъ еще того высокаго значенія, какимъ она пользовалась въ Кіевѣ. Княгини занимаютъ на ряду съ мужьями своими высокое и независимое положеніе въ обществѣ. Въ распоряженіи княгинь находятся особыя, лично имъ принадлежащія средства, которыя онѣ нерѣдко употребляютъ на дѣла благочестія, преимущественно на постройку монастырей. Если судить объ этихъ средствахъ по такимъ зданіямъ, какъ Успенскій (Княгининъ) монастырь во Владимірѣ, воздвигнутый супругою Всеволода Юрьевича, то можно предположить, что княгини

обладали весьма значительными матерьяльными средствами. Источ
комъ этихъ средствъ было не только приданое, которое, какъ намъ
ложительно извѣстно, княжны, при выданіи замужъ, получали о
родителей, но и удѣлы, получаемые ими, какъ кажется, въ вн
свадебнаго дара отъ родителей жениха. Въ Ипатіевской лѣтописи, по
1187 г. находимъ мы драгоцѣнное извѣстіе о свадьбѣ Верхуславы Все
лодовны. Описаніе событія довольно подробно, можетъ быть потому, ч
въ немъ принимали участіе важнѣйшіе изъ современныхъ историч
скихъ дѣятелей, а можетъ быть и потому, что свадьба Верхусла
Всеволодовны съ Ростиславомъ Рюриковичемъ выдѣлилась изъ чис
другихъ свадебъ княжескихъ по своему блеску и великолѣпію.

Приводимъ это описаніе вполнѣ: «Послалъ (великій князь ки
скій) Рюрикъ (Ростиславичъ) Глѣба князя, шурина своего, съ жено
Славна тысяцкаго съ женою, Чурыню съ женою, и многихъ бояръ с
женами, къ Юрьевичу къ великому (князю) Всеволоду въ Суздаль.
Верхуславу (дочь Всеволодову). за (сына своего) Ростислава. А на Б
рисовъ день отдалъ Верхуславу, дочь свою. великій князь Всеволо
и далъ по ней многое множество. безъ числа. злата и серебра. а с
товъ подарилъ великими дарами. и отпустилъ съ великою честью.
ѣхалъ (князь) за милой дочерью своей до трехъ становъ. и плака
по ней отецъ и мать: мила она была имъ. да притомъ и мол
очень—(всего) осьми лѣтъ. И такъ. давъ многіе дары. князь отпусти
ее въ Русь. съ великою любовью. за князя Ростислава. Послалъ
онъ съ нею сестричича своего Якова съ женою. и иныхъ бояръ
женами: и привезли ее въ Бѣлгородъ наканунѣ Ѳеросиньина пи
поутру (дня) Іоанна Богослова обвѣнчана она у св. апостолъ (Пет
и Павла). въ деревянной церкви. блаженнымъ епископомъ Михаилом
Сотворилъ же Рюрикъ (сыну) Ростиславу очень пышную («вел
сильну») свадьбу. какой еще не бывало въ Руси. и было на
свадьбѣ князей много. слишкомъ 20: снохѣ же своей далъ (Рюр
князь) многіе дары и городъ Брягинъ: Якова же свата и съ боя
отпустилъ ко Всеволоду въ Суздаль. съ великою честью. и одар
ихъ всѣхъ многими дарами.»

Хотя суздальская лѣтопись и не сообщаетъ намъ свѣдѣній о зн
ченіи. какое княгини могли имѣть въ дѣлахъ общественныхъ. н
то упоминаетъ очень часто объ участіи не только княгинь. но и
женъ въ различныхъ церковныхъ праздествахъ. такихъ какъ пе
несенія мощей. освященія церквей. встрѣчи новопоставленныхъ
скоповъ. Подъ 1230 годомъ. при описаніи перенесенія мощей мучен
Аврамія изъ Болгарской земли во Владиміръ. упоминается о то
что при встрѣчѣ мощей присутствовала не только супруга князя Ю
Всеволодовича. но и малолѣтнія дѣти ея. Всеволодъ. гдѣ упоминается

участіи княгини въ торжествѣ или празднествѣ, рядомъ съ нею упоминаются и *боярыни*.

Постриженіе въ инокини было настолько же обычно между княгинями во Владимірѣ, насколько и въ Кіевѣ; нѣкоторыя изъ такихъ постриженій совершались съ большою торжественностью, и лѣтопись говоритъ о нихъ подробно. Такъ напр., подъ 1206 годомъ, читаемъ, что «мѣсяца марта во 2 день постриглась княгиня Всеволожая (супруга Всеволода Юрьевича) въ монахини, въ монастырѣ св. Богородицы (т. е. Успенскомъ), который ею самой былъ и созданъ; имя ей (во иночествѣ) нарекли Марія»... «и проводилъ ее до монастыря св. Богородицы самъ великій князь Всеволодъ, со многими слезами, и сынъ его Георгій, и дочь его Всеслава, жена Ростислава*), которая пріѣхала (въ гости) къ отцу и матери своей; и не было мóчи видѣть печаль ихъ. И были при этихъ проводахъ епископъ Іоаннъ и Симонъ игуменъ, духовный отецъ княгини, и иные игумны, и всѣ чернецы, и всѣ бояре и боярыни, и черницы изо всѣхъ монастырей, и горожане всѣ, и провожали (княгиню) до монастыря со слезами многими, такъ какъ она была ко всѣмъ до излишества добра.»

Описанное здѣсь постриженіе Всеволодовой супруги, происходившее при жизни мужа, вызвано было тѣмъ, что княгиня Марія, долго страдавшая отъ тяжкаго недуга, чувствовала приближеніе смерти и дѣйствительно, вскорѣ послѣ постриженія, скончалась въ монастырѣ. Но мы знаемъ и такой случай, когда, при жизни мужа, жена, по добровольному съ нимъ соглашенію, удалилась въ монастырь, вѣроятно по влеченію къ уединенію и религіозному созерцанію ([83]). Совершенно новою чертою, неизвѣстною въ кіевскомъ періодѣ, является *постриженіе надъ гробомъ мужа*. Лѣтописецъ суздальскій, разсказывая намъ (подъ 1218 г.) о смерти князя Константина Всеволодовича и о томъ, какъ граждане владимірскіе оплакивали добраго князя, прибавляетъ, при описаніи его похоронъ:... «княгиня-же Константинова тутъ и постриглась, надъ гробомъ мужа своего.»

О домашнемъ бытѣ князей и объ устройствѣ княжескаго дома получаемъ изъ суздальскихъ источниковъ нѣсколько новыхъ свѣдѣній. Что палаты строились преимущественно деревянныя, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, судя по извѣстіямъ о пожарахъ и о томъ, что палаты княжескія иногда избѣгали огня. Палаты эти строились среди двора княжескаго и въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ церковью, которую въ Владиміро-Суздальскомъ краѣ видимъ на всѣхъ княжихъ дворахъ. Съ церковью палаты княжескія соединялись переходами. У палатъ княжескихъ видимъ, какъ и въ Кіевѣ, *сѣни;* узнаемъ, что въ

(*) Всеслава Всеволодовна была замужемъ за Ростиславомъ Ярославичемъ, княземъ Сновскимъ; и Верхуслава, и Всеслава—обѣ были замужемъ за Ростиславами.

чиной покоемъ княжескихъ были *ложницы* или спальни, что покои эти устланы были коврами, а на стѣнахъ развѣшивалось оружіе, иногда унаслѣдованное отъ предковъ, дорогое по воспоминаніямъ. Казна княжеская также хранилась въ палатахъ князя и состояла, какъ и у князей нѣмецкихъ, изъ дорогихъ одеждъ, дорогихъ матерій, жемчуга, золота и серебра, драгоцѣнныхъ камней. Около дома княжескаго расположены были клѣти и погреба съ запасами (упоминается и о *медушѣ*, особомъ погребѣ, въ которомъ хранились *меды*), дома тіуновъ и ключниковъ, и слугъ княжескихъ. Ночью кругомъ палатъ княжескихъ ходили особые сторожа, и въ самыхъ сѣняхъ, у входа въ палаты, спали люди, вѣрные княжескіе слуги (*).

Но палаты княжескія не всегда были деревянныя. Сохранилась до нашего времени какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшая часть дворца Андрея Юрьевича Боголюбскаго, изящно и прочно выстроенная изъ камня. Это единственный остатокъ гражданскаго зданія XII вѣка заслуживаетъ, конечно, подробнаго описанія.

[illegible] зданіе, примыкающее съ сѣверной стороны къ Рождественской церкви княжескаго Боголюбова монастыря, и нынѣ извѣстное подъ названіемъ [illegible] св. кн. Андрея Боголюбскаго, состоит[illegible] изъ двухъ [illegible] частей: изъ болѣе высокой, [illegible] [illegible] и изъ менѣе высокой. [illegible] [illegible] [illegible]

ленными къ нимъ полуколоннами; тѣ же колонны съ рѣзными вѣточными капителями по угламъ зданія; тотъ же поясъ изъ небольшихъ колоннъ, соединенныхъ полукружіями вверху и опирающихся на небольшіе фигурные выступы. Въ восточной и западной стѣнѣ переходовъ есть въ настоящее время окна — на восточной одно, на западной два, но они очевидно передѣланы и не могутъ дать намъ понятія объ освѣщеніи этой части зданія въ XII вѣкѣ. Въ нижнемъ ярусѣ переходовъ, гдѣ нынѣ помѣщается алтарь Андреевской придѣльной церкви, въ XII в. не было никакого жилья. Большая часть этого нижняго яруса занята была обширной аркой (7 арш. 10 вершковъ вышины), задѣланной впослѣдствіи кирпичемъ. Здѣсь, между лѣстницей и стѣной церкви, былъ свободный проходъ, «вѣроятно для крестныхъ ходовъ» кругомъ всего храма.

Въ отдѣлѣ зданія, заключающемъ лѣстницу, видимъ окна только съ одной восточной стороны. Въ нижнемъ ярусѣ одно, щелеобразное окно между колоннами пояса; въ верхнемъ три окна пошире, отдѣленныя другъ отъ друга толстыми колонками. Въ нижней части зданія, съ восточной стороны, ближе къ лѣвой полуколоннѣ, отдѣляющей лѣстницу и сѣни отъ переходовъ, находится входная дверь (см. рис. 32) съ полукруглымъ сводомъ, шириною въ 1 аршинъ $5^1/_2$ вершковъ; вышину ея въ настоящее время опредѣлить было бы трудно, «такъ какъ внизу отъ давняго времени образовался насыпной и вѣроятно толстый слой земли, изъ-подъ котораго не видно даже и цоколя зданія».

Всходъ на сѣни устроенъ вокругъ каменнаго столба, толщиною 1 аршинъ $4^1/_2$ вершка въ діаметрѣ; вверхъ ведетъ лѣстница, въ 33 кирпичныхъ ступени. Ширина ея не болѣе $1^1/_2$ аршина. Прежде она освѣщалась 4 узкими щелеобразными окнами, изъ которыхъ въ настоящее время незаложеннымъ осталось только одно. На верху, въ сѣняхъ, окна съ западной стороны также заложены кирпичами. Сплошной сводъ, покрывавшій нѣкогда сѣни, пробитъ для устройства лѣстницы въ верхній этажъ, на колокольню, устроенную, вѣроятно, въ XVII вѣкѣ. Кирпичныя ступени лѣстницы, заложенныя кирпичами окна и разрушенный для надстройки сводъ зданія указываютъ намъ, какъ оно много потерпѣло въ теченіе времени.

Мѣстныя преданія Боголюбова монастыря, основываясь на сказаніи объ убіеніи благовѣрнаго князя Андрея, указываютъ на этой всходной лѣстницѣ два исторически-памятныхъ мѣстъ: 1) на темный закоулокъ внизу лѣстницы, позади всходнаго столпа, какъ на мѣсто кончины князя Андрея, искавшаго убѣжища отъ убійцъ и здѣсь приконченнаго ими; 2) на тройное окно въ верхнемъ ярусѣ сѣней, изъ котораго ключникъ Анбалъ будто-бы выбросилъ коверъ и корзно, по просьбѣ вѣрнаго слуги Андреева, чтобы прикрыть тѣло князя, выволоченное убій-

цами въ огородъ. Эти указанія мѣстнаго преданія не заключаютъ въ себѣ ничего неправдоподобнаго. Но съ другой стороны можно положительно опровергать другое, укоренившееся мѣстное преданіе, по которому та часть уцѣлѣвшей древней постройки, которую мы назвали переходомъ, будто-бы заключала въ себѣ опочивальню Андрея или даже моленную палату его, въ которую къ нему, по сказанію, вломились убійцы. Эта опочивальня помѣщалась, вѣроятно, въ самомъ зданіи княжихъ палатъ, далѣе на сѣверъ. «Основанія палатъ», какъ говорятъ, «были видимы при копаніи рвовъ для фундамента зданія новыхъ монастырскихъ келлій, построеннаго, какъ можно предполагать, частью на мѣстѣ княжаго дома».

Рис. 33. Шеломъ князя Ярослава Всеволодовича.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

ЦЕРКОВЬ.

Особенности устройство церкви во Владимірѣ.—Доходы и богатства мѣстныхъ владыкъ.—Страсть къ постройкамъ и украшеніямъ храмовъ.—Новыя святыни и церковныя торжества.—Отношеніе владыкъ къ свѣтской власти.—Западное вліяніе на мѣстную церковную архитектуру. Первая эпоха развитія церковнаго зодчества во Владиміро-Суздальскомъ краѣ:—постройки Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго.

Устройство церкви во Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ ничѣмъ не отличалось отъ устройства церкви въ княжествѣ Кіевскомъ. Различіе могло первоначально заключаться только въ степени значенія, которое Кіевъ, какъ постоянное мѣстопребываніе митрополита, стоявшаго въ тѣсной связи съ Византіей, могъ имѣть по отношенію ко всей остальной Руси.

Епископъ владимірскій и суздальскій, наравнѣ со всѣми остальными епископами русскими, являлся, конечно, лицомъ подчиненнымъ митрополиту кіевскому, не только по духовному сану своему, но и по отношенію ко всѣмъ вопросамъ церковнымъ, разрѣшеніе которыхъ не могло зависѣть отъ воли епископской. Однакоже, по мѣрѣ того, какъ значеніе княжества Владиміро-Суздальскаго возрастало и крѣпло—самое положеніе епископа владимірскаго пріобрѣтало болѣе и болѣе важности. Мы знаемъ, что уже около 1162 года князь Андрей Юрьевичъ, желая возвысить значеніе Владиміра въ смыслѣ церковномъ, а также и сдѣлаться вполнѣ независимымъ отъ Кіева, ходатайствовалъ у патріарха константинопольскаго объ учрежденіи особой митрополіи въ любимомъ стольномъ городѣ Андрея. Ходатайство Андрея Юрьевича не было уважено патріархомъ и не привело ни къ чему; однакоже, во второй четверти XIII вѣка, когда историческая жизнь Русская стала

[illegible] тяготѣть къ новому центру на сѣверо-востокѣ Руси, митрополита [illegible] подъ вліяніемъ [illegible] историческихъ обстоятельствъ, [illegible] чаще и чаще обращать взоры во Владиміру. Сначала они только временно пребывали въ немъ, какъ дорогіе гости, но потомъ, ласкаемые [illegible] начинались въ немъ по году, а въ 1299 г. и окончательно перенесли свое местопребываніе во Владиміръ.

Помимо [illegible] и дружинъ, мы уже видѣли, что [illegible] Владиміръ-Суздальскомъ [illegible] и дворяне, какъ и въ Кіевѣ. [illegible]

или Юрьевѣ епископство, для доставленія котораго, по его словамъ, «Верхуслава Всеволодовна готова была расточить даже и тысячу серебра» ([86]).

Источники доходовъ духовенства въ Владиміро-Суздальскомъ княжествѣ, вѣроятно, были тѣже, что и въ Кіевскомъ. Достовѣрно знаемъ о «десятинѣ, собираемой со всей земли» церковью, о городахъ и селахъ, составлявшихъ частную собственность отдѣльныхъ церквей, и потому подлежавшихъ вѣдѣнію епископа ([87]); знаемъ о правѣ церкви на полученіе части торговыхъ пошлинъ, и непрерывно слышимъ въ лѣтописи о неистощимой щедрости князей по отношеніи къ церкви. О сокровищахъ, скоплявшихся не только въ храмахъ, но и въ казнѣ церковной—лѣтопись упоминаетъ часто и говоритъ подробно.

Важною особенностью быта духовенства въ Ростово-Суздальской области, по сравненію съ бытомъ духовенства кіевскаго, является то обстоятельство, что епископы владимірскіе и ростовскіе (судя по лѣтописи суздальской) были вообще чрезвычайно богаты и, сверхъ того, богатѣли очень скоро. Въ частной собственности епископовъ видимъ и села, и движимость (товаръ), и значительныя суммы денежныя. Странною противуположностью этимъ извѣстіямъ и даже какъ бы нѣкоторымъ назиданіемъ звучитъ похвала лѣтописца ростовскому епископу Пахомію, о которомъ лѣтописецъ, замѣтивъ, что «Пахомій былъ исполненъ книжнаго ученія», добавляетъ далѣе: «то былъ агнецъ, а не волкъ, ибо не расхищалъ отъ чужихъ домовъ богатства, не собиралъ его, не хвалился имъ, но болѣе (занимался тѣмъ, что) обличалъ грабителей и мздоимцевъ».

Прекраснымъ дополненіемъ къ тому, что изложено нами выше, можетъ, конечно, служить упоминаніе лѣтописи (подъ 1229 г.) о несчастіяхъ, постигшихъ епископа Ростовскаго Кирилла. Лѣтописецъ замѣчаетъ, что бѣды пришли на него разомъ, «какъ на Іова:» онъ и заболѣлъ какою-то странною болѣзнью (въ родѣ рожистаго воспаленія), вынудившаго его покинуть епископство, и, въ то-же самое время, потерялъ все свое состояніе. «Въ одинъ день, мѣсяца сентября въ 7-е число», говоритъ лѣтописецъ, «все богатство отнято было у него по причинѣ нѣкоторой тяжбы: такъ судилъ Ярославъ (Всеволодовичъ), тутъ (т. е. въ Ростовѣ) бывшій на снемѣ. А былъ Кириллъ *очень богатъ кузнами* (*деньгами*) *и селами*, *и всѣмъ товаромъ*, *и книгами*, и, просто сказать, такъ былъ богатъ всѣмъ, какъ ни одинъ изъ епископовъ, бывшихъ въ Суздальской области. Но Кириллъ за все это воздалъ Богу хвалу, и постригся въ схиму того-же мѣсяца въ 16 день, и наречено было ему (въ схимѣ) имя Кирьякъ; а что у него осталось (изъ его богатства), то онъ роздалъ своимъ любимцамъ и нищимъ».

По поводу этой тяжбы и несчастій Кирилла лѣтописецъ сообщаетъ намъ и еще одну весьма любопытную черту изъ быта совре-

меннаго духовенства. Епископъ Кириллъ, избранный во епископы изъ черноризцевъ суздальскаго монастыря св. Дмитрія, по оставленіи епископской каѳедры, возвращается въ тотъ-же монастырь св. Дмитрія. *въ свою келью*. Изъ этого можно заключить, что если не у всѣхъ, то у многихъ епископовъ Ростово-Суздальской области было въ обычаѣ сохранять за собою келью въ томъ монастырѣ, изъ котораго они вышли, отчасти, можетъ быть, на случай временнаго пребыванія своего въ томъ городѣ ([88]), гдѣ находился ихъ монастырь, отчасти-же и въ въ виду того, что они, рано или поздно, могутъ вновь возвратиться въ среду родной братіи, какъ скромные иноки и затворники.

По отношенію къ церковнымъ праздникамъ и святынямъ слѣдуетъ замѣтить, что число ихъ во Владиміро-Суздальской области возрасло значительно. Въ кругъ церковныхъ праздниковъ внесены были церковью дни обрѣтенія мощей мѣстныхъ угодниковъ—Исаіи и Леонтія Ростовскихъ (15 и 23 мая 1164), установленный около 1158 г. по волѣ Андрея Боголюбскаго въ память явленія ему Богоматери, и праздникъ Всемилостиваго Спаса, установленный также Андреемъ Юрьевичемъ въ память славной побѣды, одержанной имъ надъ Болгарами (1 августа 1164 г.) и совпавшей съ днемъ побѣды, одержанной греческимъ императоромъ Мануиломъ надъ Сарацинами. Такое чудесное совпаденіе событій, одинаково приписываемое обоими побѣдителями тому обстоятельству, что при ихъ войскахъ находились чудотворныя иконы Всемилостиваго Спаса и Пречистой Его Матери — побудило императора Мануила и князя Андрея Юрьевича, по обоюдному соглашенію и по уговору церкви греческой съ русскою, установить праздникъ Спаса, который сдѣлался общимъ во всей православной Церкви и празднуется донынѣ 1-го августа.

По поводу этого событія не мѣшаетъ замѣтить, что упоминаніе объ иконахъ и крестахъ, сопутствовавшихъ войску Боголюбскаго въ походѣ, является совершенно новою чертою быта, по сравненію съ кіевскимъ періодомъ, въ которомъ не знаемъ ни одного подобнаго упоминанія. Если были при войскѣ иконы и кресты, то должно предполагать, что ихъ сопровождало и духовенство съ клиромъ.

Въ связи съ этимъ важнымъ упоминаніемъ стоитъ и другой любопытный фактъ, упоминаемый Ипатьевскою лѣтописью въ концѣ сказанія объ убіеніи Андрея Боголюбскаго. Когда, по убіеніи князя, мятежъ поднялся въ Боголюбовѣ, а потомъ и во Владимірѣ, и многіе, «даже приходя изъ селъ, устремлялись на грабежъ, то безпорядки продолжались до тѣхъ поръ, пока попъ Микулица не догадался и, облекшись въ ризы, не сталъ ходить по городу съ иконою Пресвятой Богородицы. «Только тогда и прекратился грабежъ», по замѣчанію автора сказанія.

Лѣтопись сохранила намъ много описаній различныхъ церковныхъ торжествъ, къ числу которыхъ, кромѣ посвященія и настолованія епископовъ, кромѣ перенесенія мощей и другихъ празднествъ, извѣстныхъ намъ уже изъ кіевскаго періода, относятся еще торжественныя встрѣчи

Рис. 34. Церковь Покрова на Нерли, близъ Боголюбова.

новопоставленныхъ епископовъ, когда они, послѣ посвященія въ санъ епископскій, возвращались изъ Кіева, черезъ Ростовъ и Суздаль, во Владиміръ. При этомъ на встрѣчу ихъ обыкновенно выходилъ за Золотыя ворота весь городъ, все духовенство съ крестами и иконами и самъ князь съ княгинею и дѣтьми. Торжественность этой встрѣчи

равнялась только въѣзду въ городъ новаго князя, вступавшаго по праву старшинства на столъ «дѣдній и отній».

Не излишнимъ считаемъ привести здѣсь одно изъ описаній лѣтописи, сообщающее намъ любопытныя подробности о церковномъ торжествѣ, устроенномъ въ княженіе великаго князя Константина Всеволодовича по поводу принесенія епископомъ полоцкимъ нѣкоторыхъ частей св. мощей изъ Царьграда, въ 1218 году. «Христолюбивый» князь Константинъ съ радостью принялъ епископа и его драгоцѣнный даръ и учредилъ «свѣтлое торжество по поводу ихъ прихода». Мощи, принесенныя епископомъ и заключавшіяся въ ковчежцѣ, были не прямо ввезены въ городъ, а предварительно поставлены въ Вознесенскомъ монастырѣ, передъ Золотыми воротами (слѣдовательно внѣ города), гдѣ обыкновенно останавливались всѣ лица духовнаго званія (епископы и игумны), пріѣзжавшіе во Владиміръ. «На другой день, въ воскресенье, въ память св. мученика Логгина (*), князь Константинъ повелѣлъ, послѣ того, какъ отпѣта была заутреня, идти всему народу со крестами отъ собора св. Богородицы (Успенскаго) и отъ Дмитровскаго, и епископу со всѣмъ клиросомъ, — къ монастырю св. Вознесенья: туда пошелъ и самъ князь со своими благородными сынами и со всѣми боярами. «И взялъ епископъ (у св. Вознесенья) на главу свою ту святую раку, въ которой положено было святое то сокровище, и такъ возвратился въ городъ: и всѣ пошли къ св. Дмитрію, и тутъ стали прикладываться (къ святынѣ) епископъ и христолюбивый князь Константинъ, и всѣ православные».

По отношенію къ церковному зодчеству, мы рѣшительно не можемъ согласиться съ историкомъ Русской церкви, который говоритъ, что «архитектура нашихъ храмовъ во второй половинѣ XII и въ первой XIII вѣка оставалась та же самая, какъ была и въ XI» (**). Этотъ выводъ положительно не можетъ быть допущенъ по отношенію къ памятникамъ церковнаго зодчества, уцѣлѣвшимъ до нашего времени въ Владиміро-Суздальской области отъ XII и XIII вв. При первомъ взглядѣ на памятники владимірскіе, наиболѣе цѣльно-сохранившіеся, бросается въ глаза ихъ рѣзкое различіе съ памятниками кіевскими какъ въ общемъ характерѣ, такъ и въ частностяхъ. Одноглавыя церкви, представляющія собою въ основаніи почти квадратный прямоугольникъ, нарушаемый только полукруглыми алтарными тремя выступами съ восточной стороны: колонны и пилястры, передѣляющіе стѣны то на три, то на четыре отдѣла, закругляющіеся вверху, подъ крышею, въ видѣ правильныхъ полукруглыхъ дугъ: пояса изъ колонокъ и арочекъ, пересѣкающіе колонны и пилястры на самой сере-

(*) Въ ковчежцѣ, принесенномъ епископомъ полоцкимъ, находились — часть креста Господня, обѣ руки св. Логгина-воина и часть мощей св. Маріи Магдалины.

Рис. 35. Успенскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

динѣ, подъ прямымъ угломъ; щелеобразныя, длинныя окна, едва пропускающія свѣтъ внутрь церкви, входы съ колоннами и полукруглыми сводами въ видѣ нѣсколькихъ выпуклыхъ дугъ, украшенныхъ рѣзьбою; и наконецъ стѣны, покрытыя вычурными фигурами людей и животныхъ и фантастическими узорами—все это очевидно не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ типомъ храма, подъ который подходятъ уцѣлѣвшія до нашего времени церкви кіевскія.

Сравнивая владимірскія церкви съ кіевскими, мы приходимъ къ тому убѣжденію, что при созиданіи послѣднихъ настолько же сильно дѣйствовало западное, романское (*) вліяніе, насколько при постройкѣ первыхъ преобладало вліяніе южное, византійское. Отчасти это первое вѣяніе Запада сказывается и въ самомъ свидѣтельствѣ лѣтописи, которая говоритъ, что «по тщанію князя Андрея къ св. Богородицѣ, Богъ привелъ ему мастеровъ изъ всѣхъ земель». Ясно, что въ распоряженіи суздальскаго князя находились не одни только греческіе, но и «другихъ земель мастера»; а болѣе близкое знакомство съ памятниками владимірскими указываетъ даже довольно ясно на то, что мастера византійскіе могли участвовать только во внутренней отдѣлкѣ этихъ храмовъ, между тѣмъ какъ вся внѣшняя сторона ихъ очевидно была поставлена въ тѣсную зависимость отъ искусства строителей, пришедшихъ съ Запада и принесшихъ съ собою новые архитектурные образцы, которые почему-то особенно привились въ Ростово-Суздальской области, доведены были тамъ до замѣчательнаго совершенства и даже оказали значительное вліяніе на нашу церковную архитектуру въ послѣдующемъ, московскомъ періодѣ ея развитія.

Но лѣтописное свидѣтельство, приведенное нами выше, можетъ до нѣкоторой степени ввести насъ въ заблужденіе въ томъ смыслѣ, что пожалуй заставитъ видѣть въ Андреѣ Боголюбскомъ перваго изъ князей нашихъ, допустившаго вліяніе западныхъ образцовъ въ нашей церковной архитектурѣ. Однакоже, простое сравненіе древнихъ памятниковъ Ростово-Суздальской области, въ связи съ нѣкоторыми хронологическими данными ихъ исторіи, заставило прійти къ тому убѣжденію, что западное вліяніе уже и ранѣе Андрея Боголюбскаго, можетъ быть подъ вліяніемъ Смоленска, Новгорода и Пскова, нашло себѣ доступъ на сѣверо-восточную окраину Руси XV вѣка. Уже Юрій Долгорукій, постоянно стремившійся на Югъ и силою обстоятельствъ вынуждаемый удаляться въ свой далекій удѣлъ, сталъ еще въ половинѣ XII вѣка заботиться объ увеличеніи старыхъ городовъ Ростово-Суздальской области, о постройкѣ новыхъ и объ украшеніи

(*) *Романскимъ* называется особый архитектурный стиль, преобладавшій въ Ломбардіи, Нормандіи и Германіи съ конца X до половины XIII в. См. объ этомъ подробнѣе въ примѣч. 89.

какъ тѣхъ, такъ и другихъ созданіемъ цѣлаго ряда новыхъ храмовъ. Такимъ образомъ, между 1152—1155 годомъ, имъ воздвигнуто было пять храмовъ: церкви св. Георгія въ Юрьевѣ-Польскомъ и во Владимірѣ, церковь Всемилостиваго Спаса въ Суздалѣ, церковь св. Бориса и Глѣба въ с. Кидекшѣ-на-Нерли и церковь Преображенія въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ. Всѣ постройки, оставшіяся намъ отъ времени Андрея Боголюбскаго, относятся къ періоду времени между 1156—1157 годами; а такъ какъ вліяніе романскаго стиля можно прослѣдить уже и въ храмахъ, созданныхъ Юріемъ, то конечно было бы ошибочно считать время княженія Андрея Юрьевича эпохою возникновенія на сѣверо-востокѣ Руси первыхъ памятниковъ, носящихъ на себѣ яв-

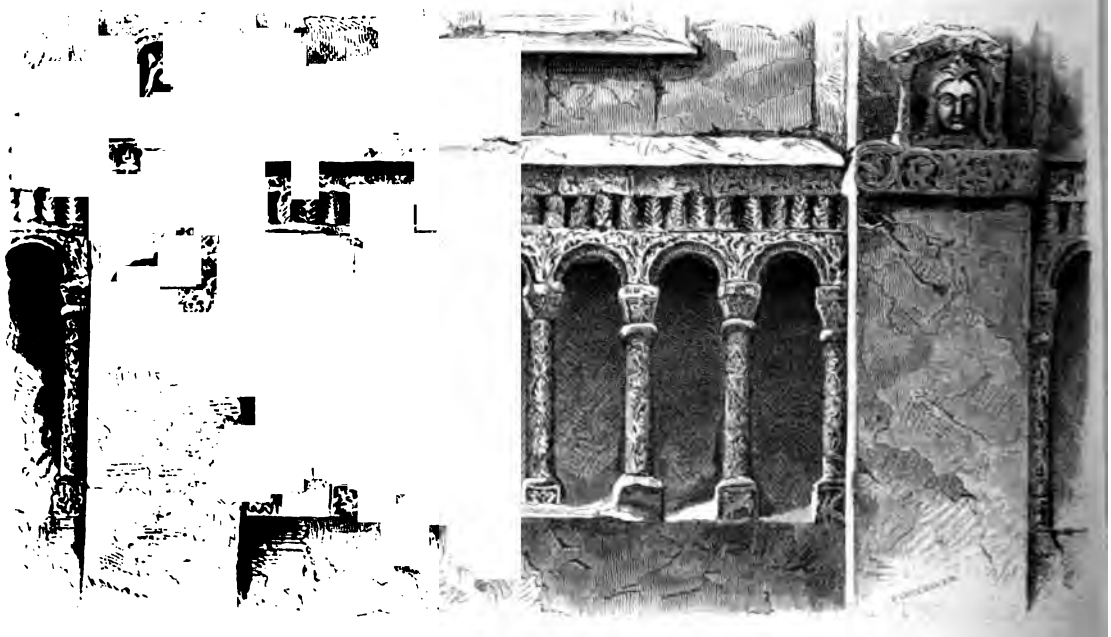


Рис. 36. Рѣзной поясъ, уцѣлѣвшій на стѣнахъ Суздальскаго собора.

ные слѣды западнаго, романскаго вліянія. Княженіе Андрея Боголюбскаго можно также считать эпохою, въ теченіе которой проникнувшее къ намъ романское вліяніе успѣло у насъ утвердиться, выразиться въ цѣломъ рядѣ замѣчательныхъ памятниковъ и даже найти себѣ ту благодарную почву, на которой въ послѣдующую эпоху, въ княженіе Всеволода Юрьевича, могли явиться такіе памятники церковнаго зодчества, какъ церковь Рождества въ Рождественскомъ монастырѣ (1192), и какъ Дмитровскій соборъ (1194) во Владимірѣ.

Изо всѣхъ храмовъ, построенныхъ Юріемъ, къ сожалѣнію, только одинъ Преображенскій соборъ въ Переяславлѣ-Залѣсскомъ сохранился до нашего времени въ своемъ древнемъ видѣ, между тѣмъ какъ осталь-

Рис. 37. Суздальскій соборъ.

ные четыре храма претерпѣли болѣе или менѣе значительныя измѣненія, подъ которыми скрылся первоначальный романскій типъ ихъ. Переяславскій соборъ представляетъ собою очень чистый образчикъ первоначальныхъ, болѣе простыхъ построекъ, возведенныхъ западными зодчими въ Ростово-Суздальскомъ княжествѣ во время княженія Юрія Долгорукаго. Если откинуть отъ западной стѣны безобразящую соборъ крытую папертъ новѣйшей постройки, то мы увидимъ передъ собою двухъ-ярусное зданіе, воздвигнутое на квадратномъ основаніи; на серединѣ кровли—круглый барабанъ, поддерживающій главу храма; на сѣверномъ, южномъ и западномъ фасадахъ—пилястры, раздѣляющіе каждый изъ фасадовъ на три неравныя части и закругляющіеся подъ кровлею тремя полукруглыми арками. Немного ниже середины зданія, пилястры эти пересѣкаются откосомъ, срѣзаннымъ кверху и замѣняющимъ поясъ. Нигдѣ, кромѣ барабана — никакихъ внѣшнихъ украшеній.

Ближайшими, по времени построенія, къ Переславскому собору—были палаты Андрея Юрьевича и церковь Рождества Богородицы въ Боголюбовѣ, построенныя около 1156 года, а также соборъ Успенскій во Владимірѣ (1158 — 1161) и церковь Покрова-на-Нерли, въ бывшемъ Покровскомъ монастырѣ.

Прекрасно сохранившаяся церковь Покровскаго монастыря (близь Боголюбова), построенная Андреемъ Юрьевичемъ около 1165 года, можетъ дать намъ вполнѣ ясное понятіе о характерѣ церковнаго зодчества въ эпоху Андрея Боголюбскаго. Если мы сравнимъ эту церковь съ Переяславскимъ соборомъ, то увидимъ, что Покровская церковь представляетъ собою дальнѣйшее развитіе того же типа и отличается лишь бо́льшимъ количествомъ внѣшнихъ украшеній, на которыя не поскупился строитель. На Покровской церкви видимъ по угламъ храма и поверхъ плоскихъ, довольно широкихъ пилястровъ приставленныя къ пилястрамъ узкія полуколонны, которыя идутъ отъ основанія и до кровли зданія; поясъ состоитъ изъ ряда колоннокъ, опирающихъ на подставы (кронштейны) и соединенныхъ между собою округлыми перемычками. Входы, съ откосами вглубь зданія, украшены по бокамъ тремя колоннами, которыя вверху соединяются между собою посредствомъ трехъ полукруглыхъ перемычекъ, украшенныхъ богатою рѣзьбою. Но болѣе всего обращаетъ на себя вниманіе то, что на трехъ фасадахъ храма верхняя часть пустаго пространства между арками, опирающимися на пилястры, и вершинами оконъ— на Покровской церкви уже занята обронно-высѣченными изъ камня изображеніями человѣческихъ фигуръ, звѣрей и фантастическихъ животныхъ. Это характерное украшеніе церковныхъ стѣнъ, въ послѣдующую эпоху (въ княженіе Всеволода Юрьевича), разростается еще больше, является и на простѣнкахъ оконъ

трибуна и на всемъ пространствѣ отъ кровли до пояса включитель
Въ XIII в. обронныя украшенія церковныхъ стѣнъ опускаются и ни
пояся, до самаго основанія зданія, какъ мы это видимъ на стѣнах
Юрьевскаго собора, перестроеннаго Святославомъ Всеволодовичем
около 1230 года.

Описанная нами выше, съ внѣшней стороны, Покровская церков
настолько же типична и по отношенію къ своему внутреннему устрой
ству. «Стѣны внутри церкви дѣлятся на три части пилястрами, на
дящимися противъ среднихъ столбовъ; дѣленіе это соотвѣтствуетъ п
лястрамъ на фасадѣ. Четыре внутренніе столба, соединенные арка
между собою и съ пилястрами, приставленными къ стѣнамъ, образуют
равноконечный крестъ, вписанный внутри четыреугольника: надъ сер
диной этого креста возвышается, поддерживаемый столбами, круглы
трибунъ, покрытый полусферическимъ сводомъ. Четыре оконечност
креста покрыты полуциркульными сводами, опирающимися на арк
перекинутыя отъ столбовъ на пилястры у стѣнъ. Такими же сводам
покрыты и четыреугольныя части церкви, не входящія въ составъ вну
ренняго креста. Три части алтаря покрыты полусферическими сводам
и крышами, подходящими къ очерку арокъ, составляющихъ верхъ во
точной стѣны.

Хоры въ Покровской церкви не существуютъ болѣе, хотя и в
ней, какъ во всѣхъ церквахъ Ростово-Суздальскаго края, они н
сомнѣнно существовали прежде. Доказательствомъ этому служитъ «за
женная дверь, сохранившаяся въ южной стѣнѣ церкви; черезъ э
дверь на хоры можно было проходить не иначе, какъ изъ верхня
этажа какого-нибудь находившагося около церкви зданія, по перекинут
аркѣ. Мѣсто, гдѣ примыкала къ церкви переходная арка — еще з
мѣтно, пониже двери: оно легко обозначается перерывомъ средняго це
ковнаго пояса. Не мѣшаетъ замѣтить при этомъ, что почти во всѣ
церквахъ XII и XIII вѣка, во Владимірской губерніи, доселѣ еще вид
слѣды заложенныхъ наружныхъ входовъ на хоры» (90).

Изъ всего вышеизложеннаго нетрудно сдѣлать тотъ выводъ, что
не смотря на измѣнившуюся подъ вліяемъ Запада внѣшность церквей
Владиміро-Суздальской области, внутренній планъ ихъ остался не
мѣнно «подчиненнымъ условіямъ древне-русскаго церковнаго распо
женія въ видѣ равноконечнаго греческаго креста, соотвѣтственно пла
всѣхъ византійскихъ церквей первой эпохи, принятому въ Россіи вм
стѣ съ греческимъ вѣроисповѣданіемъ» (91).

Покровская церковь по отношенію къ матеріалу и способу
стройки ничѣмъ не отличается отъ всѣхъ древнихъ храмовъ Владимі
Суздальскаго края. Стѣны, построенныя изъ крупныхъ глыбъ бѣл
мягкаго камня, представляютъ собою не болѣе, какъ «облицовк

средина между облицовками, составляющими внутреннія и наружныя стѣны церкви, наполнена бутомъ изъ булыжника, залитаго цементомъ; связи положены были всюду деревянныя дубовыя (желѣзныхъ связей нигдѣ не употребляли). Внутри, по стѣнамъ, церковь, вѣроятно, была расписана, хотя слѣды фресокъ сохранились только въ простѣнкахъ трибуна.

Мы нарочно подолѣе остановили вниманія читателя на описаніи Покровской церкви, какъ памятника чрезвычайно типичнаго и близко знакомящаго насъ со всѣми подобными ему произведеніями романскаго стиля въ Владиміро-Суздальской области.

Это даетъ намъ возможность, при дальнѣйшемъ обзорѣ владимірскихъ храмовъ, воздвигнутыхъ Всеволодомъ Юрьевичемъ, остановиться только на тѣхъ новыхъ чертахъ, которыя внесены были въ мѣстное церковное зодчество послѣдующею, блестящею эпохою его дальнѣйшаго развитія. Въ настоящее же время намъ остается сказать лишь нѣсколько словъ объ остальныхъ зданіяхъ, воздвигнутыхъ Андреемъ Боголюбскимъ. Слѣды этихъ зданій—увы!—нелегко отыскать подъ различными нагроможденіями позднѣйшаго времени.

Прославленный лѣтописцами за красоту и богатство соборъ св. Богородицы (Успенскій), воздвигнутый Андреемъ Боголюбскимъ во Владимірѣ, сгорѣлъ въ пожарѣ 1185 года. Отъ него остались однѣ стѣны. Судя по нѣкоторымъ подробностямъ плана его и по лѣтописному извѣстію, указывающему на то, что соборъ Андреевъ былъ *одноглавый*, мы имѣемъ право заключить, что онъ также не отступалъ по внѣшности отъ общаго романскаго типа церквей, построенныхъ въ Владиміро-Суздальскомъ краѣ Юріемъ и Андреемъ. Донынѣ на западномъ его фасадѣ сохранились слѣды архитектурныхъ украшеній, свойственныхъ всѣмъ зданіямъ романскаго стиля. На стѣнахъ, внутри и снаружи храма, сохранилось еще нѣсколько лѣпныхъ изображеній (человѣческія лица и фигуры львовъ), вѣроятно, нѣкогда составлявшихъ существенную часть украшеній зданія.

Но Всеволодъ, воздвигая новый Успенскій соборъ на мѣстѣ стараго, нашелъ себя вынужденнымъ значительно его расширить пристройками съ трехъ фасадовъ, причемъ нетронутою осталась только восточная часть собора съ его алтарными выступами (см. рис. 35). При расширеніи зданія, его трибунъ, соотвѣтствовавшій размѣрамъ прежняго Успенскаго собора, потерялъ всякое значеніе и оказался подавленнымъ размѣрами крыши. Желаніе скрасить это несоотвѣтствіе въ размѣрахъ вызвало потребность въ постановкѣ новыхъ четырехъ, меньшихъ главъ по угламъ обширной кровли—и храмъ воздвигнутъ былъ пятиглавый. Эта перестройка, въ связи съ позднѣйшими измѣненіями въ формѣ кровли, а также приставленные къ зданію съ четырехъ угловъ толстѣйшіе

контрфорсы, до такой степени измѣнили, съ теченіемъ времени, характеръ первоначальной постройки, что въ настоящее время ее можно только угадывать среди массы загромоздившихъ ее новыхъ частей.

Еще болѣе печальная участь постигла Рождественскій храмъ, воздвигнутый Андреемъ Юрьевичемъ въ городѣ Боголюбовѣ, и поражавшій современниковъ своимъ великолѣпіемъ. Уже въ концѣ XII столѣтія дважды пограбленный, а въ XIII в., вѣроятно, порушенный Монголами, онъ много разъ подвергался всякаго рода передѣлкамъ, перестройкамъ и видоизмѣненіямъ внѣшности. Карнизы, крыша, трибунъ и глава были перестроены. Можно почти сказать, что отъ древней Андреевской постройки уцѣлѣли только размѣры и фундаментъ съ частью стѣнъ, которыя, однакоже, какъ можно предполагать, не разъ подвергались перестройкамъ ([92]).

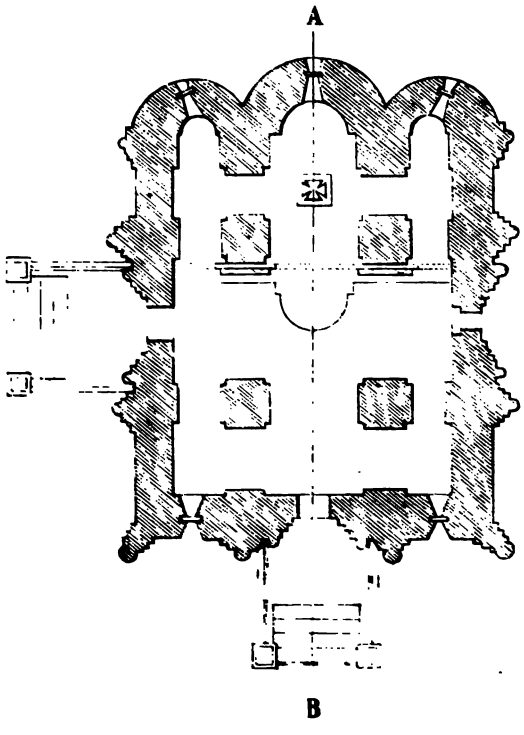


Рис. 38. Планъ церкви Покрова-на-Нерлѣ.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ЦЕРКОВЬ (окончаніе).

Вторая, блестящая эпоха развитія церковнаго зодчества при Всеволодѣ Юрьевичѣ.—Рождественскій монастырь.—Перестройка владимірскаго Успенскаго собора.—Соборъ Дмитровскій. Любопытныя и важныя подробности его орнаментаціи.—Дальнѣйшее развитіе мѣстнаго церковнаго стиля въ памятникахъ XIII вѣка.—Внутреннее, великолѣпное убранство и устройство церквей.—Древнія иконы и древнія фрески владимірскія.

Вѣроятно, вкусъ къ постройкамъ успѣлъ въ значительной степени развиться во Владиміро-Суздальскомъ краѣ во время княженія Юрія и Андрея, и самыя средства къ возведенію построекъ въ значительной степени улучшиться, потому что всѣ храмы, воздвигнутые въ княженіе Всеволода Юрьевича, какъ по размѣрамъ своимъ, такъ и по красотѣ, и по богатству внѣшнихъ украшеній представляютъ собою значительный шагъ впередъ въ области церковнаго зодчества. Отчасти на улучшеніе строительныхъ способовъ указываетъ и лѣтопись, въ которой, подъ 1194 годомъ, говорится, по поводу обновленія церкви св. Богородицы въ Суздалѣ, что епископу Іоанну не пришлось «искать для этого мастеровъ между иноземцами, такъ какъ онъ нашелъ ихъ среди *клевретовъ* (?) св. Богородицы и другихъ: одни изъ нихъ умѣли лить олово, другіе крыть кровли, третьи бѣлить известью». Изъ этого можно заключить, что рядъ послѣдовательныхъ построекъ, возведенныхъ въ Владиміро-Суздальской области между 1152—1194 гг., не прошелъ безслѣдно: мастера-иноземцы, призванные Андреемъ «отъ всѣхъ земель», успѣли научить русскихъ рабочихъ важнѣйшимъ пріемамъ строительнаго искусства, и даже есть основаніе думать, что умѣнье возводить каменныя постройки особенно привилось во Владимірѣ. Недаромъ Ростовцы, гнѣваясь на Владимірцевъ, называли ихъ въ насмѣшку

«своими каменьщиками». Но изъ этого, конечно, не слѣдуетъ еще, что Всеволодъ Юрьевичъ, приступая къ своимъ постройкамъ, не нуждался болѣе въ призывѣ иностранныхъ зодчихъ для возведенія такихъ храмовъ какъ Успенскій соборъ, какъ церковь Рождества въ Рождественскомъ монастырѣ и въ особенности какъ Дмитровскій соборъ, который носилъ на себѣ несомнѣнные слѣды не только вліянія иноземнаго искусства, но даже вліянія чуждыхъ русской и византійской почвѣ западныхъ преданій.

Всѣ постройки, выполненныя Всеволодомъ, воздвигнуты были между 1190—1197 гг. Первою изъ нихъ по времени была церковь Рождества

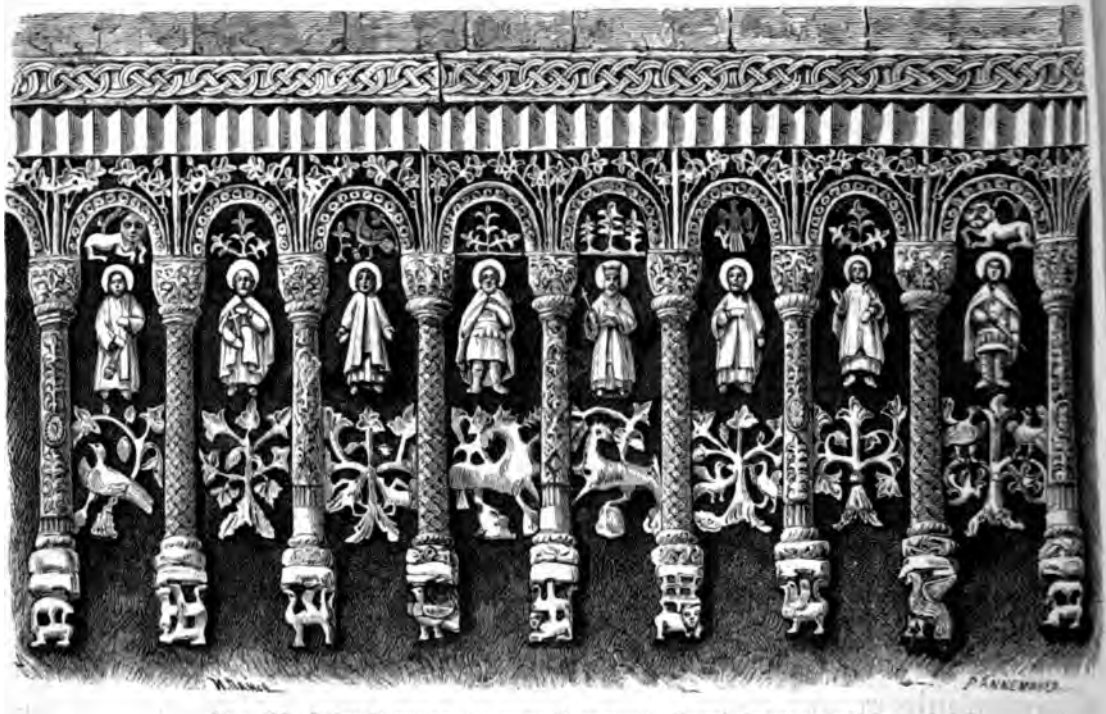


Рис. 39. Рѣзной поясъ на южной сторонѣ Дмитровскаго собора.

въ Рождественскомъ Владимірскомъ монастырѣ. Церковь небольшая и построенная совершенно по тому же плану, какъ и Покровская на Нерли: вся изъ бѣлаго камня. Въ концѣ XVII в. эта церковь подверглась большимъ перестройкамъ: съ цѣлью расширенія храма, къ западной стѣнѣ, въ 1678 г., пристроена была паперть: къ сѣверной и южной — каменныя палатки. Всѣ эти пристройки возведены изъ кирпича. При перестройкахъ «западная дверь великокняжеской постройки вынута изъ капительной стѣны храма, съ однимъ рядомъ бѣлыхъ камней и съ рѣзными орнаментами надъ дверью, и вставлена въ паперть даже съ тою надписью, какая существовала на камнѣ по правую сторону двери. Надпись эта врѣ-

Рис. 40. Дмитровскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ (съ западной стороны).

зана вглубь и заключаетъ въ себѣ слѣдующее: *«начало Рожествена монастыря лѣта 6699 (1191 г.)»* ([93]).

Второю и самою замѣчательною постройкою слѣдуетъ считать Дмитровскій соборъ, заложенный Всеволодомъ на «княжемъ дворѣ» въ 1194 г. 11-го января 1197 года доска съ гроба св. Дмитрія, привезенная изъ города Селуня, уже могла быть поставлена въ новой церкви, по указанію лѣтописи. Графъ Строгановъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что «строители, пришедшіе съ запада при Андреѣ, уже не существовали болѣе»; вотъ почему великій князь обратился къ Фридриху I, императору Германскому съ просьбою о присылкѣ ему мастера для того, чтобы

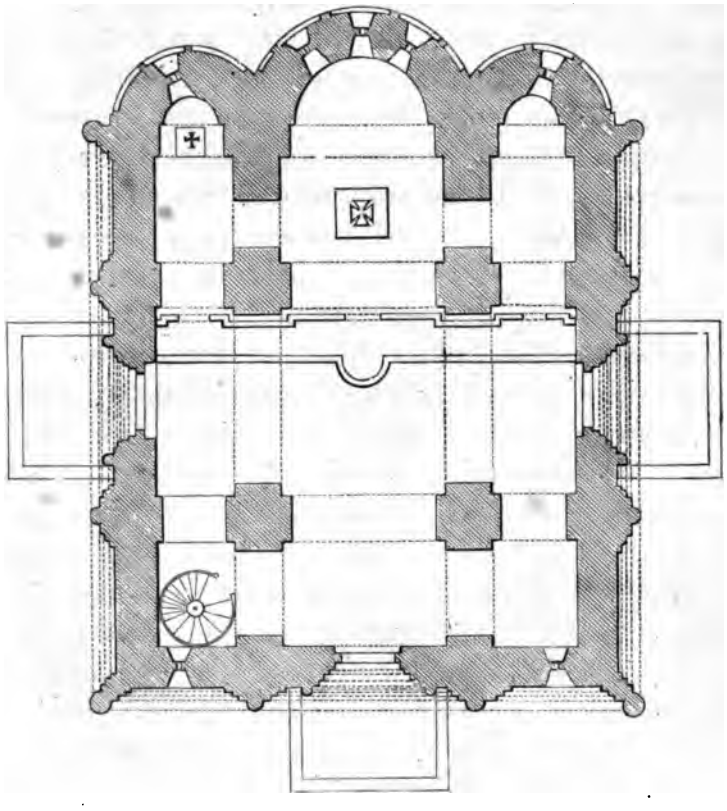


Рис. 41. Планъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

выстроить подлѣ дворца его церковь, которая бы не уступала по красотѣ своей другимъ памятникамъ того же рода ([94]).

Соборъ былъ выстроенъ по тому же самому плану, по которому выстроена церковь Покрова-на-Нерли (сравни рис. 38), но только значительно обширнѣе ея по размѣрамъ и великолѣпнѣе украшенная. Есть основаніе думать, что Дмитровскій соборъ былъ именно построенъ итальянскимъ архитекторомъ изъ Ломбардіи, и нѣкоторыя частности его отдѣлки подтверждаютъ это предположеніе весьма вѣскими данными.

Внѣшнія украшенія или *прилѣпы*, покрывающія три фасада Дмитровскаго собора отъ надкровельныхъ арокъ до пояса, всѣ обронно

изѣчены изъ камня, составляющаго облицовку стѣнъ собора, как на Покровской церкви. Но здѣсь обиліе украшеній, разнообразіе и пестрая смѣсь сюжетовъ производятъ на зрителя чрезвычайно своеобраз впечатлѣніе. На всѣхъ трехъ фасадахъ главное мѣсто занято фигур Спасителя молодаго вида, безбородаго, съ сіяніемъ вокругъ голо онъ представленъ возсѣдающимъ на престолѣ: правая рука подн для благословенія, въ лѣвой скрижаль, опертая о колѣно. Повы Спасителя фигуры стоящихъ и летящихъ надъ нимъ ангеловъ; рядо со Спасителемъ фантастическіе звѣри (нѣчто въ родѣ львовъ); ни тѣсными рядами, громоздясь другъ надъ другомъ, пестро перемѣшанн видны и звѣри, и люди, и птицы, машущія крыльями, и цвѣты, всадники, скачущія на коняхъ, и группы людей, борющихся со зв рями, и образа святыхъ, выглядывающіе изъ круглыхъ медальоновъ, опять цвѣты, и листья растеній, перепутанные съ птицами и звѣрям.

Стройныя линіи собора, строгое соотвѣтствіе частей съ цѣлы богатство и оригинальность разнообразныхъ украшеній, покрывающ большую часть его стѣнъ—все это производитъ чрезвычайно силь впечатлѣніе на каждаго, кто впервые подходитъ къ прекрасному Дм тровскому храму. Чѣмъ болѣе всматриваемся въ орнаментацію кажд изъ трехъ фасадовъ храма, тѣмъ болѣе сглаживаются въ нашемъ з знаніи всѣ отдѣльныя частности ея — всѣ эти львы, кентавры, рас нія, грифоны и люди — тѣмъ болѣе сливаются онѣ въ одну общу сплошную массу, надъ которою въ высотѣ, явственно отъ всего остал наго отдѣляясь, возносится благословляющій Спаситель и предстоя ему Ангелы. Это соотношеніе составныхъ частей орнаментаціи, пов ряющееся и на каждомъ изъ трехъ фасадовъ, и внутри каждой и трехъ округлыхъ арокъ, составляющихъ эти фасады, невольно на дитъ на мысль о томъ, что художникъ, занимавшійся постройк Дмитровскаго храма, проникнутъ былъ глубокимъ религіознымъ чу ствомъ и, повидимому, старался наглядно изобразить на его стѣна отношеніе міра чувственнаго къ міру духовному, вселенной—къ Бо ству. Болѣе подробное изученіе отдѣльныхъ изображеній, покрыв щихъ стѣны Дмитровскаго собора и сличеніе ихъ съ подобными изображеніями на романскихъ храмахъ Запада — привело къ чрезв чайно любопытнымъ выводамъ.

Сличеніе прежде всего показало, что многія изъ наружныхъ укр шеній Дмитровскаго собора совершенно тождественны съ подобны же украшеніями, сохранившимися на боковыхъ фасадахъ собора с Марка въ Венеціи. Къ числу подобныхъ украшеній относятся (кро выше описаннаго типа Спасителя) слѣдующія:

1) сѣдалище, покрытое свѣсившейся драпировкою, и надъ ни крестъ; 2) два льва, лежащіе другъ противъ друга; туловища у ни

Рис. 42. Древнія фрески Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

тдѣльныя, а голова одна, общая; 3) левъ, раздирающій кабана; 4) два ентавра, держащіе вѣтку; 5) лань, щиплющая листья дерева; 6) два орца, охватившіе другъ друга; 7) человѣкъ, раздирающій пасть льва;) птица, сидящая на животномъ, и, наконецъ, 9) восхожденіе Александра Македонскаго на небеса.

«Присутствіе этихъ рельефныхъ изображеній на стѣнахъ Дмитровкаго собора, очевидно, не могло быть случайнымъ», замѣчаетъ графъ Строгановъ; «оно доказываетъ, что художнику, бывшему во Владимірѣ, орошо была знакома декоративная часть церкви св. Марка въ Венеіи». На этомъ основаніи онъ перенесъ на стѣны Дмитровскаго собора сѣ тѣ сюжеты украшеній, какіе были обычны у художниковъ на Западѣ, и размѣстилъ ихъ здѣсь, на стѣнахъ православнаго храма, не гѣсняясь тѣмъ, что многіе изъ этихъ сюжетовъ стояли въ тѣсной вязи съ такими сказаніями и преданіями Запада, которыя не могли мѣть ничего общаго съ русско-византійскою почвою нашего Сѣверо-остока (95).

Подробно разсмотрѣвъ въ своемъ изслѣдованіи всѣ отдѣльные сюеты украшеній Дмитровскаго собора, графъ Строгановъ приходитъ ъ тому заключенію, что нѣкоторая часть ихъ должна имѣть прямое гношеніе къ событіямъ жизни св. великомученика Селунскаго Дмитрія, ъ честь коего и воздвигнутъ былъ храмъ.

Но этимъ обиліемъ разнообразныхъ украшеній, покрывающихъ ри фасада храма, еще не завершается его богатая орнаментовка. тройные простѣнки между окнами соборнаго трибуна сплошь покрыты зображеніями святыхъ, симметрично размѣщенными въ хитросплеенныя круглыя рамки; и рядомъ съ ними, въ такихъ же рамкахъ— зображенія птицъ и звѣрей, грифоновъ и гарпій. Выше простѣнковъ оконъ—зубчатый поясъ изъ уголковъ съ размѣщенными на каждомъ зъ нихъ звѣриными рожами. Надъ этимъ поясомъ еще три другихъ; аконецъ на верху трибуны, полушарообразная глава, которая заканивается фигурнымъ рѣзнымъ четырехъконечнымъ крестомъ, съ голуемъ на верхнемъ концѣ и полумѣсяцемъ у основанія, укрѣпленнаго ъ яблокѣ.

Поясъ Дмитровскаго собора также чрезвычайно богатъ. Каждая олонна, составляющая его, представляетъ отдѣльное цѣлое, надъ коорымъ художникъ трудился съ любовью и знаніемъ дѣла: у каждой зъ нихъ свой рисунокъ, своя особая подстава. Всѣ промежутки между олоннами заняты изображеніями стоящихъ святыхъ и украшеніями, согавленными изъ птицъ и звѣрей, переплетенныхъ цвѣтами и вѣтвями астеній. Точно также богато и разнообразно украшены арки входыхъ дверей на всѣхъ трехъ фасадахъ.

Вообще говоря, Дмитровскій соборъ представляетъ намъ [illegible] цѣльный и такъ превосходно сохранившійся образецъ церковнаго [illegible] чества нашего въ концѣ XII в., подобный которому едва-ли мо[illegible] указать между всѣми нашими памятниками, восходящими къ эп[illegible] XI—XII вѣка.

Любопытнымъ оказывается то явленіе, что всѣ церкви суз[illegible] скаго края, построенныя позже XII вѣка, стали мало-по-малу от[illegible] пать отъ первоначальнаго *простаго* образца романскихъ построе[illegible] какой видимъ мы въ церкви Покровской-на-Нерли и въ самомъ Дм[illegible] тровскомъ соборѣ. Воздвигнутый въ 1222 году Юріемъ Всево[illegible] ничемъ на мѣстѣ стараго, Суздальскій соборъ св. Богородицы б[illegible] уже выстроенъ по образцу новаго Успенскаго Владимірскаго, [illegible] главнаго собора, построеннаго Всеволодомъ. Замѣчательный Юр[illegible] скій соборъ, построенный Святославомъ Всеволодовичемъ на м[illegible] прежняго храма въ Юрьевѣ-Польскомъ въ 1230 году, также м[illegible] нимо уклонился отъ романскаго образца въ томъ, что къ тр[illegible] трехъ сторонъ (кромѣ восточной) пристроены были обширные п[illegible] творы, покрытые, по образцу наружныхъ стѣнъ Дмитровскаго соб[illegible] богатѣйшими рѣзными украшеніями, въ видѣ изображеній свя[illegible] птицъ, растеній и звѣрей; украшенія эти идутъ отъ самой крыш[illegible] до основанія зданія. Надъ этими украшеніями четыре года сряд[illegible] шались строители. Послѣ постройки Юрьевскаго собора, бо[illegible] творы, на заметкѣ которыхъ вѣроятно служили суровыя кл[illegible] матическія условія сѣвера, стали болѣе и болѣе входить въ употреб[illegible] при постройкѣ церквей. Такъ напримѣръ были выстроены [illegible] и въ Владимірскомъ нѣкоторыя романскія [illegible] [illegible] [illegible]

[illegible]

[illegible]

Рис. 43. Древнія фрески Дмитровскаго собора во Владимірѣ-на-Клязьмѣ.

тѣнками, отдѣлявшими жертвенникъ и дьяконникъ отъ средней части; въ стѣнкахъ были продѣланы низенькія дверцы.

3) У западной стѣны были во всѣхъ церквахъ пристроены оры или *полати*, на которыя ходъ устраивался преимущественно ъ южной стороны, извнѣ церкви. Въ большей части церквей Владиміро-Суздальскаго края эти входы на полати сохранились въ стѣахъ храмовъ даже и тамъ, гдѣ уже давно не существуютъ боѣе самые хоры. Въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ эти полати были вѣроятно устроены или закрытыя (такъ что присутствовавшіе на нихъ при богослуженіи не могли быть видимы снизу остальными молящимися), или должно предположить, что на полатяхъ устраивались особыя скрытыя помѣщенія, иначе называемыя *теремомъ* (96). По отношенію къ внутреннему устройству церквей Владиміро-Суздальскаго края, мы, по лѣтописи, знаемъ, что князья и епископы съ одинаковымъ усердіемъ и какъ бы даже съ нѣкоторымъ соревнованіемъ стремились къ украшенію храмовъ. Описанія многихъ храмовъ сохранены намъ лѣтописью довольно подробно и полно; о сокровищахъ иныхъ церквей мы узнаемъ по извѣстіямъ о страшныхъ пожарахъ, опустошавшихъ наши древніе города. Такъ, въ сказаніи объ убіеніи Андрея Боголюбскаго Ипатіевская лѣтопись приводитъ подробности о великолѣпномъ внутреннемъ устройствѣ церквей въ Боголюбовѣ и во Владимірѣ при Андреѣ Боголюбскомъ. «Успенскій соборъ весь блисталъ золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Амвонъ и трое (входныхъ) дверей обиты были золотомъ и серебромъ. Иконы обложены золотомъ, жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями. Многочисленныя паникадила и подсвѣчники были хрустальные и золотые. Служебные сосуды, рипиды, три ковчега для храненія святыхъ даровъ—были вылиты изъ чистаго золота». Въ Боголюбовской Рождественской церкви не только сосуды, иконы и вся церковная утварь были сдѣланы изъ серебра и золота и украшены финифтью, драгоцѣнными камнями и крупнымъ жемчугомъ, но даже и снаружи вся церковь была раззолочена, по столбамъ и по поясу, до кровли и до купола, и украшена вставными аспидными *цатами* (досками).

Изъ Лаврентьевской лѣтописи узнаемъ, что Суздальскій соборъ въ 1232 г. «былъ измощенъ мраморомъ краснымъ разноличнымъ», и что церкви Владиміро-Суздальскаго края, вскорѣ послѣ построенія, *расписывались* по стѣнамъ фресковой живописью. Чѣмъ богаче и благолѣпнѣе было внутреннее убранство соборнаго храма, тѣмъ болѣе приносило это чести и славы мѣстному владыкѣ. Недаромъ пишетъ епископъ Симонъ въ извѣстномъ посланіи своемъ къ Поликарпу: «кто не знаетъ, что у меня, грѣшнаго епископа Симона, соборная церковь во Владимірѣ — красота всему городу!»... Похваляя ревность Кирилла II, епископа

ростовскаго, къ устроенію благолѣпныхъ храмовъ, лѣтописецъ
щаетъ между прочимъ, что «всѣ изъ окружныхъ городовъ прихо
въ св. соборную церковь св. Богородицы (въ Ростовѣ),—одни, ч
послушать, какъ Кириллъ поучалъ отъ св. книгъ, другіе же по
что желали видѣть украшенія св. церкви Пречистой Владычицы
шей Богородицы. И была она чудно украшена, какъ и не быв
прежнихъ епископовъ, да Богъ вѣсть будетъ-ли еще когда-н
послѣ Кирилла». (97)

Въ числѣ драгоцѣнностей, хранившихся въ церквахъ, нахо
упоминаніе и объ одеждахъ княжескихъ, шитыхъ золотомъ и ж
гомъ, которыя «они вѣшали въ церквахъ на память о себѣ» (98) и
судахъ, которыя хранились при храмахъ въ память о прежде
шихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ епископахъ (99), и наконе
о книгахъ, которыя, и въ это время, и гораздо позже, должны
имѣть, по цѣнности своей, значеніе настоящихъ сокровищъ. И
ствительно, мы видимъ, что когда (въ 1176 г.) Ростиславичи
ущаемые боярами на многое иманіе», овладѣли сокровищам
Богородицы Владимірской — они, въ числѣ ихъ, захватили и
ги. И затѣмъ, когда Глѣбъ Рязанскій, примирясь съ Михаи
(Юрьевичемъ), возвратилъ Успенскому собору Владимірскому
имъ захваченное, «и до золотника», то, вмѣстѣ съ иконою с
Богородицы, онъ возвратилъ собору и *книги*. Цѣнность книгъ, и
того уже высокая, вѣроятно еще значительно увеличивалась тѣмъ
для церковнаго употребленія онѣ уже и тогда переплетались въ
плеты, покрытые богатыми окладами и украшенные финифтью,
чугомъ и каменьями. По крайней мѣрѣ, въ сказаніи мы имѣемъ
дѣніе о томъ, что Татары, ворвавшись въ Успенскій соборъ и
бивъ всѣхъ укрывшихся въ немъ, «*ободрали* иконы, сосуды, к
и *книги*».

Но изъ всѣхъ этихъ церковныхъ богатствъ, о которыхъ д
до насъ такіе краснорѣчивые разсказы въ лѣтописяхъ, ничт
могло сохраниться до нашего времени. Немногіе остатки владимі
старины уцѣлѣли на мѣстѣ. Въ числѣ ихъ должно, прежде всего,
мянуть слѣдующія: 1) Икону Божіей Матери Боголюбской или
любимой, написанную по повелѣнію великаго князя Андрея Юрье
въ память явленія ему Богоматери и поставленная имъ въ Рож
венскомъ Боголюбовѣ монастырѣ, гдѣ она пребываетъ доселѣ. 2) И
Покрова Пресвятой Богородицы, по преданію, написанную такж
дни Боголюбскаго для основанной имъ близь Боголюбова обители
кровской-на-Нерли; съ 1764 г., по упраздненіи обители, икона эта
ходится въ Рождественскомъ Боголюбовѣ монастырѣ. 3) Икону Зн
нія Богородицы весьма древняго греческаго письма, принадлежав

. Александру Невскому, бывшую при немъ въ битвахъ со Шведами и Ливонскими рыцарями, а нынѣ хранимую въ церкви владимірскаго Рождественскаго монастыря ([100]).

Но важнѣйшихъ мѣстныхъ святынь уже давно нѣтъ во Владимірѣ. Икона *Владимірской Божіей Матери*, писанная, по преданію, св. Евангелистомъ Лукою (см. рис. 44, въ началѣ книги) и перенесенная изъ Вышгорода во Владиміръ Андреемъ Боголюбскимъ, икона *Всемилостиваго Спаса*, сопровождавшая Андрея въ походѣ противъ Болгаръ (1164 г.), и *икона св. великомученика Дмитрія Селунскаго*, написанная на его-же гробовой доскѣ и принесенная во Владиміръ изъ Селуни при Всеволодѣ Юрьевичѣ — уже съ конца XIV вѣка находятся въ Москвѣ; куда онѣ были перенесены по желанію князей московскихъ, и гдѣ нынѣ составляютъ одну изъ важнѣйшихъ святынь московскаго Успенскаго собора. На память о перенесеніи иконы Владимірской Божіей Матери изъ Владиміра въ Москву, на мѣстѣ ея, въ иконостасѣ Успенскаго Владимірскаго собора поставленъ точный съ нея списокъ, написанный св. митрополитомъ Петромъ еще въ ту пору, когда онъ былъ игумномъ Ратскимъ на Волыни. Что же касается до церквей владимірскихъ, суздальскихъ и ростовскихъ, столько разъ выгоравшихъ до-тла, подвергавшихся столькимъ передѣлкамъ и подновленіямъ, столь много пострадавшимъ отъ враговъ внутреннихъ и внѣшнихъ—то въ нихъ уцѣлѣло до нашего времени еще меньше слѣдовъ древняго внутренняго убранства.

Въ немногихъ церквахъ владимірскихъ сохранились мѣстами, подъ слоемъ позднѣйшей штукатурки, остатки древнихъ фресокъ и расписныхъ цвѣтныхъ украшеній. Такіе остатки находимы были и подъ куполомъ, и около карнизовъ въ церкви Покровской-на-Нерли, и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Успенскаго Владимірскаго собора, и въ соборѣ Переяславскомъ. Всего полнѣе сохранились древнія фрески во Владимірскомъ Дмитровскомъ соборѣ, гдѣ онѣ настолько оказываются замѣчательными, что заслуживаютъ вниманія археолога.

«Когда, при возобновленіи Дмитровскаго собора въ 1834—47 году, отбили штукатурку, оказалась подъ нею въ нѣкоторыхъ мѣстахъ стѣнная живопись, лучше сохранившаяся на парусахъ сводовъ, подъ хорами, у западной стѣны. На ней, подъ южною аркою, изображена Матерь Божія, сидящая на тронѣ съ двумя (одинъ только уцѣлѣлъ) по сторонамъ ея Архангелами. Надъ Пресвятою Дѣвою обычныя греческія буквы МР и ѲѴ; рядомъ—праотцы: Авраамъ, Исаакъ и Іаковъ, съ надписями ихъ именъ по сторонамъ сіянія; на самомъ краю виденъ слѣдъ стоящаго Добраго Разбойника съ высокимъ осьмиконечнымъ крестомъ въ правой рукѣ. У Авраама на колѣняхъ Іисусъ Младенецъ, а по обѣимъ сторонамъ, вѣроятно, праведники въ уменьшенномъ раз-

мѣрѣ и въ разныхъ положеніяхъ. Всѣ эти фигуры изображены сидящими въ вертоградѣ, между деревьями, на которыхъ видны (сидящ и около нихъ летающія) птицы; на другой сторонѣ арки представлены двѣ горы; при одной на первомъ планѣ изображенъ въ разныхъ положеніяхъ Соборъ Святыхъ, предводимый Петромъ, съ надписью въ двух строкахъ: «Агіосъ» и «Петръ ведетъ вся святыя во рай». При другой два трубящихъ Ангела съ надписью: «Ангелъ трубитъ въ земл «Ангелъ трубитъ въ море». Далѣе видимъ изображенія двѣнадцати апостоловъ, сидящихъ въ рядъ; они держатъ въ рукахъ разогнутыя книг за апостолами видны сонмы ангеловъ, держащихъ въ одной рукѣ нѣч въ родѣ шаровъ (державъ?) съ начертаніемъ имени IC. Хр., а въ другой—жезлы.

Эти любопытныя фрески, вѣроятно, современны построенію собора: подписи на нихъ, по мнѣнію знатоковъ дѣла, сдѣланы позднѣе и едва не въ XV вѣкѣ, когда знаменитый иконописецъ-подвижникъ, «блаженный Андрей Рублевъ съ дружиною», росписывалъ во Владимірѣ собо и подновлялъ въ нихъ старую стѣнопись. Чрезвычайно любопытно что Андрей Рублевъ повторилъ тѣ-же фресковые сюжеты подъ арк Святыхъ воротъ (нынѣ заложенныхъ) во Владимірскомъ Рожеств монастырѣ, только дополнивъ ихъ по сторонамъ нѣкоторыми новы группами и фигурами: тамъ около древнихъ сюжетовъ видимъ вла мірскихъ чудотворцевъ и Дмитрія Селунскаго, вѣроятно написанн въ воспоминаніе о строителѣ храма Всеволодѣ-Дмитріѣ.

ПРИМѢЧАНІЯ

ко 2-му выпуску.

---

(1) Днѣпръ, протекая подъ Кіевомъ, раздѣляется на многіе рукава. Одинъ изъ такихъ рукавовъ, вѣроятно составлявшій нѣкогда главное русло Днѣпра и главный путь, по которому шло судоходство, до сихъ поръ сохранилъ въ народѣ названіе *Старика*. Въ четырехъ верстахъ повыше Подола онъ образуетъ довольно обширный островъ, длиною въ 6 верстъ, а шириною въ $2^1/_2$ версты. (*Закревскій*. Описаніе Кіева. М. 1868. Т. I. 297).

(2) Остатки эти собраны въ книгѣ почтеннаго И. Фундуклея, такъ много оказавшаго услугъ изученію кіевскихъ древностей. Книга эта—„Обозрѣніе могилъ, валовъ, и городищъ Кіевской губерніи, изданное по Высочайшему соизволенію кіевскимъ гражданскимъ губернаторомъ Иваномъ Фундуклеемъ". Кіевъ. 1848 г. 4°. Съ 17 таблицами хромолитографическихъ рисунковъ.

Академикъ Стефани, упоминая объ этой книгѣ, справедливо замѣчаетъ, что это сочиненіе „заслуживаетъ благодарности археологовъ", и при этомъ какъ-бы съ сожалѣніемъ прибавляетъ, что изданіе г. Фундуклея „за-границею вовсе неизвѣстна". Почтенный ученый писалъ это въ 1865 г.; въ настоящее же время, благодаря трудамъ А. Кона, сочиненіе Фундуклея едва-ли не болѣе извѣстно за-границею, нежели въ Россіи, гдѣ оно составляетъ библіографическую рѣдкость.

(3) *Отч. Арх. Комм., 1865, стр. 7.* Акад. Стефани придаетъ особенно-важное значеніе именно послѣднему факту, и замѣчаетъ, что нахожденіе этой росписной вазы „имѣетъ величайшее значеніе для исторіи греческой вазовой живописи, потому что Кіевъ лежитъ гораздо сѣвернѣе всѣхъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ доселѣ находимы были росписныя вазы. Если археологія тщательно указала вовсе немногочисленные росписные глиняные сосуды, открытые въ почвѣ сѣверной Италіи, то неужели не заслуживаетъ особеннаго вниманія хорошо сохраненная ваза, найденная подъ одинаковою сѣверною широтою съ Прагой и Франкфуртомъ-на-Майнѣ, и притомъ ваза, украшенная не какимъ-нибудь простымъ изображеніемъ".

Изображеніе этой вазы первоначально было помѣщено въ изд. Фундуклея, табл. 12. Болѣе точное въ Отч. Арх. Комм. 1865, атласъ табл. VI, рис. №№ 5 и 6.

(4) См. объ этомъ у *Закревскаго*: Описаніе Кіева, II, въ статьяхъ о *Почайнѣ* и *Глуобчицѣ* (т. I). Всѣ описанія кіевскихъ древностей и урочищъ расположены въ сочиненіи Г. Закревскаго въ алфавитномъ порядкѣ.

(5) *Перевѣсище*—по установившемуся въ русской наукѣ мнѣнію, понимается въ смыслѣ мѣста, на которомъ *развѣшивались* сѣти для ловли рыбы, птицъ и звѣрей, и которое поэтому именно и является

въ лѣтописи рядомъ со словомъ *ловище* (мѣсто для лововъ): — около всякаго рода *ловищ* дились и перевѣсища, какъ мѣсто храненія необходимыхъ ловческихъ снарядовъ. — Есть и друг сненіе; И. И. Срезневскій, въ „*Чтен. о древн. русск. лѣтописяхъ*“ (Спб., 1862, стр 42) ритъ: „Слѣдствіемъ веденія торговли было заведеніе мѣстъ, гдѣ содержались народные вѣсы, *сищъ*, которыхъ содержаніе принадлежало князю. Словомъ *перевѣсня* въ древнемъ переводѣ пр переведено ζυγος - statera“. „Перевѣсища“ Ольгины были между прочимъ по Днѣпру и по Десн

(6) Такъ, въ Ипатьевск. лѣт., подъ 1037 г. См. изд. Археогр. Комм. Спб. 1871. Стр. 106.

(7) *Закревскій*, Описаніе Кіева. Т. II, стр. 779—780.

(8) Подъ названіемъ нѣмецко-польской архитектуры слѣдуетъ разумѣть тотъ безвкусный некрасивый архитектурный родъ, который занесенъ былъ въ XVII вѣкѣ въ Польшу изъ Германіи бенно усилился при Августѣ II. Зданія, выстроенныя подъ вліяніемъ этого стиля, украшены кровлѣ высокими фигурными фронтонами или щитами, которые увѣнчиваются шпицами. Фонари буны церквей состоятъ изъ многогранныхъ призмъ, и крыты двуярусными, изогнутыми кровлями, въ современной архитектурѣ были извѣстны подъ названіемъ *Королевской кровли* (Königsdach).

Въ этомъ-то архитектурномъ стилѣ реставрированы были почти всѣ кіевскія церкви — Печ лавра, Михайловскій монастырь и самая Св. Софія. Желающихъ ближе ознакомиться со всѣми стройками и перемѣнами, пережитыми Кіево-Софійскимъ соборомъ, отсылаемъ къ прекрасному реф протоіерея П. Г. Лебединцова, помѣщенному въ "Трудахъ" третьяго Археологическаго съѣзда стр. 53—93), подъ заглавіемъ: „О св. Софіи Кіевской“.

(9) См. Исторію Русск. Церкви Макарія, архіепископа харьковскаго. Изданіе второе. Спб. 18 Т. I, стр. 66—67 и прим. 121.

(10) Подъ именемъ *голосниковъ* или звуковыхъ сосудовъ разумѣютъ обыкновенно горшки или шины изъ обожженной глины, которые горизонтально закладывались въ своды и стѣны (преимуществ въ сѣверныя, южныя и западныя) нашихъ древнихъ церквей для того, чтобы придать болѣе звуч и силы голосамъ священнослужителей и пѣвчихъ при богослуженіи. Такіе голосники сохранилис церквахъ кіевскихъ и черниговскихъ, въ древнихъ зданіяхъ московскаго Кремля, въ церквахъ псков и новгородскихъ. В. В. Стасовъ, занимавшійся изслѣдованіемъ голосниковъ въ цц. Новгородск Псковскихъ, замѣчаетъ, что „въ акустическомъ отношеніи, голосники удовлетворяютъ своему назначе потому что въ церквахъ, гдѣ они находятся, мы встрѣчаемъ очень хорошій резонансъ, не смотря на мую невыгодную для звука колодцеобразную форму этихъ церквей“. См. Извѣстія Имп. Археолог Общества, т. III (Спб., 1861), стр. 126 — 142. Статьи В. В. Стасова „Голосники въ древнихъ нов родскихъ и псковскихъ церквахъ“.

(11) См. подробности объ этой церкви въ сочиненіи Н. М. Сементовскаго: „Древнѣйшая въ Рос церковь Спасъ-на-Берестовѣ, построенная св. Вел Кн. Владиміромъ въ 989 г.“. Кіевъ, 1877, 4°. 13 табл. хромол. рисунковъ. См. о томъ же у Закревскаго, II, стр. 727—748.

(12) *Рядъ* касался иногда не только горожанъ кіевскихъ, но и тѣхъ князей, которые имѣли уд въ кіевской Руси. Такъ, въ 1859 г., когда Мстиславъ, Володиміръ и Ярославъ посылаютъ за Ростис вомъ Мстиславичемъ въ Смоленскъ, призывая его на кіевскій столъ, Ростиславъ посылаетъ сказать черезъ Ивана Ручечника и Якуна: „если вы меня вправду зовете съ любовью, то я готовъ идти въ Кіе *на свою волю* съ тѣмъ, чтобы вы почитали меня какъ отца и во всемъ меня слушались“. И тутъ заявляетъ, какъ непремѣнное условіе, чтобы Климъ не былъ митрополитомъ кіевскимъ. (Ипатіевс лѣт. Изд. 1871. Стр. 344—15).

(12 *bis*, на стр. 37) Въ 1149 г. Изяславъ Мстиславовичъ, услышавъ о приходѣ Юрія съ войскомъ половцами, воскликнулъ въ гнѣвѣ: „если бы онъ пришелъ только съ дѣтьми, то которая ему волость люба, т и взялъ; но если онъ на меня привелъ половцевъ и враговъ моихъ Ольговичей, то буду съ нимъ битьс Точно также въ 1174 г., когда Андрей Боголюбскій послалъ Михна мечника съ грозными рѣчами

Ростиславичамъ, то Мстиславъ сказалъ послу Андрееву: „иди къ своему князю и скажи ему отъ насъ— до этого времени мы тебя отцомъ своимъ почитали по любви: но ежели ты съ такими рѣчами прислалъ ко мнѣ, *не какъ къ князю*, но какъ къ подручному своему и какъ къ простому человѣку—то ужъ такъ и дѣйствуй, какъ ты задумалъ, а Богъ пусть насъ разсудитъ".

(13) Такъ поступилъ Олегъ въ 1096 году. Замѣтимъ здѣсь кстати, что битва и самое рѣшеніе распри битвою были вообще извѣстны въ древней Руси подъ названіемъ *суда Божія*. Примѣровъ, подтверждающихъ значеніе этого выраженія, лѣтопись представляетъ очень много. Вотъ одинъ изъ нихъ на выдержку. „Если встрѣчусь прежде съ Владиміромъ и его войскомъ", говорилъ Изяславъ своей дружинѣ (1150 г.), „то съ тѣми *судъ Божій* вижу; встрѣчусь-ли прежде съ Юріемъ, то съ тѣмъ *судъ Божій* вижу: и пусть меня съ ними Богъ разсудитъ".

(14) Въ 1100 г., во время съѣзда въ Увѣтичахъ, для суда надъ Давидомъ, Мономахъ, упрекая Давида, говоритъ ему: ...„се еси пришелъ и сѣдиши съ своею братіею на *единомъ* коврѣ". Такъ и въ Ипатьевской, и въ Лаврентьевской лѣтописи.

(15) См. Ипатьевск. лѣт. изд. 1871 г., стр. 231 и 238.

(16) Такъ читаемъ подъ 1150 г. въ Ипатьевской лѣтописи: „Той же зимой началъ засылать Изяславъ къ Андрею въ Пересопницу, говоря: „братъ! введи меня въ любовь къ отцу" — а (между тѣмъ) посылалъ къ нему, чтобы высмотрѣть, все ли у него въ порядкѣ и въ какомъ положеніи находятся городскія укрѣпленія; ибо онъ тутъ прежде *изъѣхалъ* (т. е. захватилъ въ расплохъ) брата его Глѣба въ Пересопницѣ; на томъ же и этого хотѣлъ поймать; но не сбылся его замыселъ, такъ какъ (оказалось, что) городъ былъ укрѣпленъ и дружина (Андреева) вся въ сборѣ". (Изд. 1871; стр. 281).

(17) Значеніе древне-русскаго слова *изгой* стало нѣсколько выясняться только съ тѣхъ поръ, когда открытъ былъ „Уставъ о церковныхъ судахъ Новгородскаго князя Всеволода-Гавріила)". Въ этомъ уставѣ перечисляются нѣкоторые (не всѣ) виды *изгойства* и приводятся четыре различныя причины, по которымъ извѣстныя лица становились *изгоями*. Въ уставѣ указаны четыре главные вида изгойства. Къ изгоямъ относятся: 1) „*поповъ сынъ* (который) *грамотѣ не умѣетъ*"; 2) *холопъ изъ холопства выкупится*; 3) *купецъ одолжаетъ;* 4) *аще князь осиротѣетъ.*" Всѣхъ этихъ лицъ древне-русская церковь, какъ несчастныхъ, принимала подъ свое покровительство, считая ихъ „людьми церковными, богадѣльными". Г. Калачевъ старается объяснить значеніе изгойства слѣдующимъ образомъ: ...„Если кто отрѣшался отъ своей родовой общины или становился, по какимъ-либо причинамъ, внѣ родовыхъ отношеній, скрѣпленныхъ единствомъ всѣхъ членовъ каждаго отдѣльнаго рода не только по ихъ кровнымъ, естественнымъ узамъ, но и по общему мѣсту жительства, тотъ, въ смыслѣ общественномъ и даже частномъ—...дѣлался *изгоемъ*". (О значеніи изгоевъ и состояніи изгойства въ древней Руси. Соч. Н. Калачева въ I т. Архива Историко-Юридическихъ свѣдѣній, относящихся къ Россіи. М. 1850 г.).

(18) „Мужей *отца своего* (Вячеслава)"—тутъ Вячеславъ названъ *отцемъ* Ростислава Мстиславича въ томъ же смыслѣ, въ какомъ многократно называлъ его *отцемъ* и Изяславъ Мстиславичъ, признавая его старшинство и призывая его раздѣлить съ собою столъ Кіевскій, „*въ отца мѣсто*".

(19) *Милостникъ* — упоминается въ Ипатьевской лѣтописи дважды, подъ 1180 (стр. 416) и подъ 1175 (стр. 400). Первое мѣсто, не объясняя намъ значенія *милостника*, только противуполагаетъ *Кочкаря, милостника Святославова*, лучшимъ мужамъ Святославовой дружины, ставя князю въ укоръ именно то, что онъ рѣшился напасть на Давида Ростиславича, „не повѣдавъ о томъ лучшимъ мужамъ своей дружины, а посовѣтовавшись только съ княгинею своею и съ Кочкаремъ, своимъ милостникомъ."

Второе мѣсто, гораздо болѣе важно для объясненія значенія *милостника*. Изъ него мы узнаемъ что убійцы Андрея Боголюбскаго убиваютъ „Прокопья, его *милостника*", и затѣмъ уже захватываютъ всю казну княжескую. Ограбленныя богатства Андреевы убійцы навьючиваютъ на *милостныхъ* коней, а сами вооружаются *милостнымъ* оружіемъ, и тогда уже начинаютъ собирать около себя дружину. Ясно, что *милостникъ* здѣсь является въ значеніи хранителя княжеской казны и движимаго имущества, а къ казнѣ княжеской, какъ мы уже знаемъ, принадлежали и оружіе, и кони, которыми князь снабжалъ воевъ. Такое оружіе и кони, принадлежавшіе къ казнѣ княжеской, быть можетъ въ от-

личіе отъ оружія и коней, принадлежавшихъ дружинѣ, получали названія *милостнаго* окружи
лостныхъ коней.

Съ другой стороны, изъ того же мѣста, узнаемъ достовѣрно, что Прокопій,—*милостник*
Андрея—не принадлежалъ къ дружинѣ княжеской, а къ *числу слугъ княжескихъ*. Кня
окликая его, называетъ его *паробкомъ*; это обстоятельство отчасти и объясняетъ намъ убій
пія вмѣстѣ съ княземъ Андреемъ, такъ какъ всѣ убійцы принадлежали къ дружинной средѣ. Н
всего этого, мы положительно не можемъ допустить того объясненія, которое, на 18 стр. ук
именъ личныхъ къ Ипатьевской лѣтописи (изд. 1871), допущено было ея издателемъ: Кочыр
видно, не былъ „бояриномъ Черниговскимъ" (*), а только однимъ изъ приближенныхъ слуг
слава Всеволодовича.

Послѣ всего вышеуказаннаго само собою падаетъ объясненіе „*милостника*" словом
бимецъ" (Соловьевъ, т. II, изд. 1862; стр. 277) или „*главный изъ любимцевъ*" (Кар
т. III, гл. II, стр. 36 по изд. Эйперлинга). Такое объясненіе этого слова встрѣчаемъ и у
скаго „Исторія Россіи", II, 215 и 216.

(20) Такихъ описаній пировъ и даровъ, розданныхъ хозяевами во время пиршества, н
въ лѣтописи много. Таковы напр. описанія, помѣщенныя подъ 1150 г., подъ 1195 и др. О
любопытное упоминаніе о пирѣ и пиршественныхъ дарахъ находимъ подъ 1148 г. въ Ипат
лѣтописи, при описаніи съѣзда Изяслава и Ростислава въ Смоленскѣ: „Пришелъ Изяславъ к
Ростиславу и похвалили братья Бога и святую Богородицу и силу животворящаго креста, уви
въ (добромъ) здоровьѣ, и пребыли въ великой любви и весельи съ мужами своими и съ Смольня
тутъ стали они дарить (другъ друга) дарами многими: Изяславъ далъ дары Ростиславу, чт
Русской земли и отъ всѣхъ царскихъ земель, а Ростиславъ далъ дары Изяслав
отъ Верхнихъ земель и отъ Варягъ—и тутъ порѣшили о пути своемъ.

(21) Это драгоцѣнное изображеніе, какимъ-то чудомъ уцѣлѣвшее отъ XI вѣка, предст
собою *единственный*, вполнѣ достовѣрный источникъ для древнѣйшей исторіи нашей кн
одежды. Важнымъ дополненіемъ къ нему служатъ изображенія „Сказанія о Борисѣ и Глѣ
Сильвестровскому списку XIV вѣка, изданному И. И. Срезневскимъ въ 1860. (Спб.).

(22) Эта цифра въ примѣчаніяхъ текста пропущена.

(23) См. въ „Христіанскихъ Древностяхъ", изд. В. А. Прохоровымъ (I, 50—80) статьк
Срезневскаго: „Древнія изображенія князей Бориса и Глѣба".

Авторъ говоритъ тамъ между прочимъ: „*Быть безъ плаща* значило, кажется, быть н
номъ убранствѣ, по-домашнему. Безъ плаща изображенъ (въ домашней своей обстановкѣ) кн.
полкъ, принимающій убійцъ Борисовыхъ, посылающій вѣстника къ Глѣбу и принимающій убійц
выхъ; безъ плаща и кн. Глѣбъ, принимающій вѣстника Святополкова и ѣдущій по рѣкѣ, безт
и кн. Изяславъ за обѣдомъ". О плащѣ (корзнѣ), какъ *признакѣ княжескаго и боярскаго*
инства см. тамъ же, далѣе.

(24) „Дѣти при отцѣ, какъ младшіе, могли быть безъ плаща:—такъ нарисованы дѣти кн
тослава при отцѣ" (на рисункѣ Святославова семейства въ Святославовомъ изборникѣ 1073

(25) *Гридьба и гридь* въ кіевской лѣтописи упоминаются только въ одномъ мѣст
926 г.; но упоминаніе о *гридьбѣ* въ Новгородѣ и Суздалѣ давало полное право предпо
что и въ Кіевѣ часть младшей дружины носила это названіе. На существованіе *гридей* ука
самое упоминаніе о *гридницѣ* (одномъ изъ покоевъ княжаго дома).

О *пасынкахъ*, какъ составной части меньшей дружины, знаемъ также только по изв
суздальской лѣтописи; однакоже на существованіе *пасынковъ* въ кіевской дружинѣ указыва
званіе одного изъ кіевскихъ урочищъ „*Пасынча бесѣда*".

(26) Мечники присутствовали при испытаніи отвѣтчика желѣзомъ и за это получали

(*) То-же объясненіе находимъ и въ Строевскомъ Ключѣ къ Ист. Гос. Россійскаго, на
въ Указ. именъ личныхъ.

ую часть судебныхъ пошлинъ. Г. Погодинъ считаетъ мечниковъ „какимъ-нибудь особымъ видомъ ей (?).“ (Древняя Русская Исторія, II, 771). Вѣроятно этотъ разрядъ младшей дружины стоялъ ко къ суду и къ управленію, потому что *мечниковъ грабятъ* люди при каждомъ мятежѣ.

(27) Тысячскихъ *городскихъ* не слѣдуетъ смѣшивать съ тысячскими *княжими*. На то, что анность тысячскаго могла переходить по наслѣдству, указываетъ отчасти примѣръ Яна Вышатича, рый былъ тысячскимъ послѣ отца своего Вышаты. См. объ этомъ еще у Погодина, „Древн. Русск. стр. 692: тамъ собраны примѣры наслѣдственности.

(28) *Покладникъ* упоминается въ Ипатьевской лѣтописи только однажды, подъ 1168 г., при саніи кончины Ростислава. Когда князь, по прибытіи въ Рогнѣдино село Зарубъ, почувствовалъ я очень худо, то послалъ *покладника* своего, Иванка Фроловича и другаго мужа, Бориса Захарьича за попомъ.

Для объясненія значенія *покладника* у насъ нѣтъ никакихъ данныхъ; но, тѣмъ не менѣе, ва-ли можно согласиться съ толкованіемъ, которое даетъ этому слову Соловьевъ, высказывающій, жду прочимъ, что „*покладникъ*, по всѣмъ вѣроятностямъ (?), соотвѣтствовалъ позднѣйшему *спальнику*“ (III, 19). Намъ кажется, что правильнѣе было бы производить это слово отъ приводимаго *Даемъ* (Словарь, 219) областнаго слова *покладъ*, которое и доселѣ еще употребляется въ нѣкоторыхъ стахъ въ смыслѣ „*условія, уговора, сдѣлки*“ и вполнѣ соотвѣтствуетъ лѣтописному слову порядъ“.

(29) *Меченоша* не упоминается въ кіевской лѣтописи, но упоминаніе о *княжихъ меченошахъ* въ суздальской лѣтописи заставляетъ предполагать, что *меченоши* должны были являться и въ іевской дружинѣ, въ качествѣ почетныхъ представителей княжеской свиты. *Меченоши* были вѣроятно руженосцами и получали названіе свое отъ того, что носили *княжой мечъ*, который князья не всегда осили при себѣ. Даже и во время битвы, при полномъ вооруженіи, князь, устремляясь на враговъ, *бралъ* копье изъ рукъ оруженосца. Званіе меченоши, очевидно, было весьма почетнымъ, потому что въ суздальской лѣтописи меченоша является *воеводою*.

Въ виду всего этого, трудно согласиться съ Соловьевымъ, который говоритъ, что „званія *меченоши*, *стольника* и *конюшаго* объясняются изъ самыхъ словъ“. По отношеніи къ слову *меченоша* этого никакъ сказать нельзя потому, что его, по составу самаго слова, не трудно смѣшать со словомъ *мечникъ*... то, и другое происходитъ отъ слова *мечъ* и служитъ названіемъ человѣку, который вооруженъ мечемъ или носитъ мечъ. А между тѣмъ разница между понятіями *мечникъ* и *меченоша* — чрезвычайно велика.

(30) Обращаемъ вниманіе на очень важное мѣсто лѣтописи (Ипат, 1149; стр. 274 изд. 1871), въ которомъ упоминается о *тіунахъ дружины*. На мѣсто это, если не ошибаемся, не было до сихъ поръ обращено достаточнаго вниманія. Вотъ оно: „*Изяславъ* (для разбора добычи, награбленной Юрьевыми воинами, на основаніи заключеннаго съ Юріемъ условія) *послалъ мужей своихъ и тіуновъ* для своего товара и своихъ стадъ, которыя онъ самъ утратилъ, а мужи (для своего товара и стадъ) одни сами поѣхали, а другіе *тіуновъ своихъ* послали; и такъ, пріѣхавши къ Юрію, стали розыскивать каждый свое“.

(31) *Жизнью* преимущественно называлось все то, что даетъ, поддерживаетъ *жизнь*, служитъ къ питанію человѣка; вотъ почему подъ словомъ *жизнь* въ Ипатьевской лѣтописи видимъ постоянно *стада, хлѣбъ на корню и хлѣбъ въ запасахъ*. Этотъ смыслъ выраженія *жизнь* или *вся жизнь* ясно высказывается во многихъ мѣстахъ лѣтописи. Такъ подъ 1146 г. Святославъ говоритъ Давидовичамъ: „братья мои! вотъ вы землю мою повоевали, и стада мои и брата моего захватили, жита пожили и *всю жизнь погубили*!“ Подъ 1148 годомъ: „Началъ Изяславъ молвить: вотъ мы села ихъ всѣ пожгли, и *жизнь ихъ всю*, и они къ намъ не выходятъ; а пойдемъ къ Любечю, *гдѣ вся ихъ жизнь*“. Какъ можно было „*пожечь жизнь*“—объясняется тѣмъ, что все, чего не могли забрать съ собою непріятели, пожигалось на мѣстѣ, а въ томъ числѣ и *хлѣба на корню*. Точно также подъ 1149 г. Вячеславъ и Юрій порѣшаютъ сказать Изяславу и его союзникамъ: „не стойте на нашей землѣ, а *жизни нашей*, ни селъ нашихъ не губите“... Подъ 1150 годомъ Изяславъ въ утѣшеніе дружинѣ

своей: „вы за мною вышли изъ Русской земли, лишившись сворхъ селъ и *своихъ жизней*... и голову сложу, либо возвращу себѣ свою отчину и *всю вашу жизнь*". Подъ 1158 г. находим наніе о томъ, что Ярополкъ Изяславовичъ отдалъ монастырю печерскому *всю жизнь свою* и рыя волости. А немного далѣе подъ 1159 приводитъ лѣтописецъ слова Полочанъ обращ Рогволду Борисовичу, которому они говорятъ: „согрѣшили мы передъ Богомъ и передъ тобою, и противъ тебя безъ вины, и *жизнь твою* всю раздробили и *твоей дружины*". Изъ всѣхъ приведенныхъ мѣстъ выясняется вполнѣ значеніе *жизни* въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы его понимаем стр. 60 и въ началѣ нашего примѣчанія. Въ особенности же выясняется отличіе *жизни* (как *жимости*) отъ *товара*, подъ которымъ слѣдуетъ разумѣть всѣ остальные виды движимаго имущ

(32) На подобный же *рядъ* (уговоръ) съ дружиною указываетъ и болѣе позднее упоминаніе (II въ предисловіи къ Софійскому Временнику. Тамъ говорится между прочимъ о *древнихъ князьяхъ* и *жинѣ* въ противоположеніе новому поколѣнію· „ти бо князи не сбираху много имѣнія, ни творя вѣръ, ни продажъ вскладаху на люди, но оже будяше права вира, и ту возма, *даяше дружи на оружіе*. А дружина его кормляхуся, воюющи иныя страны, біющися: „братіе! потягнемъ по сы князи и по Руськой земли". *Нежадаху*: „*мало ми есть, княже, 200 гривенъ*", не клаш свои жены златыхъ обручей, не хожаху ихъ жены въ серебрѣ, и расплодили были землю Руськую".

33) Приводимъ здѣсь цѣликомъ то важное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, которое существенно обходимо для пониманія отношеній князя къ дружинѣ, и вполнѣ подтверждаетъ нашу мысль. Подъ 11 годомъ читаемъ: „Тѣмъ же лѣтомъ переступилъ крестъ Владиміръ Мстиславичъ *): начали пересылк съ нимъ Чагровичи, Чекманъ и братъ его Тошманъ и Моначюкъ; Володиміръ же радъ былъ ихъ дум послалъ къ Рагуилу Добрыничю и къ Михалю, и къ Завиду (старшимъ дружинникомъ), объявляя и замыселъ свой. И сказала ему дружина его (старшая): „ты это самъ отъ себя замыслилъ, князь мы за тобою не поѣдемъ, мы того не вѣдали". Володиміръ же сказалъ, посмотрѣвъ на дѣтскихъ вотъ (они) будутъ моими боярами", и поѣхалъ къ Берендеямъ и съѣхался съ ними ниже Ростовца когда тѣ увидали, что онъ ѣздилъ одинъ, то сказали ему: „ты намъ такъ сказалъ, что вся братья тобою (за одно); а гдѣ же Володиміръ Андреевичъ, и Ярославъ, и Давыдъ? А теперь ты выѣзжаш одинъ *и безъ мужей своихъ*, а насъ обманулъ, такъ ужъ намъ лучше будетъ, если это падетъ на ваш жую голову, нежели на нашу,—и начали въ него (Берендеи) пускать стрѣлы, и князя ударили двум стрѣлами. И сказалъ князь: „Не дай Богъ никогда довѣрять поганому, а я ужъ погубилъ и душу свою и жизнь". И онъ побѣжалъ; дѣтскихъ его избили около него (Берендеи), а самъ онъ бѣжалъ къ Доро гобужу; тужъ же была и жена его, и побѣжала прежде его".

Только взятое во всей своей цѣлости это мѣсто даетъ намъ правильное понятіе объ отноше ніяхъ князя къ дружинѣ, между тѣмъ какъ отдѣльныя фразы, выдѣленныя изъ него, могутъ дать совершенно ложное понятіе о главной сути дѣла. Такъ оно и случилось съ г. Ключевскимъ въ его статьѣ „О боярской думѣ" (см. I кн. журнала „Русская Мысль", за 1880 г.

(34) Обычай возглашать *киріелейсонъ* (свидѣтельствующій о томъ, что нѣкоторыя части богослуженія въ XII в. еще совершались на греческомъ языкѣ) былъ довольно распространенъ. Кромѣ приводимаго нами случая съ Изяславомъ, встрѣчаемъ въ лѣтописяхъ и другія упоминанія. Такъ подъ 1146 г. Звенигородцы, подъ начальствомъ суроваго воеводы Ивана Халдѣевича, храбро отбивавшіеся отъ Всеволода Кіевскаго, избавившись отъ бѣдствій осады „воззвали *киріелейсонъ*".

(35) Не слѣдуетъ забывать, что этому выраженію соотвѣтствовало еще другое, болѣе поясняющее нашу мысль: „отдать женъ и дѣтей и товаръ (по взятіи города приступомъ) *на щитъ* своимъ или поганымъ", т. е. подѣлить полонъ между воинами.

(36) См. вышеприведенное мѣсто Ипатьевской лѣтописи, въ примѣч. 30.

(37) Мы ни въ какомъ случаѣ не можемъ согласиться съ тѣми, которые на основаніи этого указанія позволяютъ себѣ предполагать, что подъ „свитами" здѣсь слѣдуетъ понимать *свитки рукописные* или даже образцы (подлинники) рисунковъ для фресокъ и мозаикъ, принесенные изъ Греціи мастерами

---

*) Передъ этимъ онъ цѣловалъ крестъ Мстиславу Изяславичу.

заблужденіе это пошло отъ Карамзина, который въ 158 примѣч ко II части Исторіи Госуд. Рос. неѣрно напечаталъ извѣстное указаніе епископа Симона, занесенное въ Патерикъ: „суть же и нынѣ у асъ *свитки* ихъ въ полатяхъ и книги ихъ греческіе блюдоми въ память". *Свитки* въ текстѣ примѣанія явилось вмѣсто *свиты*, которое находится въ ркп. Патерика. Несмотря на то, что это было извѣтно составителю текста къ „Древностямъ Государства Россійскаго", онъ во *Введеніи* къ I тому стр. XIX), строилъ на испорченномъ текстѣ цѣлую ученую гипотезу: „Если принять"—говоритъ онъ „*свитки* за хартіи, на коихъ изображались эскизы и прориси святыхъ, *то онѣ были основаніемъ подлинниковъ*, такъ какъ самые византійскіе художники, писавшіе въ Печерской Лаврѣ, были основателями иконописанія въ Россіи". То же заблужденіе повторено дословно И. П. Сахаровымъ въ его „Изслѣдованіяхъ о Русскомъ Иконописаніи" (изд. второе. Спб. 1850, стр. 9) съ добавленіемъ догадокъ, неимѣющихъ никакого основанія, а также и въ трудѣ Макарія (Ист. Русской Церкви, II, 219).

А между тѣмъ здѣсь слово *свиты* можетъ быть понято только въ одномъ смыслѣ, въ которомъ оно является и въ лѣтописномъ языкѣ южно-русскомъ, и въ современномъ малороссійскомъ—т. е. въ смыслѣ *верхняго платья*. Припомнимъ мѣсто лѣтописи, въ которомъ при убіеніи Игоря, говорится между прочимъ: „и тако изъ *свитки* изволокоша и (т. е. его)". И. И. Срезневскій поясняетъ значеніе *свиты* такъ: „платье съ рукавами и полами" (см. его статью упомянутую въ примѣч. 23). Такое значеніе слова *свита*, *свитка* вполнѣ подходитъ къ приводимому свидѣтельству: на память о греческихъ мастерахъ сохранялись на полатяхъ церковныхъ и книги ихъ, и одежды".

(38) Исторія Русской Церкви. Макарія, архіепископа Харьковскаго. Т. II. (изд. 2-е). Спб. 1868. Стр. 79.

(39) „Посланіе смиреннаго епископа Симона Владимірскаго и Суздальскаго къ Поликарпу черноризцу Печерскому". См. въ Памятникахъ Росс. Слов. XII вѣка", изд. К. Калайдовичемъ. М. 1821. Стр. 253.

(40) Здѣсь говорится о Святославѣ-Панкратіи Давидовичѣ, второмъ сынѣ князя Давида Черниговскаго, который постригся въ монастырѣ Печерскомъ въ 1106 году, февраля 17 дня. Въ иночествѣ прозванъ былъ Николаемъ и болѣе извѣстенъ подъ именемъ *Николая Святоши*. Послѣднее прозваніе было однакоже дано ему не „за благочестіе", какъ предполагаетъ Карамзинъ, а въ видѣ сокращенія его полнаго имени (Святославъ).

(41) Аѳанасій Кольнофойскій монахъ Кіево-Печерскаго монастыря, оставившій намъ на польскомъ языкѣ любопытное описаніе обители и бывшихъ въ ней чудесъ, подъ заглавіемъ *Тератургима*. Сочиненіе это было напечатано въ типографіи Кіево-Печерскаго монастыря въ 1688 году, и составляетъ въ настоящее время величайшую библіографическую рѣдкость. Къ своей *Тератургимѣ* Кольнофойскій приложилъ планы Лавры и лаврскихъ пещеръ, ближнихъ и дальнихъ. Митрополитъ Евгеній перепечаталъ ихъ въ своемъ „Описаніи Кіево-Печерской Лавры".

(42) Митрополитъ Евгеній, Описаніе Кіево-Печерской Лавры, стр.

(43) *Закревскій*. Описаніе Кіева. М. 1868 г. II, стр. 679.

(44) См. объ этомъ у *Макарія*. Исторія Русск. Церкви, I, стр. 196—7.

(45) Въ Матеріалахъ для Археологическаго Словаря", печатаемыхъ при „Древностяхъ Московскаго Археологическаго Общества", въ III т., стр. 23, находимъ объясненіе словъ *воръ*, *воры*, упоминаемаго въ Ипатьевской и 2-й Псковской лѣтописяхъ. Слово объяснено г. Аристовымъ вѣрно; но къ его объясн нію прибавлены невозможныя филологическія сопоставленія и такія догадки археологическія, которыя никакъ не могутъ выдержать строгой научной критики. Такъ напр. г. Аристовъ задается вопросомъ, „не одинаковыя ли слова: *воръ* и *боръ*?" (!)—и приходитъ къ тому, чрезвычайно оригинальному выводу, что „слова: *дворъ* и *ворота* (sic!) имѣютъ корнемъ слово *воръ*". Настолько-же правильны и возможны смѣлыя предположенія г. Аристова о томъ, что „*затворы* иногда означаютъ торговыя лавки". Нужно-ли доказывать, что изъ того мѣста Лаврентьевской лѣтописи (1175 г.), на которое г. Аристовъ ссылается — этого вывода никакъ нельзя сдѣлать? Притомъ-же и самое чтеніе этого текста не установлено еще окончательно по рукописямъ.

на стр. 415 (изд. Арх. Комм. Лаврентьевск. сп. Спб. 1872). Въ этомъ же смыслѣ, кажется, на[illegible] изъ уложеній Изяславовъ лѣт. подъ 1149 г. о томъ, что „Бѣлославъ многихъ сыновъ [illegible] [illegible] почтъ въ Лучскѣ, какъ бы желая оказать этимъ особый почетъ Изяс[illegible]

82) Кажется именно въ этомъ смыслѣ можетъ быть истолкованъ то мѣсто суздальской [illegible] [illegible] Всеволодъ пошелъ въ Рязань, говоритъ между [illegible] „Князь великій же [illegible] честнымъ, не можа церковей святыхъ, въ которыхъ жертвы [illegible] [illegible]". Подъ 1207 г.

83) Подъ 1208 г. читаемъ въ Суздальской лѣтописи: „того же лѣта Святославъ Всеволодичь [illegible] [illegible] совѣщаніи, совѣщаніи), [illegible] [illegible] до Борисова [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]".

84) Въ [illegible] лѣтописи, подъ 12[illegible] г.: „На Святыя недѣлѣ, въ субботу, [illegible] [illegible] Воскресенье, въ [illegible] на Тверь [illegible] [illegible] [illegible]

ишкомъ поспѣшнаго, французскаго ученаго—представляетъ собою весьма обстоятельное изложеніе ѣйшихъ фактовъ исторіи нашего зодчества и его распаденія на опредѣленныя эпохи.

Противъ строго-логическихъ выводовъ графа С. Г. Строганова, собственно говоря, возражать не-тѣмъ болѣе, что владиміро-суздальскіе храмы носятъ на себѣ всѣ признаки, составляющіе теристическую особенность произведеній романскаго стиля. Гр. Уваровъ въ своей статьѣ: „Взглядъ житектуру XII в. въ Суздальскомъ княжествѣ (Труды перваго съѣзда, I, 252) подробно исчисляетъ собенности романскаго стиля и указываетъ на соотвѣтствующія имъ черты въ зодчествѣ владиміро-льскихъ храмовъ; а потому мы и не считаемъ нужнымъ вдаваться еще разъ въ эти подробности. Но гря на совершенно ясную постановку вопроса о романскомъ вліяніи, поднятаго на первомъ археоло-скомъ съѣздѣ въ Москвѣ (1869)—въ „Трудахъ" съѣзда явилось нѣсколько „самостоятельныхъ" ковъ на разрѣшеніе этого вопроса, чрезвычайно запутавшихъ его, и путаница эта еще болѣе уве-ась книгою Віоле-ле-Дюка „L'Art Russe, ses origines, ses éléments constitutifs, son apogée son ". Paris. 1877".

Хотя книга французскаго ученаго уже вызвала совершенно разумныя и вполнѣ послѣдователь-озраженія со стороны такихъ глубокихъ знатококъ русскаго искусства, какъ графъСтрогановъ (**), ь Мартыновъ (**) и профессоръ Буслаевъ (***), однако-же, и мнѣнія Віолле-ле-Дюка нашли себѣ го сторонника въ лицѣ г. Бутовскаго, издавшаго въ свѣтъ брошюрку „Русское искуство и мнѣнія ь". М. 1879 г., въ которой онъ смотритъ на разрѣшеніе спорнаго вопроса съ точки зрѣнія чрезвы-странной и приводящей его къ произвольнымъ выводамъ.

(89а) Выпущено при печатаніи текста.

(89б) Также.

(89в) Также.

(89г) Также.

(89д) Также.

(90) Статья Артлебена (въ „Трудахъ перваго Археологич. съѣзда, I, 288), подъ заглавіемъ вопросу объ архитектурѣ XV в. въ Суздальскомъ княжествѣ".

(91) См. въ статьѣ К. Тихонравова, подъ заглавіемъ „Владимірскій Рожественъ монастырь XII "—общіе выводы объ архитектурѣ церквей XII—XIII вв. во Владиміро-Суздальскомъ краѣ.

(92) Такъ, напримѣръ, съ западнаго фасада церкви, повыше трехъ новыхъ, большихъ и широ-оконъ, и теперь еще вверху стѣны замѣтны два ряда заложенныхъ небольшихъ старыхъ оконъ, ыя, однакоже, ни въ какомъ случаѣ не могутъ быть приняты за окна первоначальной постройки ѣка, а скорѣе принадлежатъ тому наружному виду, который храмъ Рождества могъ имѣть въ концѣ или въ началѣ XVII вѣка. Важною подробностью внутренняго плана Рождественской церкви пред-ается конечно то, что съ сѣверной стороны ея, близь сѣверо западнаго угла, сохранился донынѣ орный проходъ изъ бывшихъ княжескихъ палатъ, на хоры (палати) церкви.

(93) Надпись эта помѣщена въ статьѣ К. Н. Тихонравова „Владимірскій Рожественъ монастырь ". Владиміръ 1869.—Снимокъ съ этой написи помѣщенъ А. Мартыновымъ въ его превосходнымъ іи „Русская Старина въ памятникахъ церковнаго и гражданскаго зодчества" (М. 1852 folio) при ѣ о Рожественѣ монастырѣ. Тамъ же прекрасные виды отдѣльныхъ зданій монастыря.

(94) Извѣстіе это идетъ отъ Татищева (Ист. Россійск., примѣч. 483), и хотя не находитъ себѣ кого подтвержденія въ нашихъ лѣтописяхъ, но можетъ имѣть нѣкоторое основаніе въ томъ, что су-вованіе сношеній между Всеволодомъ Юрьевичемъ и Фридрихомъ I (Барбароссою) не подлежатъ ни-му сомнѣнію. Такъ извѣстно, что Императоръ Германскій далъ у себя пріютъ и оказалъ покровитель-князю Владиміру Ярославичу, бѣжавшему изъ Галича въ Германію, именно потому, что онъ былъ

(*) Въ вышепомянутомъ альбомѣ 1878 г.

(**) Въ статьѣ: «L'Art (Revue de l'Art chrétien. II série t. IX).

(***) Въ статьѣ «Русское искусство въ оцѣнкѣ французскаго ученаго («Критич. Обозрѣніе» М. 1879. 2 и 5).

племянникомъ великаго князя Всеволода, который въ то время былъ уже ему извѣстенъ. (См. Бо
Ист. Гос. Росс. III, стр. 49).

Отчасти на происхожденіе строителей Дмитровскаго собора изъ Германіи и можетъ быть
пришествіе ихъ отъ самаго Фридриха Барбароссы, указываютъ, по мнѣнію гр. Строганова, тѣ
торыхъ мы видимъ въ числѣ орнаментовъ Дмитровскаго собора, и которые именно при Фридрихѣ
дены были въ гербъ Западныхъ Императоровъ. „Весьма естественно", говоритъ гр. Строганов
придавая ему (орлу) значеніе аттрибута Имперской власти, Романскіе строители, прибывшіе въ
диміръ въ концѣ XII в., не усумнились помѣстить это изображеніе на церкви, сооружаемой
дворѣ Великаго князя: одинъ изъ орловъ Дмитріевскаго собора, съ обороченною главою налѣво,
въ правой лапѣ скипетръ, оканчивающійся цвѣткомъ лиліи, что мы видимъ и на современны
тахъ Фридриха I". (См. въ монографіи „Дмитріевскій соборъ", стр. 10).

(95) Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ тотъ барельефъ Дмитровскаго собора,
изображаетъ „Восхожденіе Александра Великаго на небеса". Сюжетъ его заимствованъ изъ
легенды, но, развитый въ средневѣковыхъ сказаніяхъ Запада различными дополненіями, онъ явился
изъ наиболѣе распространенныхъ изображеній во внѣшней орнаментаціи романскихъ храмовъ
этомъ подробнѣе въ статьи гр. А. С. Уварова: „Взглядъ на архитектуру XII в. въ Суздальскомъ
ствѣ". (Труды перваго Археол. съѣзда, II, 255—256).

(96) Это видно изъ того, что въ 1237 г., при взятіи Владиміра татарами, княжны и княгини
лись на полатяхъ. Подъ 1176 годомъ упоминается о томъ, что Ростиславичи, утвердясь во Вла
захватили золото и серебро, хранившееся у св. Богородицы (въ Успенскомъ соборѣ), и даже от
причта *ключи полатные*, т. е. ключи отъ скрытаго или замкнутаго помѣщенія, на палатахъ
ныхъ, называемаго въ другихъ мѣстахъ лѣтописи *теремомъ*. Такъ, напр. подъ 1185 г., при
пожара въ городѣ Владимірѣ, отъ котораго выгорѣлъ почти весь городъ и самый соборъ Успенск
рѣлъ до тла, лѣтописецъ разсказываетъ между прочимъ: „по Божьему попущенію... такъ всѣ
лись, что вытащили изъ церкви на дворъ (церковный) все, что въ ней было, и изъ *терема* куки
ги), и *книги*, и *паволоки* (дорогія матеріи) и *укси* церковныя, которыя вѣшали по праздн
даже сосуды, которыхъ было очень много: и все сгорѣло до тла".

Въ статьѣ своей „Княгининъ Успенскій дѣвичій монастырь во Владимірѣ Клязьменскомъ (
мятную книжку Владим. губ. на 1862 г. стр. 1—38) К. Н. Тихонравовъ, по поводу *терема*
владимірскихъ церквахъ, дѣлаетъ слѣдующее важное примѣчаніе: „При храмахъ XII вѣка, строен
кихъ князей Георгія Долгорукаго, Андрея Боголюбскаго и Всеволода III, во Владимірѣ, Юрьевѣ,
славлѣ, Боголюбовѣ и Кидекшѣ близь Суздали, терема находились у однихъ съ сѣверной, у друг
южной стороны, и изъ нихъ былъ прямой ходъ на церковныя полати (хоры), гдѣ обыкновенно
или сами князья, или ихъ великокняжескія семейства. Къ сожалѣнію, терема эти вездѣ, по
въ позднѣйшее время отломаны, а для входа на хоры пробиты своды стѣнъ въ самыхъ храмахъ;
въ Боголюбовскомъ монастырѣ сохранилась *часть терема* [1]) при храмѣ Боголюбскаго съ сѣвер
роны"... „При Дмитріевскомъ соборѣ во Владимірѣ теремъ съ сѣверной стороны существовалъ
всѣми высѣченными на немъ снаружи по стѣнамъ изъ бѣлаго камня изображеніями, до 1835 г
когда стали приводить соборъ въ первобытный видъ, то, вмѣстѣ съ позднѣйшими пристройками, не
съ лѣтописью, сломали до основанія и теремъ, и дверь тоже обратили въ окно, а для входа на хор
били сводъ. Впрочемъ, вѣрный рисунокъ терема сохранился въ изданіи гр. Строганова: „Дмитр
Соборъ во Владимірѣ". См. „приложенія и примѣчанія„ къ статьѣ К. Н. Тихонравова, стр. 26—

Упоминаемый рисунокъ церковнаго терема, бывшаго при Дмитровскомъ соборѣ и сломанна
реставраціи храма, находится въ монографіи г. Строганова на табл. XX.

(97) Далѣе, подъ тѣмъ же 1231 годомъ читаемъ въ лѣтописи: „Священный епископъ К
украсилъ церковь св. Богородицы несказанно дорогими иконами, и съ *предполами* къ нимъ т

---

*) Почтенный археологъ здѣсь ошибается: онъ смѣшиваетъ *теремъ церковный* съ теремо
жескимъ, отъ котораго переходы и сѣни сохранились въ Боголюбовѣ.

ченами; устроилъ и два кивота многоцѣнныхъ, и многоцѣнную *индитью* (покровъ, одежду) на св. апезу, и сосуды, и рипиды, и многое множество всякихъ другихъ украшеній; устроилъ и прекрасныя рковныя двери, которыя называются Золотыми, тѣ, что находятся въ южной сторонѣ храма; а въ осо-чности много внесъ въ св. церковь крестовъ честныхъ, много мощей святыхъ въ ракахъ прекрасныхъ— заступленье и покровъ, и утвержденье граду Ростову".

(98) Лѣтописи кіевская и суздальская сохранили намъ одинаково много свѣдѣній объ обычаѣ— шать въ храмахъ, на память о князьяхъ, княжескія одежды. Изъ этихъ свѣдѣній узнаемъ, что такія ежды княжескія были расшиты золотомъ и низаны (вѣроятно около ворота) жемчугомъ. При частыхъ жарахъ и многихъ послѣдовательныхъ ограбленіяхъ нашей церковной святыни—одежды эти, конечно, не гли уцѣлѣть, и изъ числа ихъ дошло къ намъ только то, что сохранили намъ гробы, не вскрытые ру-ю грабителей, и немногіе клады, не уничтоженные гораздо болѣе безпощадною рукою невѣжества.

Вопросъ о княжескихъ одеждахъ владимірскихъ князей, поднятый нѣсколько времени тому назадъ нашей археологической литературѣ статьею В. В. Стасова о Владимірскомъ кладѣ (см. Извѣстія Ар-ологическаго Общ., т. VI, стр. 124—133 и 142—151), заслуживаетъ того, чтобы поговорить по поводу о нѣсколько подробнѣе.

Еще съ прошлаго столѣтія въ кругу нашихъ археологовъ существуетъ нѣчто въ родѣ преданія или азанія о томъ, что въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ хранятся древнія княжескія одежды. Щека-въ въ своемъ Географическомъ Словарѣ Россійской Имперіи (7 томовъ. М. 1801), въ статьѣ о городѣ ладимірѣ-на-Клязьмѣ, описывая древности города, говоритъ между прочимъ объ Успенскомъ соборѣ: Сверхъ сего еще примѣчанія достоинъ сей соборъ, что въ ономъ, въ верхней его палатѣ, хранятся и днесь *древнія княжескія порфиры и всякія ихъ одежды, воинскіе желѣзные шишаки, аты, колчаны, луки, стрѣлы и церковная весьма богатая утварь*". (I, 900). Изъ этого жно, пожалуй, прійдти къ тому заключенію, что сохранилось отъ княжеской эпохи Владимірской мно-ество предметовъ, принадлежащихъ XII и XIII вѣку—одежды, оружіе и утварь. Но на самомъ дѣлѣ казывается нѣчто совсѣмъ иное. Богатства Успенскаго собора сводятся къ тому, что утвари, древнѣе VI вѣка, въ немъ не имѣется никакой, изъ оружія знаемъ только объ одномъ шеломѣ и трехъ стрѣлахъ скорѣе метательныхъ копьяхъ), приписываемыхъ Изяславу Андреевичу и потому лежащихъ на гробу го. Знаемъ также о древнихъ одеждахъ, преимущественно остаткахъ старинныхъ облаченій, хране-щихся въ ризницѣ собора—и только. Одинъ изъ мѣстныхъ владимірскихъ археологовъ, правда, гово-итъ, что въ ризничной палаткѣ (собора) на хорахъ въ числѣ драгоцѣнностей хранятся еще остатки *Великокняжескихъ одеждъ* (?), вынутыхъ изъ каменныхъ гробовъ *) вмѣстѣ съ нетлѣнными тѣ-ами Георгія, Андрея и Глѣба"... (См. Доброхотовъ, Пам. древности во Владимірѣ Кляземскомъ, М. 1849; стр. 69—70). Но этому извѣстію едва-ли можно придавать большое значеніе, особенно въ виду ого, что извѣстный знатокъ владимірскихъ и суздальскихъ древностей К. М. Тихонравовъ, ни въ своемъ „Владимірскомъ сборникѣ", ни въ отдѣльныхъ монографіяхъ, ни въ тѣхъ подробныхъ замѣткахъ о древ-ностяхъ Владиміро-Суздальскаго края, которыя онъ сообщилъ намъ—ни единымъ словомъ не упоминаетъ *Великокняжескихъ одеждахъ* (!), хранящихся въ ризничной палаткѣ Успенскаго Владимірскаго собора... А между тѣмъ онъ упоминаетъ о каждомъ крестикѣ, о каждой написи! Было-бы трудно себѣ представить, чтобы этотъ глубокій знатокъ, притомъ еще и постоянный житель Владиміра, не оцѣ-нилъ по достоинству такой драгоцѣнности, какъ „остатки Великокняжескихъ одеждъ". Очевидно, что К. Н. Тихонравовъ не придавалъ этимъ остаткамъ никакого значенія и древность ихъ, а тѣмъ болѣе принадлежность великимъ князьямъ владимірскимъ, считалъ болѣе, чѣмъ сомнительною.

Но вотъ въ 1865 г. учитель владимірской семинаріи, И. Е. Бѣляевъ, находитъ на своемъ ого-родѣ весьма замѣчательный кладъ, состоящій изъ золотыхъ и серебряныхъ вещей (серегъ, образ-

(*) Любопытно, что тотъ же археологъ, на предыдущей страницѣ своей книги разсказываетъ намъ объ исчезновеніи цѣлыхъ гробницъ и о такомъ неуваженіи къ памятникамъ древности во Владиміро-Суздальскомъ краѣ, которое положительно не даетъ возможности допустить, чтобы даже и лоскутки великокняжескихъ одеждъ могли уцѣлѣть въ мѣстныхъ ризницахъ до нашего времени.

Минихѣ, Золотыя ворота отрыты въ 1832 г. Между стѣнами ихъ (по распоряженію Кіевскаго ко сохраненія древностей, бывшаго при университетѣ Св. Владиміра) утверждены двѣ желѣзны пр придѣланы кирпичные контрфорсы снаружи.

Рисунокъ 4.

Съ фотографіи г. Настюкова, изданной въ его большомъ историческомъ альбомѣ видовъ и пр никовъ Россіи.

Рисунокъ 5.

Съ оригинальнаго акварельнаго рисунка академика Солнцева, составляющую нашу собств Рисунокъ этотъ былъ предпочтенъ потому, что колокольня собора изображена на немъ еще въ пр своемъ видѣ, не надстроенною, какою была она до 1851 г. Эти размѣры колокольни, у котор тѣхъ поръ успѣли надстроить еще одинъ ярусъ—были удобнѣе для нашей гравюры, потому что нам намъ возможность представить самое зданіе собора въ бо́льшемъ видѣ.

Отмѣтимъ кстати одну подробность, которую нетрудно замѣтить на нашемъ рисункѣ: два окн бокамъ восточнаго фасада собора принадлежатъ очевидно позднѣйшей эпохѣ, судя по формѣ ихъ имѣющей ничего общаго съ окнами собора, а также и по наружнымъ украшеніямъ, напоминающи московскихъ церквей XVII вѣка.

Рисунокъ 6.

Изъ книги Фундуклея „Обозрѣніе Кіева" и т. д., табл. 31.

Рисунокъ 7.

Заимствованъ изъ „Древностей Россійскаго Государства. Кіевскій Софійскій соборъ. Изданіе Им раторскаго Русскаго Археологическаго Общества. Спб. 1871. Вып. 1 и вып. 2 и 3 (вмѣстѣ издан См. въ этомъ изданіи таблицу 53 (въ вып. 2 и 3), и на ней рис. 11.

Это превосходное изданіе, предпринятое Императорскимъ Археологическимъ Обществомъ, п продолженіе „Древностей Россійскаго Государства", изданныхъ въ царствованіе Императора Никол поручено было Обществомъ особой коммиссіи членовъ, которыя избрали изъ среды своей ак мика Ѳ. Г. Солнцева, уже сослужившаго великую службу русской археологіи, и академика И. И. Сре невскаго, для провѣрки рисунковъ и плановъ собора на мѣстѣ. Лѣтомъ 1867 г., И. И. Срезневск Ѳ. Г. Солнцевъ отправились въ Кіевъ. „Плодомъ этой поѣздки были привезенныя ими прориси на с ной бумагѣ всѣхъ замѣчательныхъ изображеній мозаикъ и фресокъ Кіевскаго Софійскаго собора, и, кр того, нѣсколько изображеній, снятыхъ фотографіею. Прориси эти, на которыя нанесены всѣ ма черты изображеній съ такою подробностью, что на нихъ недостаетъ только красокъ и тѣней, у шены посредствомъ фотографіи въ размѣръ, нужный для предпринятаго изданія. Съ этихъ уменьш ныхъ фотографій сдѣланы рисунки". Въ концѣ предисловія къ 1 вып., изъ котораго мы извлек эти подробности, добавлено, что: „Описаніе древностей Кіевскаго Софійскаго собора, долженствующее жить объяснительнымъ текстомъ, будетъ издано немедленно по составленіи его И. И. Срезневск Этотъ текстъ впослѣдствіи составленъ не былъ.

Содержаніе рисунка 7, помѣщеннаго на стр. 48 нашей книги—весьма любопытно. На нем двухъ отдѣленіяхъ, помѣщены: въ одномъ, мѐньшемъ, — человѣкъ, поддерживающій на спинѣ с шестъ, по которому лѣзетъ вверхъ мальчикъ; въ другомъ — бо́льшемъ, изображены шесть музыкан и три плясуна У музыкантовъ видимъ въ рукахъ сопѣль (флейту), трубы, струнный инструмент родѣ гитары, тарелки и гусли. Г. Закревскій кромѣ этихъ инструментовъ видитъ на то фрескѣ *арфу* (?) и *сурмы* (?) (см. Опис. Кіева, II, стр. 815); но мы ихъ не видимъ въ рукахъ музыкант

Фреска эта, въ числѣ многихъ другихъ, находится на юго-западной лѣстницѣ собора. Едва-ли жетъ подлежать сомнѣнію то, что и эта, и всѣ остальныя фрески Кіево-Софійскаго собора, находящ въ этомъ углу храма неодновременны съ построеніемъ собора. Едва-ли даже всѣ эти фрески б написаны въ одно время? Ни въ сюжетахъ ихъ, ни въ исполненіи незамѣтно никакого единства, ни общей идеи. Но это конечно не мѣшаетъ тому, что многія изъ этихъ фресокъ могли быть напис по весьма древнимъ образцамъ или сохранить въ себѣ черты весьма древняго быта, относящіяся жетъ быть даже къ концу XII или началу XIII вѣка.

Рисунокъ 8.

Изъ „Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. По порученію и на иждивеніе Имп. Археологическаго Общества издалъ И. И. Срезневскій. Спб. 1860". 4°.

Текстъ этого прекраснаго изданія напечатанъ факъ-симиле, литографическимъ способомъ, по пергаменному списку XIV вѣка, входящему въ составъ извѣстнаго Сильвестровскаго сборника синодальной библіотеки. Нѣкоторыя (двѣ) изъ многихъ любопытныхъ и важныхъ миніатюръ этого сборника переданы въ изданіи Арх. Общества хромолитографіями; всѣ остальныя прорисью (чертами). Въ такомъ видѣ три изъ этихъ миніатюръ помѣщены и въ нашемъ изданіи (см. страницы 51, 71 и 73); четвертая, хромолитографически переданная въ изданіи Археологическаго Общества, передана и въ нашей книгѣ съ буквальною точностью—тонами.

Рис. 8, помѣщенный нами на стр. 51, находится въ изданіи Археологическаго Общества на стр. 79 (внизу). Издатель не даромъ замѣчаетъ въ началѣ книги Сильвестровскаго сборника, что рукопись, печатаемая Обществомъ, „любопытна, какъ остатокъ письма и рисовки первой половины XIV вѣка, письма нетщательнаго, рисовки грубой, но письма и рисовки такихъ лицъ, которыя передавали древній изводъ безъ нарочныхъ измѣненій и подновленій".

Слѣды „древнаго извода" видны и въ рисункахъ рукописи, передающихъ черты быта, очевидно, весьма древнія и которыхъ, конечно, списатель рукописи не могъ болѣе наблюдать въ XIV вѣкѣ. Къ числу такихъ чертъ на предлагаемомъ нами рисункѣ 8 слѣдуетъ отнести, конечно, то, что погребаемый князь Борисъ изображенъ *въ клобукѣ* (въ шапкѣ съ мѣховою оторочкою), и то, что его *несутъ на саняхъ*. Лѣтопись полна указаніями на то, что покойниковъ обыкновенно *клали на сани* или гробъ ихъ *ставили на сани*. Нерѣдко случалось, что сани *носили и на плечахъ*, въ особенности когда похороны происходили въ лѣтнюю пору. Клобукъ на головѣ покойника-князя могъ оставаться на томъ основаніи, что князья въ *клобукахъ стояли и въ церкви*.

Рисунокъ 9 (по ошибкѣ обозначенъ 8, на стр. 53).

Представляетъ собою драгоцѣннѣйшій памятникъ искусства XI вѣка. Самый рисунокъ, изображающій великаго князя кіевскаго Святослава Ярославича и его семейство, служилъ прежде заглавнымъ листомъ харатейнаго Изборника, списаннаго въ 1073 г., по повелѣнію князя Святослава, діакомъ Іоанномъ. Въ 1817 г. онъ былъ найденъ въ Воскресенскомъ Новоіерусалимскомъ монастырѣ К. Калайдовичемъ. Въ настоящее время, драгоцѣнный памятникъ этотъ хранится въ Патріаршей библіотекѣ въ Москвѣ, а заглавный листъ его, съ изображеніемъ семейства князя Святослава, отдѣльно отъ рукописи, хранится въ Московской Оружейной палатѣ.

Рисунокъ, помѣщенный на этомъ заглавномъ листѣ, написанъ красками на тонкомъ бѣломъ пергаменѣ, часть котораго съ лѣвой стороны оторвана и подклеена также пергаменомъ.

Нашъ рисунокъ сдѣланъ не съ подлинника, а съ превосходнаго снимка, работы академика Ѳ. Г. Солнцева, помѣщеннаго въ „Древностяхъ Россійскаго Государства, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію", отдѣлъ IV, рис. 2. Этотъ снимокъ, фотографически уменьшенный вдвое, былъ прямо снятъ на дерево въ Парижѣ, безъ посредства перерисовки, и, слѣдовательно, исполненъ съ математическою вѣрностью оригиналу.

Рисунокъ 10.

Изъ вышепомянутаго изданія Археологическаго Общества, подъ заглавіемъ „Сказанія о св. Борисѣ и Глѣбѣ. Сильвестровскій списокъ XIV вѣка". Тамъ онъ помѣщенъ на особомъ листѣ, противъ стр. 56. Подробности рисунка любопытны. Князь Владиміръ, въ клобукѣ со свѣтлымъ верхомъ, въ черно. исподи и красномъ плащѣ или корзнѣ, сидитъ на княжескомъ *столѣ*. Рука его, съ приподнятымъ указательнымъ пальцемъ, обращена въ направленіи къ Борису, котораго (какъ видно изъ подписи) онъ посылаетъ противъ Печенѣговъ. Борисъ, въ клобукѣ съ краснымъ верхомъ, въ красномъ корзнѣ и темной исподи, держитъ копье въ лѣвой рукѣ, а правую протягиваетъ по направленію къ отцу, очевидно, сопровождая этимъ жестомъ свои слова. Позади князя стоитъ толпою дружина въ полномъ вооруженіи, въ островерхихъ шеломахъ, съ кольчужными бармицами (сѣтками), спускающимися отъ шеломовъ на плечи, въ чешуйчатыхъ доспѣхахъ, съ копьемъ въ одной рукѣ и съ *червленымъ* щитомъ въ другой. На князь-

ихъ и на дружинѣ — черные, высокіе сапоги; изъ-подъ доспѣха дружины видѣнъ край цвѣтной (к сноватой) одежды; исподь, надѣтая на князьяхъ, обшита по подолу широкою цвѣтною каймою.

Такъ какъ князья Владиміръ и Борисъ, въ эпоху написанія рукописи, были уже причислены лику святыхъ, то главы ихъ окружены золотымъ круговымъ сіяніемъ.

Рисунокъ 11.

Заимствованъ изъ того же изданія: „Сказаніе о святыхъ Борисѣ и Глѣбѣ", на стр. 128.

Рисунокъ 12.

Заимствованъ изъ того же изданія, со стр. 125. Рисунокъ любопытенъ по своимъ подробност Князь въ клобукѣ и въ исподи безъ корзна сидитъ среди духовенства, приглашеннаго имъ на об Митрополитъ посаженъ по правую руку князя. Столъ покрытъ скатертью, спускающеюся до пол. столѣ стоитъ большая, глубокая чашка (вѣроятно замѣняющая блюдо, какъ и теперь видимъ въ нар около нея, на-лѣво, ковшъ плоскій, съ изогнутой ручкой, небольшой жбанъ и небольшая *ендо* (кувшинчикъ съ носкомъ) на подставѣ. Направо отъ чашки — турій рогъ на ножкахъ и большой канъ. Въ рукѣ у князя—нѣчто въ родѣ чаши; въ рукахъ двухъ собесѣдниковъ—стаканы.

Рисунокъ 13.

По фотографіи съ извѣстнаго рисунка академика Ѳ. Г. Солнцева. Помѣщенъ здѣсь только того, чтобы дать понятіе о кіевскихъ пещерахъ и размѣщеніи въ нихъ мощей св. угодниковъ.

Рисунокъ 14.

Изъ вышепомянутаго изданія Имп. Археологическаго Общества, подъ заглавіемъ *Древности Р сійскаго Государства. Кіевскій Софійскій Соборъ. Вып. 1, Спб. 1871 г.* Сн. т табл. 3. Прежде, чѣмъ скажемъ что-либо о кіевскихъ мозаикахъ, замѣтимъ, что „всѣ древнія мозаич изображенія, сохранившіяся въ Св. Софіи до нашего времени, сдѣланы на золотомъ фонѣ, какъ и фрески—на голубомъ. Мозаика или мусія въ Св. Софіи состоитъ изъ небольшихъ кубиковъ разл величины (отъ $^1/_8$ до $^1/_3$ вершка) и большею частью нѣсколько продолговатаго вида, а многіе и со шенно неправильной формы. Кубики эти состоятъ изъ стекловидной массы различныхъ цвѣтовъ (и бѣлые прозрачные, другіе совсѣмъ тусклые), которая была разбиваема на части ручнымъ способомъ. чемъ фигура камешковъ зависѣла отъ случайности удара. Для составленія золотаго фона употреб кубики изъ прозрачнаго, довольно чистаго стекла, верхнюю сторону котораго покрывали золотом поверхъ золота еще стеклянной эмалью или глазурью. Многіе цвѣтные кубики выдѣлывались изъ раз металлическихъ композицій, изъ простой полвы или изъ натуральныхъ камней того или другого ви Такъ, напримѣръ, въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ, для составленія мозаическаго бордюра, употр лены кусочки краснаго шифера".

Не говоря уже о значеніи этой иконы, какъ одного изъ древнѣйшихъ образцовъ мозаическаго ис ства въ Кіевѣ, мы не можемъ не обратить вниманія читателя на колоссальный размѣръ этого зам тельнаго памятника, который имѣетъ въ высоту *семь аршинъ!*

Кстати замѣтимъ, что археологическія описанія этой иконы далеко не всюду отличались точно Такъ, напр., мы съ крайнимъ изумленіемъ видимъ, что у митрополита Евгенія, на 42 стр. его „Опис Кіево-Софійскаго Собора (Кіевъ. 1825 г. 4°)", въ описаніи этой иконы встрѣчаются напр. такія н вости: „Божія Матерь изображена стоящею на [illegible] (?)..." за поясомъ (у [illegible] затыкнуть *[illegible]* (?)..." „главы и ранѣе покрыты золотою фольгою". Очевидно, что во писано на память, а не съ памятника.

Рисунокъ 15 и 16.

Изъ того же изданія „Древности Россійскаго Государства. Кіевскій Софійскій Соборъ", вып. 3. Сн. тамъ табл. 17 и 18.

Для того, чтобы подчеркнуть важное значеніе въ этомъ величаемъ мозаическомъ изображеніи Б ной Вечери, необходимо представить себѣ наши рисунки 15 и 16 составленными вмѣстѣ такъ, что правая сторона 15 рисунка совпала съ лѣвою стороною 16-го рисунка. Высота этой мозаики, при размѣщеніи лишь одной Божіей Матери Нерукотворенной Стѣны, отъ одного края ея до другого равняется 5 аршинамъ, а ширина—8½ аршинамъ.

Отмѣтимъ любопытную особенность описаній этого важнаго изображенія, указывающую на то, какъ необходимо быть осторожнымъ и точнымъ при археологичеескихъ описаніяхъ. Такъ напр. мы видимъ, что митрополитъ Евгеній въ своемъ „Описаніи Кіево-Софійскаго Собора", на стр. 42—44, описывая трапезу, показываетъ *по правую* сторону креста тѣ предметы, которыя видимъ на мозаикѣ *по лѣвую* (напр. дискосъ), а возлѣ стоящей звѣзды видитъ „ножъ вмѣсто копія, *съ золотою рукоятью* (?)" Трудно даже сказать, что именно онъ называетъ на трапезѣ (по правую сторону отъ звѣзды) *ножомъ*, и что—рукоятью *ножа*? Въ сущности, мы видимъ на трапезѣ только треугольное копьецо, повыше и поправѣе звѣзды, и какой то ромбоидальный, золотистый съ разводами предметъ, пониже копьеца, около самого древка рипиды. Г. Закревскій, поправляя въ своемъ описаніи кіево-софійскихъ мозаикъ промахи митрополита Евгенія, говоритъ: „Преосв. Евгеній и г. Крыжановскій пишутъ, что дискосъ изображенъ съ раздробленнымъ на немъ Святымъ Хлѣбомъ; но въ рисункѣ (?) *на дискосѣ ничего не видно*". (Описаніе Кіева, II, стр. 792). А между тѣмъ на дискосѣ, стоящемъ на мозаикѣ на лѣвой сторонѣ трапезы, совершенно ясно и отчетливо показаны частицы раздробленнаго Тѣла Христова. Любопытно, что, опуская изъ виду такія важныя подробности въ изображеніи Тайной Вечери, г. Закревскій все же находитъ возможнымъ сказать, на той же страницѣ: „Мы не дополняемъ своимъ воображеніемъ подобно г. Крыжановскому; но описываемъ *такъ, какъ есть*".

Рисунокъ 17.

Изъ того же изданія „Древности Россійскаго Государства, Кіевскій Софійскій Соборъ", вып. 2 и 3-й, табл. 7, рис 27.

По поводу мозаическаго изображенія Благовѣщенія, г. Закревскій справедливо замѣчаетъ въ своей книгѣ: „Икона Благовѣщенія Пресв. Богородицы, изображенная на двухъ отдѣльныхъ подпорахъ главнаго Софійскаго купола, служитъ неопровержимымъ доказательствомъ того обстоятельства, что въ древности иконостасы въ православныхъ церквахъ не воздвигались столь высокими, какъ это начали дѣлать отъ начала XV вѣка". (Опис. Кіева, II, стр. 797).

Рисунокъ 18.

Изъ Атласа, приложеннаго къ „Трудамъ третьяго Археологическаго съѣзда" (въ Кіевѣ, 1878 г.). См. тамъ таблицу IV, на которой изображенъ „Въѣздъ въ Кіевъ гетмана Радзивила (происходившій въ 1651 г. 4-го августа) съ видомъ Софійскаго собора"—съ старинной гравюры. Снимокъ, помѣщенный въ „Трудахъ", представляетъ собою очень плохую фотолитографію, почему мы и должны были удовольствоваться контурнымъ рисункомъ, въ область котораго вошло только зданіе собора, безъ окружавшихъ его въ XVII в. зданій и пристроекъ.

Рисунокъ 19.

Изъ книги Фундуклея „Обозрѣніе Кіева", табл. 7.

Представленныя на нашемъ рис. остатки гробницъ отрыты изъ основаній Десятинной церкви въ то время, когда въ 1824 году митрополитъ Евгеній рѣшился подвергнуть изслѣдованію древній фундаментъ храма. Между многими древностями въ развалинахъ Десятинной церкви „найдена была мраморная, разбитая на три части доска, принадлежавшая къ составу древней гробницы, въ которой найдены перстень и крестикъ, и двѣ цѣлыя шиферныя гробницы, находившіяся внутри церкви. Плиты гробницы, стоявшей возлѣ алтаря, были плоскія; а на плитахъ другой гробницы нарѣзаны изображенія крестовъ и деревьевъ, подобныя тѣмъ, какія находятся на гробницѣ Ярославовой. Подобныя же изображенія были и на мраморной разбитой доскѣ".

Рисунокъ 20.

Нашъ рисунокъ сдѣланъ по превосходному рисунку В. Ѳ. Тимма, помѣщенному въ числѣ прочихъ кіевскихъ видовъ въ „Художественномъ Листкѣ" за 1858 г. Снимки рельефныхъ изображеній гробницы Ярославовой, заимствованныя нами изъ книги Фундуклея (Обозр. Кіева въ отношеніи къ древностямъ, 847), и уже награвированныя для нашего изданія, возбудили въ насъ сомнѣніе нѣкоторыми своими подробностями, которыхъ мы никакъ не могли провѣрить, и мы отложили гравюру въ сторону до будущаго изданія.

Митрополитъ Евгеній дѣлаетъ, по отношенію къ этой гробницѣ Ярославовой, слѣдующее важное

[illegible] Окн. К. Соф. [illegible] стр. 55): „[illegible] [illegible] [illegible] [

При нашемъ описаніи палатъ князя Андрея мы постоянно имѣли въ виду фотографическіе снимки зданія, снятые съ разныхъ сторонъ М. П. Настюковымъ.

Рисунокъ 32.

Также по рисунку, заимствованному изъ книги Доброхотова (см. тамъ же рис. 3).

Рисунокъ 33.

Изъ „Древностей Россійскаго Государства, изданныхъ по Высочайшему повелѣнію", отдѣлъ III М. 1853. См. тамъ таблицу 4.

Приводимъ подробности о шеломѣ заимствованныя нами изъ текста, прибавленнаго къ превосходнымъ рисункамъ академика Ѳ. Г. Солнцева:

„Шлемъ найденъ, въ 1808 г., вмѣстѣ съ кольчугою во Владимірской губерніи, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Юрьева-Польскаго, въ лѣсу, подъ пнемъ дерева. По формѣ своей, по съѣденному ржавчиной желѣзу и по сотлѣвшей кольчугѣ, его должно было отнести къ давнимъ временамъ. Въ Бозѣ почивающій Императоръ Александръ I повелѣлъ бывшему въ то время президенту Академіи Художествъ Оленину изслѣдовать: кому бы могъ принадлежать этотъ древній шлемъ? Г. Оленинъ, соображая мѣстность, гдѣ найденъ оный, съ историческими преданіями о битвахъ, объяснилъ... соображая надпись вокругъ гербоваго изображенія Архангела Михаила (на шлемѣ) съ событіемъ 1216 г. (т. е. съ Липицкой битвой), что шлемъ принадлежалъ князю Ярославу (въ св. крещеніи Ѳеодору) Всеволодовичу, сыну Всеволода Юрьевича".

По отношенію къ внѣшности шелома, текстъ „Древностей Государства Россійскаго" даетъ намъ слѣдующія подробности:

„Этотъ желѣзный шлемъ обложенъ чеканными серебряными золочеными бляхами, на которыхъ спереди изображенъ Архангелъ Михаилъ со скипетромъ (посохомъ) и державой въ рукахъ; вокругъ него (т. е. изображенія Архангела) надпись изъ черни: *Великыи архистратиже Господень Михаиле помози рабу своему Ѳеодору*". На подвершьѣ шишака лики: Спасителя—съ подписью: *Іс. Хр.*, *Аги* (аγіος) *Ѳеодоръ*; *Аги Георгі*; *Аги Василі*. По вѣнцу на продольной бляхѣ въ фигурахъ изображены орлы, соколы и крылатые звѣри"...

Любопытно, что текстъ „Древностей Государства Россійскаго" не обращаетъ вниманія читателя на двѣ важныя подробности Ярославова шелома. 1) на кольчужную сѣть или *бармицу*, опускавшуюся отъ краевъ шелома на шею и плечи, для защиты этихъ частей отъ ударовъ; и 2) на желѣзную *личину*, которая въ такой же степени служила для защиты лица.

Рисунокъ 34.

Изъ Атласа приложеннаго къ „Трудамъ" перваго Археологич. съѣзда. Таблица XIII.

Кстати, отмѣтимъ здѣсь и размѣры Покровской церкви, какъ ихъ приводитъ Доброхотовъ въ своей книгѣ: —„длина храма отъ западной двери до углубленія горняго мѣста $16^1/_2$ аршинъ, ширина $11^1/_2$ арш., высота до купола фонаря 10 саженъ и 2 арш.; толщина стѣнъ $-1^3/_4$ арш. Стѣны облицованы бѣлымъ известковымъ камнемъ, отъ 8—9 вершковъ въ діаметрѣ, тесаннымъ квадратно, а внутри облицовки находятъ булыжникъ и дикій камень, залитые известковымъ растворомъ (стр. 73)". Вышина западнаго входа отъ нынѣшняго пола до верха нижней поддуги $4^1/_2$ аршина и 4 вершка.

Рисунокъ 35.

Изображеніе церкви Покрова-на-Нерли выполнено по фотографіи, снятой Настюковымъ. Не совсѣмъ удачный рисунокъ этой церкви помѣщенъ въ книгѣ Доброхотова (снятой съ сѣверной стороны). Архитектурные чертежи церкви Покрова на Нерли (планъ фасадъ и украшенія можно видѣть въ изданіи Рихтера „Памятники древняго Русскаго зодчества", табл. III и IV; а также и въ Атласѣ къ I т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда въ Москвѣ". Въ меньшемъ размѣрѣ въ изданіи графа С. Г. Строганова „Дмитріевскій соборъ"; см. тамъ табл. XXI (на ней планъ, фасадъ, профиль, разрѣзъ).

Въ драгоцѣнныхъ замѣткахъ, сообщенныхъ намъ покойнымъ К. Н. Тихонравовымъ находимъ слѣдующія интересныя свѣдѣнія о Покровской-на-Нерли церкви: „Въ куполѣ храма *были* древнія фрески, въ нынѣшнемъ 1877 г. уничтоженныя; открылъ ихъ и сдѣлалъ снимки академикъ Ѳ. Г. Солнцевъ;

на нихъ изображены были апостолы". Мы слышали, что въ прошломъ году, этотъ драгоцѣнный памятникъ XII вѣка подвергся новымъ искаженіямъ...

Рисунокъ 36.

По фотографіи, снятой Настюковымъ. Мы, изъ нѣсколькихъ снимковъ, избрали для нашего рисунка именно этотъ, на которомъ соборъ Успенскій снятъ съ восточной стороны, какъ съ такой, которая менѣе всего пострадала отъ позднѣйшихъ пристроекъ и придѣлокъ. Если читатель, взглянувъ на нашъ рисунокъ собора, мысленно откинетъ боковыя пристройки соборнаго корпуса, ясно выступающія за контръ-форсами, и при этомъ представитъ себѣ соборъ одноглавымъ, то онъ получитъ совершенно ясное представленіе о томъ видѣ, какой соборъ могъ имѣть при князѣ Андреѣ, до перестроекъ Всеволода.

Помѣщаемый нами рисунокъ имѣетъ тѣмъ болѣе значенія, что до сихъ поръ у насъ еще вовсе не являлись въ печати изображенія этого замѣчательнаго памятника. Намъ извѣстны только архитектурныя чертежи этого храма въ Атласѣ къ I т. „Трудовъ перваго археологическаго съѣзда", табл. XVIII и XIX и фотолитографическое (въ очень маломъ видѣ) изображеніе западнаго фасада Успенскаго собора, помѣщенное въ изданіи графа С. Г. Строгонова „Русское Искусство Е. Віоле ле-Дюкъ и архитектура въ Россіи отъ X—XIII вѣка". Спб. 1878. 4°. См. таб. IV. Но послѣднее изображеніе не даетъ никакого понятія о Владимірскомъ соборѣ, а первое страдаетъ многими неточностями и промахами. Вотъ что пишетъ о немъ К. Н. Тихонравовъ въ находящихся у насъ его замѣткахъ о владимірскихъ древностяхъ:

„Въ планѣ (трудовъ Археологич. съѣзда въ Москвѣ) есть неточности; напр., княжескія гробницы, кромѣ гробовъ кн. Мстислава Андреевича и Константина Всеволодовича (*), должны быть показаны въ стѣнахъ, въ впадинахъ (нишахъ). На разрѣзѣ въ пятахъ сводовъ у столповъ нѣтъ изображеній лежащихъ львовъ, высѣченныхъ изъ камня, какъ въ Покровской церкви на Нерли и въ Дмитровскомъ соборѣ, гдѣ они высѣчены, конечно, по образцу собора Успенскаго. На западной стѣнѣ показаны только одни входныя двери, а ихъ трое, и у однихъ—съ лѣвой стороны—уцѣлѣли рѣзные по дугѣ узоры, а съ правой стороны двери хотя и задѣланы контрфорсомъ, но извнутри храма закладка ихъ замѣтна".

Рисунокъ 37.

Исполненъ по фотографіи Настюкова. Также впервые является въ нашемъ изданіи; изображеній его до настоящаго времени въ печати не было; по крайней мѣрѣ намъ извѣстенъ только одинъ фотолитографическій снимокъ (очень малаго размѣра), въ вышеупомянутомъ нами изданіи графа Строгонова „Русское искусство", табл. VIII, исполненное также по фотографіи Настюкова. К. Н. Тихонравовъ сообщаетъ объ этомъ соборѣ слѣдующее: „Суздальскій соборъ, построенный въ 1221 г., вмѣсто прежняго Мономаховскаго, почти весь сохранился въ первоначальномъ видѣ донынѣ; только верхъ его упалъ въ 1445 г. и вскорѣ былъ возобновленъ; южныя двери, поясъ съ рѣзными украшеніями,—сохранились въ томъ видѣ, какъ были построены при Георгіѣ Всеволодовичѣ".

Прибавимъ къ этому, что помѣщаемое нами изображеніе Суздальскаго собора, особенно важно по сравненію съ изображеніемъ собора Успенскаго во Владимірѣ, который, какъ извѣстно, послужилъ образцомъ Суздальскому собору: послѣдній былъ вторымъ пятиглавымъ храмомъ во Владиміро-Суздальскомъ краѣ, и послужилъ въ значительной степени къ распространенію этого типа церквей на русскомъ Сѣверѣ.

Обратимъ вниманіе читателей на то, что и въ Суздальскомъ соборѣ, какъ въ соборѣ Успенскомъ, крыша была прежде не такою, какъ теперь видимъ ее на этихъ соборахъ. Верхи стѣнъ обоихъ соборовъ заканчивались округлыми комарами, какъ мы и теперь еще видимъ въ церкви Покровской на Нерли и у Дмитровскаго собора. Но позднѣе, промежутки между *комарами* были заложены кирпичемъ, верхъ крыши подведенъ подъ прямую линію и крыша, изъ округлой и изогнутой, обращена въ четырехъ-скатную шатровую.

Рисунокъ 38.

По фотографіи М. П. Настюкова.

Рисунокъ 39.

Планъ Дмитровскаго собора во Владимірѣ заимствованъ нами изъ превосходной монографіи графа С. Г. Строганова, подъ заглавіемъ: „Дмитровскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ". Москва. 1849. Fol.

(*) Въ 1869 г. гробы эти уничтожены вовсе.

14+V стр. текста и XXIII табл. рисунковъ. Изданіе это, напечатанное въ самомъ ограниченномъ количествѣ экземпляровъ, никогда не поступало въ продажу и потому принадлежитъ къ числу весьма рѣдкихъ. Планъ собора помѣщенъ на табл. XVII. Этотъ планъ особенно любопытенъ по сравненію съ планомъ ц. Покрова-на-Нерли, которая очевидно послужила образцомъ Покровскому храму.

Кстати отмѣтимъ здѣсь размѣры замѣчательнаго храма: длина, отъ западныхъ дверей до стѣны средняго алтарнаго выступа—8 саженъ; ширина—6 саженъ; вышина до вершины креста—$14^1/_4$ саж.

Рисунокъ 40.

Исполненъ по прекрасному рисунку Дмитровскаго собора, помѣщенному въ вышепомянутой монографіи Гр. Строганова, на табл. XIX. Вообще говоря, кто желаетъ ближе изучить этотъ драгоцѣнный памятникъ нашей церковной архитектуры XII в., во всѣхъ подробностяхъ до мельчайшихъ украшеній—тотъ долженъ обратиться къ труду гр. Строганова Извлекаемъ изъ предисловія труда важнѣйшіе факты исторіи собора.

Построенный около 1194 года, соборъ въ XIII и XIV вв. нѣсколько разъ горѣлъ. „Судя по характеру строенія, надобно полагать, что, при Іоаннѣ IV, соборъ обнесенъ со всѣхъ сторонъ, кромѣ восточной, высокими папертями; въ южной изъ нихъ была устроена теплая церковь „...Въ новѣйшее время (въ 1807—1808 гг.) построена колокольня, рѣзко отличающаяся отъ древняго памятника". „...Въ бытность свою въ 1834 г. во Владимірѣ, Е. И. Величество Государь Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на эту замѣчательную древность, и Высочайше повелѣть соизволилъ: возстановить соборъ въ первобытномъ его видѣ. Вскорѣ потомъ послѣдовало изъ государственнаго казначейства назначеніе необходимой на то суммы".

„1847 года августа 24, Дмитріевскій соборъ былъ торжественно освященъ архіепископомъ Владимірскимъ и Суздальскимъ, преосвященнымъ Парѳеніемъ, и явился жителямъ Владиміра въ первобытномъ своемъ видѣ". (Стр. 13—14).

Рисунокъ 41.

По фотографіи Настюкова. Это небольшая (средняя) часть богатѣйшаго рѣзнаго пояса или фриза, окружающаго все зданіе Дмитріевскаго собора, даетъ полное понятіе объ удивительномъ разнообразіи и плодовитости фантазіи художника-строителя, создавшаго подобное украшеніе для своего прекраснаго зданія. Не слѣдуетъ забывать, что надъ этою частью пояса въ стѣнѣ соборнаго зданія помѣщается окно, окруженное массою обронно-изсѣченныхъ украшеній въ видѣ пестрой смѣси птицъ, звѣрей, растеній, цвѣтовъ и миѳическихъ животныхъ.

Обиліе и разнообразіе орнаментацій Дмитріевскаго собора побудило даже одного изъ нашихъ историковъ отыскать *гіероглифы* (sic) на стѣнахъ драгоцѣннаго памятника... „отъ половины до самого верха (собора), нѣтъ камня, на которомъ не было бы нарѣзано изображеній ангеловъ, людей, львовъ, вообще звѣрей, птицъ, грифоновъ и разныхъ *гіероглифическихъ животныхъ*". (См. Макарія, Истор. Церкви, III, 90).

Рисунокъ 42 и 43.

Выполнены по прекраснымъ и весьма вѣрнымъ снимкамъ, помѣщеннымъ въ монографіи гр. Строганова, на таблицѣ XVI. Достоинства этихъ хромолитографическихъ снимковъ особенно рѣзко бросаются въ глаза при сравненіи ихъ съ изображеніями тѣхъ же фресокъ въ изданіи Рихтера „Памятники древняго русскаго зодчества". Между тѣми и другими снимками фресокъ Дмитровскаго собора оказывается очень мало общаго. Подробности о фрескахъ Дмитріевскаго собора и различныя догадки объ эпохѣ ихъ происхожденія помѣщены въ монографіи гр. Строганова на стр. 11—12.

Рисунокъ 44.

Исполненъ по рисунку академика Ѳ. Г. Солнцева въ I т. Древностей Россійскаго Государства, отд. 1-е, рис. № 1. (Москва 1849).

Икона Божіей Матери Владимірская, писанная по преданію св. евангелистомъ Лукою, принесена была изъ Царьграда въ Кіевъ, вѣроятно, около 1131 г., потому что, по сказанію лѣтописи, привезена въ одномъ кораблѣ съ другою иконою Богоматери, называвшейся Пирогощею, во имя которой вел. кн. Мстиславъ еще въ 1131 г. заложилъ каменный храмъ въ Кіевѣ.

Послѣ принесенія въ Кіевъ, икона Божіей Матери (впослѣдствіи получившая названіе Владимірской) нѣсколько времени находилась въ женскомъ Вышгородскомъ монастырѣ, и отсюда въ 1155 году перенесена была Андреемъ Боголюбскимъ во Владиміръ-на-Клязьмѣ и впослѣдствіи поставлена въ Успенскомъ Владимірскомъ соборѣ. 26 августа 1395 г. икона Божіей Матери изъ Успенскаго Владимірскаго собора перенесена была въ Успенскій Московскій, гдѣ и находится доселѣ.

Древнее письмо иконы было поновлено въ половинѣ XVI в. Въ настоящее время лицевое письмо иконы прикрыто слюдою, а доличное (или драпировка, одежды и пр.)—богатѣйшимъ окладомъ.

Въ текстѣ *Древностей Росс. Гос.* (I, 5—6) приведено весьма замѣчательное описаніе украшеній, привѣсокъ и прикладовъ къ образу, сдѣланное въ 1627 г., по указу патріарха Филарета Никитича.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КІЕВЪ.

ГЛАВА ПЕРВАЯ. **Городъ Кіевъ.** Топографія нынѣшняго Кіева и его окрестностей.—Древнее поселеніе на мѣстѣ нынѣшняго Кіева.—Сравненіе нынѣшняго города съ древнимъ.—Дѣтинецъ, Гора и Подолъ.—Эпохи возрастанія города.—Обзоръ важнѣйшихъ остатковъ Кіевской старины.—Окрестныя урочища, вошедшія въ составъ нынѣшняго города. 3

ГЛАВА ВТОРАЯ. **Князь.** Права князей на кіевскій столъ: старшинство и наслѣдованіе.—Значеніе князей въ Кіевѣ.—Вокняженіе.—Рядъ съ горожанами.—Отношеніе князя Кіевскаго къ остальнымъ князьямъ.—Съѣзды.—Обряды крестоцѣлованія. Крестныя грамоты.—Послы.—Раздача волостей.—Управленіе княжествомъ.—Доходы князя. Богатство казны.—Тіуны и свита княжеская.—Частная жизнь князей 33

ГЛАВА ТРЕТЬЯ. **Дружина.** Значеніе дружины, какъ особаго сословія.—Раздѣленіе дружины на два главныхъ разряда: старшую и младшую.—Отношеніе дружины къ князю кіевскому.—Матерьяльное положеніе дружины.—Военное ремесло.—Полкъ и дружина.—Вооруженіе.—Способъ веденія войны и боевой порядокъ.—Участіе князей и дружины въ битвѣ.—Военная добыча и дѣлежъ ея.—Борьба съ кочевниками 57

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ. **Монашество и монастыри.** Первые монастыри кіевскіе.—Монастыри княжескіе.—Пещера Антоніева.—Возрастаніе братіи.—Ѳеодосій и его труды.—Введеніе Студійскаго устава.—Распредѣленіе занятій между братіею.—Построеніе Великой печерской церкви и легенда объ ея построеніи.—Отношеніе Печерянъ къ печерской обители.—Общій духъ, оживлявшій всѣхъ печерскихъ подвижниковъ.—Выдержки изъ Патерика Печерскаго.—Нынѣшнее состояніе обители. 69

ГЛАВА ПЯТАЯ. **Церковь.** Устройство Церкви.—Митрополитъ кіевскій и епископы.—Права и обязанности Церкви.—Доходы митрополита и епископовъ.—Отношенія Церкви къ князьямъ кіевскимъ.—Празднества и обряды.—Внутреннее устройство и благолѣпіе храмовъ.—Кіевскія мозаики и фрески.—Утварь и облаченія.—Гробницы въ кіевскихъ храмахъ. 89

ГЛАВА ШЕСТАЯ. **Городское населеніе.** Распредѣленіе кіевскаго населенія по тремъ главнымъ частямъ города.—Избранное населеніе Дѣтинца и Горы; особенности Подолья.—Главныя центры городскаго управленія: дворъ Ярославовъ и дворъ митрополичій.—Общій видъ города и устройство жилищъ.—Порубъ.—Значеніе торга.—Вѣче; его устройство и обычаи.—Отношеніе населенія къ князю.—Пиры и веселья.—Характеристика Кіевлянъ.—Геройская защита Кіева отъ Татаръ 115

ВЛАДИМІРЪ-СУЗДАЛЬ.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ. **Владимірское княжество и его древнѣйшіе обитатели.** Устройство поверхности и почва княжества.—Обиліе лѣсовъ.—Важнѣйшія рѣки Владиміро-Суздальскаго края и ихъ значеніе для торговли.—Древнѣйшіе обитатели края и славянская колонизація.—Слѣды историческихъ наслоеній въ мѣстныхъ городищахъ и курганахъ.—Археологическія изслѣдованія, знакомящія насъ съ подробностями быта древнихъ Мерянъ. . 1

ГЛАВА ВОСЬМАЯ. **Стольный городъ Владиміръ** Владиміръ въ концѣ XVII и въ началѣ XVIII вв.—Быстрое возрастаніе города при Андреѣ и Всеволодѣ Юрьевичахъ.—Раздѣленіе города на части.—Монастыри и церкви.—Общій планъ города.—Укрѣпленія.—Золотыя Ворота—драгоцѣнный памятникъ зодчества XII вѣка 1

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. **Князь и дружина.** Особенныя условія Владиміро-Суздальскаго края, благопріятствующія развитію княжеской власти.—Князь и дружина.—Князь, какъ представитель „народа".—Войско и военная тактика владимірскихъ князей.—Отношеніе князей къ духовенству.—Семейство князя.—Княжны и княгини.—Домашняя жизнь.—Устройство жилищъ.—Остатки палатъ князя Андрея 1

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. **Церковь.** Особенности устройства церкви во Владимірѣ.—Доходы и богатства мѣстныхъ владыкъ.—Страсть къ постройкамъ и украшенію храмовъ.—Новыя святыни и мѣстныя церковныя торжества.—Отношенія владыкъ къ свѣтской власти.—Западное вліяніе на мѣстную церковную архитектуру.—Первая эпоха развитія церковнаго зодчества во Владиміро-Суздальскомъ краѣ: постройки Юрія Долгорукаго и Андрея Боголюбскаго . 1

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. **Церковь** (окончаніе). Вторая, блестящая эпоха развитія церковнаго зодчества при Всеволодѣ Юрьевичѣ.—Рождественскій монастырь.—Перестройка владимірскаго Успенскаго собора.—Соборъ Дмитровскій. Любопытныя и важныя подробности его орнаментаціи.—Дальнѣйшее развитіе мѣстнаго церковнаго стиля въ памятникахъ XIII вѣка.—Внутреннее великолѣпное убранство церквей.—Древнія иконы и древнія фрески владимірскія 1

СПИСОКЪ РИСУНКОВЪ.

№№ рисунковъ. Стр.

Рис. 1. Церковь Рождественская, построенная Петромъ Могилою изъ остатковъ Десятинной 13

Рис. 2. Остатки древней Десятинной церкви (до срытія) 15

Рис. 3. Золотыя ворота (вскорѣ послѣ отрытія) 18

Рис. 4. Золотыя ворота (въ ихъ нынѣшнемъ видѣ) 19

Рис. 5. Кіевскій Софійскій соборъ (съ восточной стороны) 21

Рис. 6. Игорева икона Пресвятой Богородицы. 27

Рис. 7. Княжескія забавы (фреска Кіево-Софійскаго собора) . . . . . 4[illegible]

Рис. 8. Погребеніе князя (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ) 51

Рис. 9. Князь Святославъ и его семейство (по рисунку Святославова изборника 073 года) 53

Рис. 10. Князь и дружина (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ) 59

Рис. 11. Перенесеніе мощей (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ) . . . . . [illegible]

Рис. 12. Угощеніе митрополита и причта его княземъ (по сказанію о Борисѣ и Глѣбѣ). 72

Рис. 13. Пещера преподобнаго Нестора-лѣтописца въ Кіево-Печерской лаврѣ) . . . 85

Рис. 14. Божія Матерь Нерушимая Стѣна (мозаика Кіево-Софійскаго собора) . . . 93

Рис. 15. Лѣвая, сѣверная часть изображенія Тайной вечери (мозаика Кіево-Софійскаго собора). 97

Рис. 16. Правая, южная часть изображенія Тайной вечери (мозаика Кіево-Софійскаго собора) 99

Рис. 17. Пресвятая Дѣва (часть мозаическаго изображенія Благовѣщенія въ Кіево-Софійскомъ соборѣ) 105

Рис. 18. Древній видъ Софіи Кіевской (по рисунку XVII в.) 107

Рис. 19. Гробница, отрытая изъ развалинъ Десятинной церкви 112

Ркс. 20. Ярославова гробница въ Кіево-Софійскомъ соборѣ 113

Рис. 21. Урочища кіевскія: Щековица 121

Рис. 22. Урочища кіевскія: Кожемяки 125

Рис. 23. Серьги, гривны и ожерелья, добытыя изъ мерянскихъ могилъ. 141

Рис 24. Привѣски и украшенія, добытыя изъ мерянскихъ могилъ. 145

Рис. 25. Пряжки или фибулы, добытыя изъ мерянскихъ могилъ 147

Рис. 26. Оружіе: копья и боевые топоры, добытые изъ мерянскихъ могилъ . . . .
Рис. 27. Владиміръ на-Клязьмѣ (съ восточной стороны). . . . . .
Рис. 28. Владиміръ-на-Клязьмѣ (съ западной стороны) . . . . . .
Рис. 29. Золотыя Ворота во Владимірѣ-на-Клязьмѣ . . . . . .
Рис. 30. Видъ Боголюбова монастыря (близь Владиміра-на-Клязьмѣ) . . . . . .
Рис. 31. Сѣни и переходы, оставшіеся отъ палатъ князя Андрея, въ Боголюбовомъ монастырѣ . . . . . .
Рис. 32. Входъ съ надворья на сѣни палатъ князя Андрея . . . . . .
Рис. 33. Шеломъ съ личиною и бармицей, принадлежавшій князю Ярославу Всеволодовичу . . . . . .
Рис. 34. Покровъ-на-Нерли—церковь близь Боголюбова монастыря . . . . . .
Рис. 35. Успенскій соборъ во Владимірѣ-на Клязьмѣ . . . . . .
Рис. 36. Остатки пояса изъ рѣзныхъ колоннъ, на стѣнахъ Суздальскаго собора. . .
Рис. 37. Суздальскій соборъ . . . . . .
Рис. 38. Планъ церкви Покрова-на-Нерли . . . . . .
Рис. 39. Поясъ изъ рѣзныхъ колоннъ, на стѣнахъ Дмитровскаго собора . . . . .
Рис. 40. Дмитровскій соборъ во Владимірѣ-на-Клязьмѣ. . . . . .
Рис. 41. Планъ Дмитровскаго собора . . . . . .
Рис. 42. Древнія фрески Дмитровскаго собора: Патріархи и праведники въ раю . .
Рис. 43. Древнія фрески Дмитровскаго собора: св. Петръ ведетъ святыхъ въ рай .
Рис. 44. Икона Пресвятой Богородицы Владимірской (въ началѣ книги) . . . . .
Рис. 45, 46, 47, 48, 49, 50,—представляютъ собою фресковыя и мозаичныя украшенія Кіево-Софійскаго собора . . . . . См. стр. 32, 56, 68, 88, 114.
Рис. 51 и 52. Обронныя украшенія, изсѣченныя на стѣнахъ церкви Покрова-на-Нерли . . . . . см. стр. 162 и 212, X

Книга Маг. № 3 84077/564
*РВ-43035-53 5-20 СС

Stanford University Libraries
3 6105 002 354 178

DK
30
P63
v.2

Stanford University Libraries
Stanford, California

Return this book on or before date due.